

Борис Кутенков Критик за правым плечом

Борис Кутенков

Критик за правым плечом

Избранные заметки о классиках,
современниках, литературном быте

Издательство «Синяя гора» · 2025 · Москва

УДК 82-16
ББК 84стд1-5
К95

Автор благодарит Матвея Цапко
за серьёзную и неоценимую помощь
в составлении книги.

К95 Кутенков Б. О.
Критик за правым плечом / Борис Кутенков. — М.: Синяя гора, Саратов : Амирит,
2025. — 220 с.
ISBN 978-5-00207-858-5

УДК 82-16
ББК 84стд1-5

В книгу Бориса Кутенкова вошли тексты
2022–2024 гг. из его телеграм-канала.

ISBN 978-5-00207-858-5

© Б. О. Кутенков, 2024
© Издательство «Синяя гора», 2025

От автора

Эта книга — коллекция избранных заметок и эссе, публиковавшихся в моём телеграм-канале с 2022 по 2024. Как только в силу известных событий пользователи соцсетей ринулись в телеграм, я ощутил именно эту площадку в хорошем смысле амбивертной. С одной стороны, её удобно было вести как личный дневник — без света «софитов» (которые сопровождают две мои другие страницы, куда более знакомые подписчикам), при минимуме комментариев и анонимности лайкателей. С другой стороны, это дневник публичный — и площадка для розановско-олешевского жанра оказалась полезной, чтобы чувствовать «задел» на будущую книгу.

Критик Александр Агеев, впрочем, именно в силу этой амбивертности называл публичный дневник «злокачественным развитием жанра». Надеюсь, мне удалось избежать подобной злокачественности, основанной на исконном противоречии между интимностью и желанием нравиться. Надеюсь, что получилось прийти к той интонации, которая была бы всецело искренней, но при этом — учитывала запросы литературной аудитории: их я вижу прежде всего в желании узнать о современном литературном быте «из первых рук», от человека, максимально в него вовлечённого.

Содержание первого раздела полностью соответствует его названию и адресовано вполне конкретной аудитории — молодым авторам, только начинающим осваивать такую странную штуку, как «литературный процесс». В него вошли разного рода заметки о современной «молодой» поэзии, о поэтических поколениях; свободные, даже хаотичные наблюдения по следам наших поэтических семинаров; разного рода рефлексия о педагогической работе, о проблемах анализа поэтического текста (от композиции до семантического ореола размера), о проявлениях обратной связи в современной литературе.

Третий раздел («О классиках и современниках») включает заметки по поводу прочитанных книг, отдельных лиц и персоналий — и классики, и современного литпроцесса. Диапазон, условно говоря, от Сомерсета Моэма до Татьяны Бек, от Платонова до Дмитрия Кузьмина, от Льва Толстого до Андрея Таврова. Всё

это максимально хаотизировано — как и полагается дневнику; но, надеюсь, какой-то сюжет — возможно, и неявный пока для самого автора, — здесь удастся разглядеть. Собственно, я не раз говорил, что составление подобных книг для меня — процесс, близкий сочинению стихотворения по непредсказуемости и эвристичности. Все записи в книге, однако, расположены не в хронологическом порядке — и некая композиция мной всё же выстроена.

Вторая часть («„Джедай с лопатой света“ и другие эссе») наиболее беспардонна по хаотичности — и включает всё, что не влезло в первую и третью. Здесь — наиболее обширный спектр размышлений: впечатления от просмотра литературных передач и посещения мероприятий, эссе о соотношении искусства и гражданственности, отвлечённые личные истории... Много заметок о природе мемуарного жанра, который не перестаёт меня занимать, а также эзопова языка, — это два сквозных сюжета второго раздела. Возможно, именно он получился наиболее личным. И метафора из стихотворения Анны Русс, ставшая заголовком, вполне ему подходит.

Надеюсь, для кого-то эта книга окажется путеводителем по литературному процессу, а тем, кто в нём уже обитает или не стремится, — позволит соотнести свои впечатления с увиденным и прочитанным. Ну или поможет уже совсем разочароваться в нашем счастливом, но безнадёжном деле.

Приятного чтения!

Подписывайтесь на канал: <https://t.me/toniokreger>

57 писем молодому автору

А почему меня не обсуждают?

Ужасно радуюсь и тревожусь, когда человек, которого ещё год назад не заметил при отборе на семинар, начинает стремительно хорошо писать. «Он смолоду писал так хорошо, что казалось, он и не должен был жить долго», — эти слова Ильи Фаликова из рецензии о Денисе Новикове, при всей их суеверности, отзываются в душе мелкой дробью. Да нет, меньше, чем год назад: не взял его стихи, не заметил в них ничего. Поставил небрежный минус. Человек приехал на фестиваль с полуподростковой амбицией: «А почему меня не обсуждают?» Я полушутливо: «Давайте сейчас обсудим».

Беседа переросла в большую и странную дружбу. Разговоры, разговоры, сумасшедшая харизматичность, огромная личностная гениальность (не боюсь этого слова) во всём, которая никак не была проявлена в стихах, — или у меня отсутствует понятийный аппарат, чтобы различить эту гениальность именно в текстах. Мой небрежный минус, поставленный тогда, опровергает всякую попытку что-то понять. Но стихи же не могли совсем не нести печать личности. Вероятно, они просто не были (достаточной) почвой для того, чтобы она, гениальность, проявилась, — к тому же в нас слишком действует убийственная сила соответствия, критериальность, жажда сверки с «контекстом», стремление разложить всё по полочкам (без этого ничего невозможно понять, но, видимо, надо ещё и уметь *видеть сквозь*).

Далее — невероятный прорыв, бешеные разговоры, сложности. Внутренняя жизнь, только в очень малой части заметная мне, но явно громокипящая. Полный отказ от литературного процесса — с подробным обоснованием, почему он его не устроил (я: «Ты поморщился от пенки, не успев попробовать молоко»).

Сейчас — прислал сам. Подборка, какая-то невероятная по силе. «Делай с ней что хочешь — хоть жги, мусори, присваивай, это твоё». «Уже жгу и мусорю». Бережно составляю. И страшно: погружаюсь в тёмный и нервный мир, впервые читаю так человека целиком, кажется, что человек скорострельно пишет, рождает самое последнее, чтобы написать и уйти. Глупость? Но неотвязная.

Каждый скорострельный рост, каждое бешеное письмо с пе-

частью гениальности связано со смертью, несёт в себе смерть. Когда-то Бахыт Кенжеев в интервью задумчиво сказал мне, что каждая такая строка, как «...дай вам Бог любимой быть другим», — это несколько мгновений, отнятых у жизни.

Жизнь, убывающая как схема, как иллюзия критериальности. Молчание и отказ — как необходимость сказать, сила схемничества. Звонкий настойчивый голос в телефоне, знающий правоту, — и сад ветвей, через который не проглядывало настоящее.

«Но то, что бросил он во тьме, как чашу сберегу».

14 марта 2022

Молодой сейсмограф

Где точно подкрадывается ощущение старости — так это в разговорах с молодым критиком и куратором N. Каждый раз ощущение, что эта девочка (18? 19?) не только умнее и взрослее меня, но и тоньше чувствует контекст с его отдельными персоналиями — на уровне поведенческом (литературный быт, по Эйхенбауму), социальном и, о зависть, обобщенческом. Например, видит этот контекст и ощущение общности в нынешней литературе, где я в последнее время наблюдаю только полное разобщение и спорадически вспыхивающие отдельные проекты. (Объединённые только разобщением и политической ангажированностью — ну, так себе общность.) Наблюдаю общение на уровне тусовок, но не целостную взаимосвязь.

В разговорах со мной — N старшая, и она, обитающая в нашем аквариуме два года, приоткрывает мне этот литпроцесс со всеми его незаметными течениями. Я, читая много литпериодики, при этом, наверное, слишком отвлекаюсь на политику, работу в газете и собственные проекты, а она, всецело погружённая в литературу, нашедшая своё место, видит, кажется, в ней абсолютно всё. Сейчас диалог полностью превратился в интервью, которое я беру у неё, — и часто приходится разевать рот от удивления; это «интервью» может существовать только в переписке, ибо никогда и нигде не будет опубликовано.

«И мне смешно, как шустрая девчонка меня во всём за шиворот берёт...» А ещё она ходит по мероприятиям и напоминает

мне этим покойную Вязмитинову, которая считала, что критик должен непременно посещать литвечера, только так видится живое движение литературы. Я всегда отнекивался — для себя выбирал то онлайн, то чтение текстов и просмотр видео, но думаю, что в этом что-то есть.

Собственно, критик — это именно понимание контекста, в первую очередь, и сейсмических, подземных движений этого контекста, во вторую (Блок называл себя сейсмографом). Это чувство времени, которого, например, никогда не было у меня. С моей старомодностью, тягой к вневременному, увлечением персоналиями, некоторой дистанцией по отношению ко времени. Лидия Чуковская в своих дневниках писала о том, что ей мешает стать критиком именно отсутствие тяги к обобщениям, что за Блоком она видела не символизм, а самого Блока; за Пушкиным — личность, а не породившие его течения. Вот и я предпочитаю персонализировать, теряясь перед обобщениями. И уж точно не способен написать/сказать такую фразу, как Юлия Подлубнова о стихах Артемия Старикова в рамках «Полёта разборов» (что его стихи «не оказывают формирующего влияния на молодую поэзию» или как-то так)*, или то, что говорит Валерий Шубинский с его чувствованием тех же сейсмических толчков времени. И эти факторы — и их отсутствие — при любом разговоре необманны. Эрудиция — уже привнесённое.

Много всего узнаю от N — при этом ощущение старости уравнивается вполне старческим же ощущением, что нужно двигаться вперёд и так же следить за процессом (хотя столь же свежее мышление уже невозможно, понятно; много искушённости и усталости). Но, собственно, слушая таких людей, как N, я спокоен за будущее. И литературы, и России.

22 сентября 2023

* Точная цитата: «Стариков, действительно, всё увереннее работает в пространстве актуальной поэзии, хотя пока ещё среди тех, кто формирует индивидуальные идентитет и инструментарий и чьи практики ещё не влияют на развитие общего пространства».

Меня не полюбит рабочий

«За что она вам так нравится? Я ничего в её текстах не нахожу. Мне кажется, вы находите в её стихах больше, чем в них есть», — критически заметил в переписке со мной поэт N о стихах поэтессы NN, к книге которой я написал предисловие. За предисловие к NN я уже «огрёб» по полной — меня упрекали в том, что её приземлённым и версификационно небрежным (как моим оппонентам кажется) текстам я приписываю не существующие в них достоинства.

Вряд ли меня можно упрекнуть в какой-либо личной пристрастности — стихи NN я откопал в потоке рукописей на форуме, где вёл семинар, и они сразу захватили до какого-то полудетского восторга. Тогда представлял её совсем другой — а в жизни она оказалась иной, и контраст между стихами и человеком дополнительно захватил, хотя критически это аргумент достаточно слабый. Но всё же — прислушавшись к себе, вряд ли могу говорить о какой-либо коррупции.

В то же время в рецензии на её тексты я делал то, что делаю довольно редко, — сразу стал защищать NN от какого-то читателя, который видит их простыми и небрежными. «Предсказал» споры именно на этой почве. Могу отдать должное своей интуиции — впоследствии этот читатель материализовался и спорил со мной, но оказался тупее, чем я думал, ибо вынырнул из «профессионального» поля (впрочем, это как раз предсказуемо; типичная аудитория NN — всё же широкий читатель, реагирующий на эмоцию и конкретику, а вот «профессионалы» её пока не слишком признают. «Кутенков — первый критик, который меня не обосрал», — затем сообщила NN на своём выступлении). Тупой читатель же материализовался в лице литератора NNN, который проявил чудеса шаблонности и примитивизма, так плоско увидев её стихи и «вдарив» по мне, написавшему предисловие.

Других альтернативных своей точек зрения я не наблюдал (аргументированных, по крайней мере), однако эта «простота» NN сразу показалась мне изошрённым минус-приёмом. Без приговской искущённости, но — с той степенью нахальной искренности, которая в принципе раздвигает границы между поэзией и не-поэзией (а чё, так можно было, как в анекдоте про ягнёнка?

И простота оборачивается противоположной стороной медали. Подобное странное и промежуточное явление для меня — Стас Мокин). «Непохожие» стихи, обманчиво простые, преодолевающие границы, — столь непохожие, что очень легко счесть примитивом.

Понятно, что такое неприятие «непохожести» возникает и по отношению к другому полюсу, условно «авангардному». И тут менее любопытно, так как неприятие и неузнавание исходят уже со стороны «простого» читателя; ну, неинтересно же слушать разгром условной Варвары Недеогло. «Меня никогда не полюбит рабочий — / Рабочий не видит, за что меня можно конкретно любить...», — писала Нина Искренко. Случаи же условной Ксении Некрасовой или Василия Филиппова любопытны, потому что разговор о них внутри профессионального поля будет неочевиден, а тексты — более уязвимы, ибо всю нашу критериальность растёрли и выбросили.

8 октября 2023

Между иерархией и любовью

В продолжение предыдущего поста.

К себе бы я обратил вопрос: почему я так люблю стихи в виде минус-приёма, полные эмпатии и земной конкретики, но всё же не находящиеся для меня в зоне массовости? Отстаивая метареализм как высшую точку поэзии — отстаиваю ли, любя их, своё вытесненное, ту эмпатию, которой так не хватает в очевидно «сложном» тексте? Которая, сочетаясь с поэтическим веществом (если уверен в его присутствии), даёт тот эффект, которого не могу достигнуть в собственной — излишне символической — поэзии? Тот ли это эффект, который позволяет помещать нахально искренние стихи в ту зону высказывания, где срачиваются моя детская и подростковая, полустыдная любовь к попсе (как к зоне комфорта) — и возвращённая, органичная, «приемлемая» тяга к сложности (как выходу из комфорта и пониманию, что именно такие стихи наиболее адекватно передают состояние мира)?

Вопросы, вопросы, вопросы. Вспомнил об этом, читая одно интервью, где интервьюер спрашивает поэта о том, какое удовольствие читатель получает от «сложного» текста; поэт же, отвечая, переводит стрелки, говоря о потенциальном разочаровании читателя, которому порой не хватает глубины, который выходит из воды тем же, кем и был.

Но как разделить? Сильная впечатляемость делает вторичной иерархическую значимость объекта внимания. И в этом случае нивелируется всякое «в них есть». Скажем, когда эффект от текста накладывается на детское впечатление, ностальгию, внутреннюю травму — и делает текст, вроде бы неважный по своим «объективным» достоинствам, серьёзным внутренним событием. Стирает иерархии. Что-то подобное испытываю от нескольких романов Александры Марининой, которые «легли» на нужный возраст, оказали на меня громадное влияние. И сейчас совершают во мне громадный духовный переворот. Об иерархии, о попытке поместить тексты в контекст здесь говорить бессмысленно, и о зоне комфорта, и о границе между привычным/непривычным, и о «тексте вообще» тоже — каждый раз, перечитывая, я возвращаюсь новым.

Наверное, стоит пожелать каждому критику сохранять такую долю пристрастности и влюблённости — «подсесть» на что-то, понимая все его недостатки. Возможно, отстаивая его вне иерархии. И — на минуточку качнув маятник в другую сторону, «критическую», «объективную», — вынырнув из границ детской впечатлительности или извечной фрейдовщины; поглядев на текст «голым» взглядом. Не прикрываясь обманчивой самодостаточностью любви. Критика Ирины Роднянской, так часто влюбляющейся в «неочевидное», способной написать о тексте «подсела», «заразилась» и глубоко разобрать этот же текст в системе координат литературы, — отличный пример подобной балансировки. А вот мёртвое «в них есть», не аранжированное пристрастной любовью, остаётся внутри иерархизированного представления о «тексте вообще». И на каждом из этих полюсов опасно замкнуться и по-своему верно остановиться.

И всё же, перечитав NN, вновь «раздвоившись» на любовь и контекст, вернувшись в холодный иерархизм, — в своём впечатлении уверен. «Стих, почти не похожий на стих». А вот внутрен-

ние истоки любви к такой непохожести — уже про другое, на колу мочало, начинай сначала.

8 октября 2023

У нас в квартире другие пластинки

Был свидетелем интеллектуально насыщенной, интеллигентной, достойной старости: общался по телефону и мейлу с 88-летней Ириной Роднянской, которая прислала написанный ей на очень высоком уровне обзор книг полугодия. Такая старость восхищает меня примерно так же, как достойная юность. Второе — есть образ идеального прошлого (на соответствие которому, увы, не могу претендовать), первое — достойного будущего, что в совокупности делает выносимым настоящее.

Там же, в библиотеке Жигулёвска, где и говорил по телефону с Роднянской, меня одарили книгой детства — мыльной оперой, которую обожал лет в девять и с тех пор не видел. Книга не имеет художественной ценности, но как же разнообразно колышет душу возвращение к первоистокам; 524 страницы проглотил за обратную дорогу. Оказывается, помню из неё наизусть многие фразы, не говоря уже о сюжетных поворотах, и через них лучше понимаю собственную жизнь (осмысляя свои детские события на их фоне), вспоминая то, при каких обстоятельствах читал. Кажется, что во всём, кроме переосмысления детских впечатлений (через антиискусство тех лет), есть элемент насильственности, больший или меньший; или усилия... грань достаточно тонкая. Но ты уже взрослый, у нас в квартире другие пластинки.

14 июля 2023

Красотой наделю пристрастно

Некоторая внутренняя ограниченность парадоксальным (компенсирующим) образом приводит к усиленной эмпатии в адрес того, что по большому счёту не заслуживает эмпатии. Как то — неосознанному желанию находить красоты и глубины в продуктах массового творчества. Тех, которые для более снобистского,

иерархизирующего взгляда будут всего лишь массовым продуктом, и только. «Я красотой наделю пристрастно / Всякие несовершенства эти: / То, что наверняка прекрасно, / — И без меня проживёт на свете», — писала Татьяна Бек. В таких ситуациях проявляется незнание (а может, интеллектуальная лень; вряд ли неспособность к сложной философии — при ясном понимании «истинного» места этих массовых продуктов. И замещение попытки осмыслить это место — личной эмпатией: детской ностальгией, особым вчувствованием в то, что не видно снобу).

Здесь невозможно говорить о плохом или хорошем, а возможно — о некоторой неизбежности. И о некоторых крайностях: противоположность описанному — чаще всего поверхностно-отрицающий взгляд (в лучшем случае — отстранённо-социологический), для которого попса — это примитив. Такому взгляду никогда не понять эмпатии по отношению к тому, что «не-искусство», в принципе не искусство, просто не рассматривается личным вчувствованием как таковое. Но и попытка замещения — другая крайность — опасна: в ней есть соблазн подмены (особенно когда сам рассматривающий взгляд не обусловлен ситуацией, ситуация не прояснена — идёт ли речь о личной ностальгии, её поверхностных впечатлениях, или же контекстуализации, суждении об искусстве). Каждый раз эта ситуация требует чёткого различения, которое не всегда возможно, к примеру, в дружеском разговоре.

В моём случае, например, это истинно так. И сказать, что это скверно, я не могу, и что безусловно прекрасно — тоже. Просто так, и никак иначе.

21 июня 2024

Теперь несвободно сердечко

Почаствовал сегодня утром ни свет ни заря в ток-шоу о литературных премиях — на канале Даны Курской «ЛИТЕРА.ТВ» (уже вторая съёмка со мной за последнее время; говорят, что канал запустится аж в цифровом телике, вау, но для меня в таких случаях самое главное, чтобы бабушка посмотрела). Кроме меня, участвовали Ольга Балла, Валерия Пустовая и Дмитрий Данилов — съёмка длилась примерно час, было очень интересно, слушал Валерию

Пустовую как соловья в саду: ораторство, артистизм, свойственная ей эмоциональная жестикуляция, умеренное (в меру артистичное и в меру искреннее) вкрапление личных моментов и сленговых словечек — всему этому хочется учиться, анализировать её речь и жесты в контексте производимого устного эффекта. (Про то, что Дана прирождённый артист и классно смотрелась в роли ведущей, даже и говорить нечего, слишком очевидно.)

Дана спросила в том числе о том, почему у меня так мало литературных премий — по сути, одна-единственная, «Неистовый Виссарион». В ответ рассказал о психологических переломах — вспомнил даже момент своего публичного одиночества, после которого надолго или навсегда перестал куда-либо подаваться, и о неизбежной ангажированности — борьбе с коррупцией в собственной голове, когда, публикуя тех же людей, невозможно просить чего-то у них.

Ещё был интересный момент, связанный с социологией массовой культуры; вышел на эту тему после вопроса Даны о том, как реагирую на присутствие «неудобных» мне авторов в шортах и лонгах премий, сильно ли негодую. Я говорил о том, что стараюсь к таким ситуациям относиться практически, — то есть анализировать моменты взаимодействия внутри литпроцесса: почему тот или иной автор попал в шорт или лонг — чем коллег зацепили его, возможно, примитивные тексты: такие моменты всегда помогают что-то важное понять. По сути, это примерно как изучать масскульт. Так вышли на разговор о поп-песнях, Дана внезапно спросила про текст песни Татьяны Овсиенко «Колечко» — а я так же внезапно вспомнил своё трёхчасовое интервью с автором этого текста, Константином Арсеновым. После которого многое понял о мире популярной музыки, сходствах и различиях, — вообще, интереснейшее из моих интервью, ему нужно посвятить отдельный пост. Ответные слова Даны «Татьяна, позвоните мне насчёт рекламы» были неподражаемо смешны.

(Жаль, кстати, что не проанализировал текст этой песни с точки зрения присутствия внутренних рифм и эмоционального воздействия этим на слушателя, тоже весьма своеобразного искусства, — конечно, отличного от искусства поэзии, но в чём-то схожего с ним и требующего мастерства; был бы любопытный спич.)

Затронули и болевую тему отсутствия литературных премий для авторов 40+, некоторой «выброшенности на помойку», ставки на молодых, которая разумна и понятна, но всё же в какой-то момент ощущаешь, что тебя начинают воспринимать как нечто само собой разумеющееся, остаёшься сапожником без сапог. Что бывает и момент позднего дебюта, и вот это вот нужно как-то преодолевать.

В общем, интереснейшее ток-шоу — надеюсь, у всех будет возможность посмотреть, в интернете или в телике.

21 ноября 2024

Выключить профессионала

Случайно попался на глаза весьма посредственный сборник стихов — с апологетическим предисловием консерватора, который пишет про «свирепствующий в современной поэзии постмодерн и метареализм» (для него, видимо, уравниваемые) и, соответственно, про то, как хорошо, что рецензируемые стихи не имеют общего с этим свирепствованием. Об этих стихах (не изменившихся за годы) я и сам писал когда-то, лет в 18, раздут чувством ответственности, по заданию, данному в газете, — но критиковал за недостатки формы уже тогда. К нынешнему дню поэтесса стала лауреатом множества премий (трогательно перечисленных в начале сборника): стихи берут за душу неприязательную публику, будучи предсказуемыми в каждом моменте, — и, что скрывать, даже меня кое-где эмоционально цепляли, как может зацепить попсовая песня. А меняться в данном случае (и знать, что происходит в современной поэзии, и соотносить себя с литконтекстом), как посоветовал бы иной профессиональный критик, не только странно, но даже вредно: ведь тогда можно лишиться этой святой простоты и предсказуемости и перестать срывать овалции.

В общем, ничто не удивляет, всё знакомо как день, и ругать поэтессу не за что. Уверен: масскульт в её лице выполняет полезную, душещипательную, терапевтическую функцию. Да и чем бы иначе пробаивалась моя бабушка; как-то она попросила меня принести ей стихи Ах Астаховой, которую видела по телевизору: «Она так про войну пишет, как будто сама на ней побывала», —

понятно, что такой эффект достигается как раз из-за предельно общих слов. Пришлось покупать сборник, за который у меня в семье разразилась своеобразная драка.

Пожалуй, загадочно только одно: почему те же люди (имею в виду критика), пишущие об «эмоциональности», о предсказуемости, о возможности читателя найти себя в стихах как о безусловных достоинствах, — тут же нападут на обычную радиопопсу, едва зайдёт о ней речь. Ведь стихи такие, по сути, являются изводом поп-музыки: только в ухудшенном варианте. Попса, несмотря на внешнюю настырность, довольно скромна по жанру: никому не придёт в голову её идентифицировать с «высокими» жанрами музыки, тогда как любительская поэзия поневоле затрагивает территорию профессионального поля, покушается на неё. Она так же задевает обобщение, работает с банальностью и задевает исключительно эмоциональную струну. И всё же «правильную» попсовую песню сложнее написать, чем любительский текст (и то и другое может идти от души, не обязательно от рецептуры). Но в любви к Киркорову признаться не так просто, в отличие от стихов провинциальной поэтессы.

Что до меня, то я всецело люблю попсу — и она для меня располагается на территории той эмпатии, которую вытеснила или частично вытеснила профессиональная поэзия. Она существует для меня исключительно в синтезе с музыкой и исполнением — в то время как поэтический текст отвечает сам за себя и оценивается по другим критериям (я бы даже сказал, совершенно противоположным). У меня совершенно разное отношение к поп-музыке и к поэзии, и эти сферы абсолютно разделены в моей голове. По сути, только моё отношение к поэзии как к искусству профессионально — несмотря на то, что могу что-то понимать в других жанрах и отделять зёрна от плевел. И здесь, на священной территории, я не дам имя искусства тому, что таковым не является (вспоминая завет Блока). Но на остальных территориях важно остаться осознанным эскапистом, выключить в себе профессионала.

9 января 2024

Зрячесть слезы: о Степане Самарине

Хотелось бы обратить внимание на победу Степана Самарина в премии «Лицей». Слишком уж мало она освещена в СМИ — ну понятно, не до того нынче. А эта победа мне кажется каким-то невероятным просветом в литературном настоящем России.

В 2023-м первое место в премии, которая уже успела себя дискредитировать известными событиями, когда её директора смещают по мерзкому доносу; когда, кажется, подобной институции остаётся только задохнуться от унылых скреп и «традиционных ценностей», — первое место получает настоящий поэт. Не идеолог, не глашатай какой-либо партии, а именно Поэт, лирик в чистом виде, работающий со словом, с языком, с трансформацией живой речи. Автор с отчётливой ритмической индивидуальностью. Обладающий совершенно особой в современной поэзии интонацией — грустной, светлой и утешительной.

В год, когда, кажется, всё меньше надежд остаётся для литературы, — премию получает куратор «Книжного в „Клубе“», московского проекта, который негласно считается оазисом свободомыслия (насколько оно вообще возможно здесь и сейчас — с оглядкой на полицейского за углом, перефразируя Мозма). И это, конечно, никак не связано с решением жюри (они об этом, скорее всего, просто не знали), это победа поэзии, победа вопреки.

В год, когда лично я ничего давно не жду от премии «Лицей», — никогда (ну, почти-почти никогда) не совпадая с её выбором, отказавшись рассматривать её как значимую для себя институцию, — радует и тревожит момент такого совпадения. Видимо, талант действительно пробивает все барьеры.

И кто сказал, что после этого для литературы всё кончено?

Из моего предисловия к подборке Степана на «Формаслове» (декабрь 2022): «В каком-то смысле тексты Степана Самарина отрицают жанр предисловия, так как сами постоянно проясняют себя, возвращают к первоосновам бытия: „зрячесть слезы“ — почти оксюморон, но сквозь основное значение (затуманивание) проступает проясняющая, просветляющая функция горя, которое видит мир под увеличительным стеклом. Номинативные (хотя и полные ласковых деминутивов, но и называющих существительных) стихи Степана Самарина останавливают нас в паузе

предстояния, за некоторое время до неизбежного слома, постоянно имея его в виду: „неудобное и беззащитное“ бегущее молоко — до убегания; сама беззащитность — до удара; взволнованная иллюзия — до взрослой незаострённости чувства. Слова Сергея Гандлевского о „наблюдательности как роде признательности“ и „дорогостоящих мелочах мира, в котором мы почему-то очутились на время в первый и последний раз“ вспоминаются при виде этих называний, хотя генезис стихов Самарина иной: мне в первую очередь пришли на память Геннадий Айги и Василий Бородин. Постоянно подкашивающийся ритм безропотной жизни, выправляемой бережным движением, которому она „подставляет себя вся / как есть“, напоминает именно о Бородине, а свет и лёгкость, мудрость первоистоков существования — о нашем современнике Алексее Чипиге. И в постоянно длящейся дискуссии о текстах, которые нужны сейчас, которые стоят за спиной и дают опоры среди непрочности, — теперь нужно не забыть про это новое имя: Степан Самарин».

8 июня 2023

Стас Мокин как неопёт

Забрал в «Книжном в „Клубе“» книгу Стаса Мокина «Дневник», и она прекрасна. Книга, во-первых, показывает весёлый кукиш всем нам, пишущим пафосно и метафорично, со всем нам свойственным множеством поэтических условностей. Что-то подобное писал Владимир Губайловский в рецензии на «Школу милосердия» Пуханова — сейчас нашёл ту рецу, чтобы привести эти слова полностью: «Пуханов — неопёт. По крайней мере в этой „Школе“. Здесь он последовательно неопэтичен: слово лишено обертонов, культурных и прочих тонких рефлексий, спрямлено. Это игра на понижение. Есть некоторое среднепоэтическое звучание: слова, строки, строфы будят контексты, контексты разбегаются, будят новые, возникают цитатные перспективы, синонимические переключки, полисемантические игры, ритмические пятна... Это нормально. Мы это любим. Читаем и говорим: здесь поэт намекает на это, а там недоговаривает то. Нам приятно разгадывать хорошо зашифрованный подтекст. Пуханов всего этого

старательно избегает. Мир, который он строит, элементарен, как грабли, забытые в сених. И так же эффективен. Бывает больно».

Так же больно и светло было и мне от «граблей» («Чтобы от истины ходячей...», по Блоку) Стаса Мокина. Весёлая, трагичная и очень живая книга. Хочется много думать после неё о традиции русского юродства. Из предшественников — Ксения Некрасова, Василий Филиппов, отчасти — Пригов... Из современников — Степан Самарин и Ростислав Ярцев. Простота, становящаяся приёмом коммуникации; абсолютно искренняя речь, знающая о своей искренности и производимом ею впечатлении; работающая с простотой как с осознанным минус-приёмом.

А кроме того, книга очень интересна социологически — она возвращает нас в остроту подросткового переживания, в мир, переживаемый впервые и внове. Завидую этой болезненной остроте — и нет, не хотел бы вернуться в неё, в туман юности.

8 июля 2023

О новом поэтическом поколении

В современной литературе абсолютно не работает иерархия, связанная с «превосходством по старшинству», с неким ощущением возрастных заслуг. И так и надо: поделом условным «старшим», многие из которых всё сделали, чтобы оправдать несоответствие этой иерархии. (Впрочем, не выдуманная ли она по сути своей? Когда она работала как «общее»? И, глядя на отдельные выступления отдельных поэтов, которым чуть за двадцать, это ощущаешь очень остро.)

Посмотрел в отпускные дни два вечера авторов поколения двадцатилетних — условно принадлежащих к «актуальной» поэзии. Один из поэтов учился у того же преподавателя, студентом которого был и я — и по отношению к которому долго сохранял чувство его «старшинства», авторитета (пока преподаватель горестно и стремительно не деградировал и не озлобился на глазах). Впрочем, мне для ощущения утраты этого «старшинства» понадобились годы. И не могу сказать, что этот внутренний спор и мысли об этой деградации не продолжают влиять на меня — и систематизировать изнутри.

Молодой поэт сопровождает жестикуюляцию чтение своих стихов автокомментариями очень высокого уровня — из физики, лингвистики, разных сфер культуры... Чувствуется, что интеллектуальная жизнь для него — не ореол, а органичное пребывание в культуре, тесно связанное с поэтическим текстом. Текст строится на пересечении различных сфер культуры и науки и опровергает стереотипы о «лирическом герое» или «произрастании из книжности». Мне очень многое было непонятно и вызывало уважение вчуже (сколько же он читает?), но и ощущение какой-то подлинности стихов. Смотря на это, я уже забыл, кто у кого учится (недавно учился), на глазах произошло стремительное смещение верха и низа.

Ощущение, в общем, что «новое» поколение вправе уже что-то диктовать. Выстраивать свои институты, которые могут существовать на равных правах с имеющимися. Говорить о «молодости» уже — обидный анахронизм. Старшие, если не хотите выглядеть ходячими пародиями, лучше забудьте об этом. Не прислушиваться, не иметь в виду младших — пребывать в неадекватной реальности, и эта ваша неадекватность с годами будет усугубляться.

А наш общий бывший преподаватель всё продолжает затирать про разлагающий западный верлибр, про традиционное стихосложение и точные рифмы... И про своеобразно понимаемый «патриотизм».

Впрочем, конечно, именно так, криво поставленные вопросы порой только и дают возможность ответить на них по-иному и по-своему, это да. И это не верифицируемо — и ясно только изнутри внимающего. Интересно было бы спросить, например, молодого поэта, насколько на его интеллектуальную жизнь повлияли эти криво поставленные вопросы, было ли здесь плодотворное «вопреки».

19 декабря 2023

О молодом «самиздате»

Редактор журнала, одного из новых «самиздатских», в последний момент убрал из номера уже запланированное и понравившееся

ему интервью. Сказал, что не вписывается в структуру номера, который делался в последний момент и — получился вот таким образом, мол, прямая речь в него вообще не входит. На упрёк литератора, приславшего интервью, что это «непрофессионально», редактор упомянул, что, собирая журнал, коллеги «попали в пространство туманности, осени, неясности». В словах его прозвучало и нечто более важное: «Вы говорите, непрофессионально, а кто из нас профессионал? Мы делаем журнал совсем не про профессию».

Что я думаю в этом контексте о молодом «самиздате»?

1. Возникает новая реальность «взбалмошных молодых людей», которые воспринимают создание журналов не как профессию, а как весёлую игру. Журнал собирается в последний момент («на коленке» — хорошая расширительная метафора всего происходящего), он принципиально нацелен не на Литпроцесс (именно так, с заглавной), а на какой-то дружеский круг. Это скорее что-то вроде признания в любви миру, нежели прицел на создание иерархии или контекста. Возможно, речь скорее о пространстве света, несомом малым сообществом. И это очень про нынешнее время, и думаю, комментарии здесь излишни.

Нынешние журналы куда непосредственнее — и в смысле корректуры, и в смысле отсутствия или минимума критики (про «старое» её понимание и не говорю, тут всё ещё сложнее); или возможности, например, выкинуть материал в последний момент. Явно уменьшается роль планирования — тут мне сложно сказать, это про поколения или про нынешнюю реальность вообще. Говорят, что отсутствие этих горизонтов отличает двадцатилетних, но думаю, и не только.

2. Нам в этой реальности, видимо, жить; она будет усугубляться. Приходят и придут люди новых поколений, которые принципиально отличаются своим подходом к литературе от редакторов изданий «старого» типа (даже «Литература», «Формаслов», заметные журналы, создаваемые в 10-е, всё же делались с неким прицелом на «Новый мир», «Знамя», «Волгу» — на «старую» структуру журнала, при всех отличиях, хотя частью консервативной публики воспринимались именно как «новые»). Там отличие было, види-

мо, в той степени свободы, которая уже не заставляет воспринимать журнал как «метатекст» (определение Натальи Ивановой), в отсутствии тыняновской целостности, взаимообусловленности всех элементов, когда соседние произведения как-то оттеняют друг друга. Здесь — совсем иная степень свободы: в упомянутом эпизоде тыняновское остаётся, трансформируясь, ведь то злополучное интервью не вписывалось в «структуру». Но делается уже на каких-то других основах. Думаю, это основы, уменьшающие как раз важность иерархического и отдающие предпочтение дружескому. Отличия стоит искать в области поведенческой этики, которая как раз формирует подход к журналу.

Кривить морду от снобизма — объяснимо, но непродуктивно. Отстаивать старые принципы — понятно и заслуживает уважения. Найти какое-то понимание взаимоотношений, которое сочтало бы всё это, — наверное, нужно.

24 октября 2023

Идите на... и печатайтесь

Очень уважаю и ценю способность старших «отпускать» учеников и давать им возможность идти по собственной дороге, а не повторять конфликты, ошибки, удаchi и приоритеты учителя. Очень не уважаю и не ценю — ревностные попытки столкнуть ученика на тропу копиизма, собственных конфликтов, ошибок и далее по тексту.

В 2011 году на меня большое впечатление произвела история, которую рассказал один из учеников критика Владимира Гусева. Им — группе студентов Литинститута — предложили печататься в «Литературной России». Но они уже знали о конфликте газеты со своим любимым наставником, о том, что газета поливает его из номера в номер. Что оставалось? Пойти к наставнику в Московскую писательскую организацию и спросить совета. Владимир Иванович Гусев разразился грозной отповедью в адрес главного ЛР. Но потом притих и сказал: «А вообще, идите к Огрызко и печатайтесь. Критику нужна трибуна». Этот пример для меня стал примером педагогической мудрости, и я не устаю его вспоминать.

В том же году я влип в некоторые коррупционные отношения с глубоко непорядочным человеком, от которого получил «просто так» несколько крупных публикаций и приглашений. Сейчас житейской смекалки поболее, и я бы выкрутился из ситуации без взаимных потерь, но тогда... Когда глубоко непорядочный человек прислал мне «деревянной» почтой свою книгу — довольно-таки бездарную, — в ультимативном тоне заявив, что ждёт рецензии, я ощутил себя прижатым к стенке. При этом я уже знал о некрасивом интернетном скандале с моим дорогим и любимым учителем (в котором задиристый дорогой и любимый учитель был отчасти сам виноват, но всё же), когда глубоко непорядочный человек повёл себя неглубоко и непорядочно.

Что мне оставалось? Пойти и повиниться перед учителем, сказать, что, если увидите в каком-то издании мою рецензию на N, так, мол, и так. Задиристый учитель, на моё удивление, отреагировал спокойно и адекватно — и даже, как мне показалось, без иронии пожелал мне удачи, сказав, что N влиятелен, а вам, мол, только начинать свою карьеру, и надо с ним дружить. Рецензию я постарался написать сдержанную и без особых похвал. (До этого задиристый любимый учитель сам посоветовал: «Вы не берите с меня пример, я человек конфликтный». А несколькими годами позже, когда заела литературная ревность, сам вычеркнул меня из друзей: «Вы пишете о тех, кто мне не нравится». Я продолжал писать о нём хорошо и в период нашего конфликта, а с N довольно быстро расплевался без ссоры, да и его влияние на литпроцесс оказалось недолгим и местечковым.)

Сейчас, однако же, эти две истории про поведение учителей руководят мной, когда пытаюсь подавлять собственную ревность. И всё же такое отстранение непросто даётся, когда вижу очередное конъюнктурное юное личико, первоначально рассыпавшееся в комплиментах, а сейчас — как отрезало (и паблик, по «совпадению», полон теперь анонсами мероприятий моего недруга, пришедшего в литпроцесс с почётной нескрываемо-публичной миссией бороться с Кутенковым. И прежний интерес к «Полёту разборов» у юного личика — как корова языком слизала). Во всех подобных случаях сложно отделить потерю искреннего интереса ко мне — от целенаправленной конъюнктуры (кроме совсем явных случаев, когда то или иное юное личико не прячет наглого

карьеризма); собственную ревность — от попытки быть мудрым и уметь внутренне «отпускать»; естественную по молодости смену приоритетов — от желания вычеркнуть меня из круга этих приоритетов ради пиетета перед «тусовкой». Но надеюсь при случае всё же произнести такую же фразу, как Гусев. (Главное — проматериться перед этим в адрес недоброго оппонента, а не в адрес мирного коллаборациониста. Смайлик.)

Впрочем, думаю, и про меня некоторые учителя считают, что я их предал. И, наверное, тут дыма без огня не бывает. Ранние пробы пера, попытки попробовать всё и обойти всех всё же ведут к некоторому выбору — и выбор этот не обязательно должен быть в пользу тебя, это нужно проглотить и принять. И я тоже когда-то очнулся от кошмарного сна, увидев — с кем общался; почувствовав спустя время, кого надо было обойти стороной. Но на всю жизнь оценив отрицательный опыт.

Пусть же опыт общения со мной будет для кого-то ценен отрицательностью; хорошо бы не стремиться к ней, но помнить, что, в конце концов, без переваривания такого опыта невозможно адекватное становление.

(«На йух это становление, много ли счастья оно тебе принесло, Борь», — ворчливо заметил внутренний голос.)

20 декабря 2023

Между человеком и зверем

Хочу отследить, проанализировать грань, за которой звереет человек, — и когда, например, мудрый преподаватель, на семинар которого набивались студенты, превращается в комичное человеческое, слишком человеческое ничтожество, не осознающее себя. Позволить себе не перейти эту грань (не факт, что получится). Дать не задавить себя нарциссизму и профессиональной ревности, которые при нашем безнадежном деле легко превращают человека в это комическое создание — и ведут к тому, чтобы крыть всех матом. Собственно, эта граница между человеком и зверем — один из главных лейтмотивов моих последних или не очень последних стихов.

Но, кроме зверя, есть ещё один типаж нашей литературной реальности: полукомический нарцисс.

3 сентября 2024

Старческий задор и молодые авторы

Хочется вручить недипломатическую ноту протеста господам редакторам, столь омерзительно разговаривающим с молодыми авторами и самоутверждающимся за их счёт.

Вот что написала редактор отдела прозы (симпатичная, в принципе, женщина, и талантливая) двадцатилетнему прозаику: «Никогда Вас [с большой буквы!] не будут так обихаживать, как я сейчас, и не будут спрашивать, уговаривать, воспитывать и учить, а просто выбросят текст (безымянный) в корзину и забудут о Вашем существовании». После крайне высокомерной переписки, выдержанной в тоне школьной учительницы. Молодой автор, конечно, тоже хорош — написал вместо краткой биографической справки длинное эссе «о себе», от которого я катался по полу, а редактор пыталась втиснуть в формальное бюрократическое русло жестокую стихию таланта. Но можно ли поменьше понтов? До этого я не знал госпожу редактора с такой стороны, а сейчас думаю: стоила ли овчинка выделки, надо ли втравливать авторов в такое общение, которое навсегда может разочаровать в литературном процессе в принципе. И ведь результат-то... не Нобелевская премия.

Странно думать, что от тебя зависит судьба молодого автора и разговор в таком тоне может его чему-то научить. Если уж верен завет Шкловского, что писателя надо трепать, как лён, то давайте его истреplet жизнь, а мы не будем брать на себя функцию жизни.

Другая любимая мной дама в ответ на письмо двадцатилетнего автора с критикой её статьи написала, что «польщена вниманием представителя поколения, которое считает антиинтеллектуальным». Ну что ж, питать иллюзии не вредно. И возрастной аргумент — ну такое себе.

Никогда, никогда не брать с них пример. Омерзение просто. Диалог с теми, кто младше тебя, всегда должен быть уважитель-

ным — и на равных: эти люди тоже тебя многому могут научить. Иначе — «старческой любви позорней сварливый старческий задор». Банальности, но слишком уж для многих неочевидные.

Впрочем, побочный эффект — такой побочный эффект. Со мной тоже нередко вели себя подобным образом — но именно это побудило меня не повторять чужого негативного опыта, обходиться без понтов и по возможности без травматизации автора. Но стоит ли рассчитывать на такую «побочку»? Оправдывает ли она старческий задор и дряхлые понты? Не думаю.

9 ноября 2023

В объятиях Прокруста

В эфире очередной выпуск вашего любимого сериала «Люди, которые нас удивили».

Редактор отдела прозы, хороший и добрый парень, отказал автору в публикации новелл — поэтических, нестандартных, модернистских, добычинско-цыпкинских — одним словом, настоящих, — с формулировкой «слишком нестандартно».

Не удержался, написал редактору, что этим он сделал автору высший комплимент.

Дорогие мои, вы очаровательны в своём стремлении загнать автора в прокрустовы кровати канонов, форматов, стандартов. Одна статья у Сергея Белякова так и называется — «Прокруст любил формат». Вас ничему не учит ни практика литпроцесса, ни мировая литература. Посоветуйте ещё «концептуально манифестированного лирического героя», посоветуйте писать просто, скажите, что «автора не видно в стихах» (как выразилась редактор отдела поэзии «Знамени» Ольга Юрьевна Ермолаева). Зачем вы читали книги. Соприкасались ли хоть раз с теорией литературы. Что вы только со своими установками делаете столько лет на своих местах. Почему ёлка зелёная. Зачем поэта расстреляли и первый снег упал в траву.

25 октября 2023

Случайно узнал, что на «Полёте разборов» в зуме один поэт «впустил» вместо себя на обсуждение другого человека — болел, решил разыграть или что-то такое. Однокурсник прочитал за него подборку (стихи были разбираемого поэта, но теперь и в этом полной уверенности нет; ведь теоретически возможен розыгрыш и с подменой текстов). Кстати говоря, коллега-«заместитель» продекламировал эти вещи с потрясающей дикцией, которая меня как-то дополнительно убедила в подлинности стихов. С разбираемым поэтом я разговаривал пару раз в жизни и удивился на ПР, как сильно у него «изменился голос». Ну а насчёт отсутствия видео мы с соведущим предположили, что он, может, «сидел без майки» (жарко же, лето). Я даже сопоставил этот голос со стихами разбираемого, сильными, надо сказать, — и под этим влиянием начал как-то иначе глядеть на него, на его юродивую безуминку. Теперь же нахожу объяснения и тому, что поэт отказался разговаривать с зум-аудиторией о «своих» стихах, — «всё, что вы скажете о них, будет верным, я со всем соглашусь».

Вообще, тяга к контекстуализации в нас, критиках, безмерна — и порой граничит с настоящим лоховством. Непривычное мы легко встраиваем в контекст литературы, обстоятельств, идём от «странно» к «закономерно», привыкли всё объяснять — и, по сути, этой способности к объяснению нет границ. В то же время и лагерный принцип «никому не верь» остаётся исследовательски неизменным.

Есть история, как вдова андеграундного поэта прислала исследователям его архив, найденный где-то дома. Большинство стихотворений принадлежали тому поэту, но одно оказалось чужим, переписанным им из самиздата, который он собирал. Стихотворение известно части литературной публики — оно принадлежит ныне живущему почтенному классику андеграунда. Оно в той подборке было выдающимся и вполне смотрелось как лучшее в ней; но, возможно, другие стихотворения, принадлежавшие поэту, были не столь ровны по стилю, чтобы можно было заметить подмену. Так или иначе, оно вошло в подборку органично — и как факт удивления не вызвало. Однако интереснее всего то, что литературовед, написавший об этой подборке, легко

и органично встроил чужое стихотворение в её контекст, нашёл ему объяснения в системе внутренних связей поэзии, — и никого это не удивило. Пока не обнаружилась подмена (это могло никогда и не стать известным, но подборку прочитал внимательный исследователь андеграундной поэзии, который «различил» не ту мелодию с трёх нот).

Сам же поэт, которому составители подборки, извиняясь, сообщили о подмене, оказался добр и адекватен — и ещё и сказал о распространённости таких случаев, в т. ч. с собранием сочинений Бродского. А внимательный андеграундный исследователь уже не с нами — и унёс ту историю с собой в могилу.

31 октября 2023

Смехом смерть победим

Был в гостях у пожилого критика, которого связывают незримые ниточки и с Рыжим, и с Татьяной Бек, и с Межировым, и со многими другими. На стене — искусственная роза, подаренная Рыжим (и он был в этой квартире). Квартира, в которой проходили поминки по Татьяне Александровне... Взаимосвязь с целым пластом русской литературы, о котором я могу рассказать много всего, но — в контексте вычитанного, а он — в контексте живого свидетельства. И как же это свидетельство контрастирует с одинокой квартирой внутри шумного города, живущего своими заботами. Обмен «паролями» (и книгами) прошёл успешно — и даже удалось рассказать о Владимире Полетаеве, который как-то прошёл мимо критика, и, кажется, заинтересовать.

Больше всего люблю общаться с людьми либо значительно старше, либо младше себя; такие крайности в этом отношении. Встречи с людьми литературы, которые сильно старше, — компенсация внутренней тоски по советскому мифу, по Большому Слову в литературе, по (невозвратимой, возможно, но кажется мимолётно, что да) значимости. Внутреннее эгоцентрическое ощущение долгой жизни и литературы, и себя в ней. Некое привставание на цыпочки, взгляд как будто из укрупнённого настоящего — увеличенного на знание этих «паролей».

Встречи с людьми, которые значительно младше, — некая

репетиция небытия, своеобразное внимание уходящей жизни к жизни молодой. Жадный взгляд прощания, исчезающей энергетике, — на жизнь приходящую, свежую, ещё не лишённую иллюзий и умеющую смеяться самозабвенным залившимся смехом, словно вся уходит в этот смех. В последнее время замечаю, что юные люди как-то по-особому смеются. У Антона Азаренкова в стихотворении есть про «смешливых зумеров»... Этот диковатый, даже по-хорошему бескультурный хохот на фоне моего нынешнего желчного скепсиса — словно сам по себе есть демонстративное забвение, эвфемистическая реакция второго мира на эту реальность, которая «для веселия мало оборудована». Реакция, побеждающая — меня-смерть, меня-небытие.

И так её, обсмеивайте эту смерть; сим победим.

3 марта 2024

Большой Критик и личный Карфаген

Почему я никогда, никогда не буду разговаривать заносчиво с любимыми коллегами по перу — но особенно с поэтами, которые младше меня?

Люди, которые приходят ко мне в личку, ожидают узреть «литературную величину», слегка робеют, но видят перед собой совершенно «неформатного» человека и по-хорошему удивляются. (Впрочем, о своём странном и «промежуточном» положении в литпроцессе я уже писал в одном из эссе этого тг-канала.)*

Для меня важно преодолевать этот стереотип о «значимости» и форсированное подчёркивание субординации прежде всего потому, что видел и вижу много антипримеров перед глазами — особенно повидал их в юности. Некоторые из этих ходячих антипримеров до сих пор представляются мне как мумии с неживыми лицами, стянутыми масками, постоянно вынужденные подчёркивать «имидж» «значительности». Некоторые изрядно травмировали ещё в юности.

Как-то давно я пришёл на семинар к одному критику. Критик хороший, но весьма, весьма субъективный и тяготеющий

* См. эссе «О промежуточном статусе в литпроцессе» в настоящем издании.

к произволу вкуса, — и, в чём ещё большой недостаток (не только его), абсолютно не педагог. Творческий семинар — всё же явление гибридное, на стыке литературной критики (условно «журнальной») и педагогики, и в случае с молодым автором интонации разговора, умение не причинять боль, чувствовать человека, чувствовать стихотворение не только с позиции Большого Контекста, но и с точки зрения потенциала, — всё это имеет громадное значение. Не могу сказать, что я этому всецело научился, но помнить об этом стараюсь каждый раз, а иное поведение считаю психологически незрелым. Критик же, лишённый педагогических способностей, говорил с молодыми авторами с позиции некоего «журнального» отсева, как, скажем, в редакции.

Я прочитал тогда стихотворение — неплохое, как я и сейчас полагаю, и точно потенциальное. В библиотечном зале, кроме меня и Критика, находились ещё его ученик (известный ныне хороший поэт и куратор) и случайно зашедшая в зал местная собака.

Собака обнюхала всех во время чтения стихотворения и отправилась по своим собачьим делам. Я закончил читать и ждал отзыва.

Большой Критик и Большой Куратор переглянулись и стали демонстративно обсуждать собаку — породу её, шерсть, повадки, что-то ещё... Вместо стихотворения, пока я ждал отзыва, чувствуя себя уязвлённым. В этом чувствовался некий заговор — мол, в стихотворении обсуждать нечего.

Потом Большой Критик сказал что-то применительно к стихотворению с точки зрения бытовой логики (придирки к метафорам, которые представляются ему пародийными) и про вариант концовки, который даже в страшном сне не представляется мне адекватным. Следом было много чего ещё: намеренное и грубое высмеивание меня студентами его семинара и даже подначивание их к тому, чтобы я стал героем рассказа-пародии, вошедшего впоследствии в книгу его ученика. В том рассказе мальчик, которого обсуждают на семинаре, выливает в лицо одному из обидчиков кипяток.

...Большой Критик, кстати, до сих пор болезненно зафиксирован на мне и подходит к людям после мероприятий, доказывая, что «Кутенков графоман» (хотя я его давно простил, не раз

доброжелательно ссылался на его статьи во время своих лекций; писал пост про его замечательную книгу о журналистике и т. д.). Для него это личный Карфаген, который должен быть разрушен, что даже вызывает своеобразное уважение, — ведь он борется за правое дело очистки литературных рядов.

Так вот, вы спрашиваете, почему не буду так себя вести (возвращаясь к началу поста)? И так, и эдак тоже?

А вот патамушта.

А если всё же нарушаю этот закон, не видя бревна в своём глазу, то заранее прошу у всех прощения. И прошу мне об этом сказать при случае.

3 марта 2024

О промежуточном статусе в литпроцессе

«Приятно, что такая величина, у которой есть страничка в Википедии, подписалась на мой тг-канал», — написал мне новый собеседник, снова вызывая у меня чувство неловкости и удивления.

Вновь думаю о своём промежуточном статусе в литпроцессе, при котором — с одной стороны, что-то да значу и моя страница в Википедии способна ввергнуть в священный трепет; с другой стороны, ещё довольно молод и не успел обрасти возрастными понтами, при этом недостаточно легитимен и недостаточно (не из-за возраста, а из-за многих обстоятельств, о которых отдельно) встроен в существующую условную «иерархию». Плюс ко всему выгляжу сильно моложе своих лет, лишён понтов при общении, обладаю определённым инфантилизмом — и воспринимаюсь как равный многими младшими ещё и из-за этого. Всё это создаёт некоторую развилку, в которой был бы плодотворен путь туда или сюда: либо намеренного подчёркивания субординации (которое не по мне как личности), либо уже совсем отказа от всех и всяческих личных достижений, которые и создают чувство неловкости и развилки по сравнению с более молодыми по возрасту и особенно начинающими авторами.

Путь форсирования этой субординации был бы плодотворен в смысле развития личного бренда, но можно на всю жизнь остаться литераторами В. или К. — с их масками, приросшими к лицу.

Это для меня довольно-таки ужасающие антипримеры, учитывая моё внутреннее сопротивление любому «строительству бренда» (и, конечно, куда меньший успех, чем был бы при отсутствии этого сопротивления). Но само движение в эту сторону влияло бы не (с)только на мои личные понты, сколько на проекты, которые получают в таком ключе элитарный эффект замочной скважины. То есть в итоге — на авторов мемориальной серии, которых продвигаю, и те интересы литпроцесса, к которым стремлюсь, строя, как Немзер, свой идеалистический Город Солнца.

С другой стороны, когда начинаешь говорить на равных, разрушая всякую субординацию (что абсолютно присуще мне как личности, органично, и, в принципе, этот аристократизм я бы не хотел оставлять), — это и создаёт ощущение ужасающей развилки, при которой неизбежно услышишь что-то подобное о «такой величине», абсолютно не желая того. Но и активный соцсетевой хейтинг после моей — выдержанной в чисто литературном ключе — критики «товарищей по перу» был связан во многом с тем, что раскритиковал их Боря, который недавно ходил с ними за грибами. И тут опять было бы плодотворно абсолютное (искусственное) абстрагирование от дружеских отношений как некоторая «чистота» своего статуса в литпроцессе.

23 декабря 2023

«Полёт разборов» и современный контекст

Думаю о свободе «Полёта разборов» от контекста — во «внешнем» смысле, в том, о котором Дмитрий Кузьмин говорил применительно к задаче журнала: задача выстраивания контекста и контекстуализации автора — по сути, строительства литературного процесса собственными руками. Отзыв на «Полёте разборов» свободен от такой контекстуализации — здесь, конечно, есть разница между зум-проектом и журналом: в рамках семинара контекст возникает внутри отзыва на конкретную подборку и определяется именно «внутренними» задачами отзыва, тем, как этот контекст оказывает влияние на автора и соизмерим с ним. Но — не выводом автора в иерархию «внешнюю». (Что не отменяет задач социализации разбираемого автора — но каждый раз эти

задачи ситуативны, зависимы от возникающих внутри конкретного разбора и после него внутренних связей, а не определяемы специальными потребностями разбора или побуждениями кураторов.)

У такого подхода, конечно, есть и плюсы, и минусы. Существенные.

Минусы — в отсутствии связности на уровне конкретного проекта, некоторой «рваности» возникающего целого-сериала (где на его месте мог бы как раз быть контекст, некая более определённая точка зрения на «целое»). Пока же получается по Высоцкому: «Фильм, часть седьмая — тут можно поест, / Потому что я не видал предыдущие шесть». Мог бы возникнуть плодотворный «элитарный» эффект замочной скважины: чем более узка целевая аудитория, тем шире реальная). В отсутствии «внешней» контекстуализации и, стало быть, слабом влиянии на литпроцесс. Опять же, это влияние всегда точечное, каждый раз ситуативно определяемое; возможно, и не видное его кураторам; возникающее как некий побочный эффект обсуждения — ситуативно важный, иногда меняющий большой литературный контекст невидимым образом: «вступить в партию, чтобы развалить её изнутри».

Плюсы — совершенное продолжение минусов, медали этой неотменимая оборотная сторона. Они, думается, в свободе от «внешнего» иерархизма; в отсутствии необходимости «выстраивать» литпроцесс; в возможности сосредоточиться на конкретном обсуждении и задачах, связанных с обсуждением/конкретным автором.

Но вот диссонанс между задачами «учебного» обсуждения и целями филологического понимания всё это, конечно, не меняет. И тут вряд ли можно увязать крайности. Перепад и гармония возникают внутри конкретного обсуждения, я довольно часто ощущаю остро и то и другое (со стороны же может быть и вовсе незаметно). В теории об этом рассуждать — красиво, но на практике, пожалуй, никакой баланс недостижим.

9 января 2024

Об иерархии в современной литературе

Заговорили с коллегой о критике N, профессиональном редакторе авторитетного журнала, любящем своё дело персонаже с весьма специфическим (но сегментно понятным) вкусом. Персонаж странным образом не оценил молодого поэта NN. Коллега заметил, что для меня поэт NN слишком безусловен, — а в 20 с чем-то лет это невозможно; плюс упрекнул меня в наивности по поводу критика N — что я отправил ему стихи NN, который «столь очевидно находится за пределами его эстетического поля». Я ответил: а) что жду от критика не соответствия пределам его эстетической полянки, а квалифицированного суждения, которое предполагает рассмотрение разностороннего контекста; б) что есть какие-то пределы литературной вменяемости — и если критик N не оценил NN (назвав его откровенно слабым, а не с позиции личного вкуса) и при этом назвал «более талантливой» поэтессу NNN, то моё доверие к этому критику утрачивается.

Понятие же «безусловности», да, странно в принципе даже при разговоре о классиках. У Лидии Гинзбург есть замечательная запись: «О великих писателях прошлого принято говорить подхалимским тоном. Они своего рода начальство». Важно не завязнуть в ощущении этой придуманной за нас иерархичности картины литературы, составлять живое и непосредственное мнение. Но что-то есть в таком выражении «свободного мнения» нуждающееся в оговорках (и это возвращает к критику N), легко переходящее либо в произвол вкуса, либо в оборотную сторону этой медали — его сегментную обусловленность. Есть какие-то вещи, с которыми бессмысленно спорить, которые сразу говорят о сомнительности вкуса и выбора. У Чехова было в одном письме: «Я знаю, что Шекспир писал лучше, чем Златовратский, но я не могу этого доказать».

Коллега же, с которым я спорил, признаёт эту «безусловность» лишь за старшими авторами, обладая чётким иерархическим мышлением. Впрочем, понятие иерархии тоже требует уточнений: она как бы есть и её нет; существуют её более-менее очевидные уровни (каждый раз нуждающиеся в оговорках; самый явный случай двусмысленности — это авторитетный поэт, который присылает слабые стихи и которого публикуют из-за

имени). Есть, кроме этой двусмысленности «очевидных уровней», тот ужас, который мимо всего (и этот ужас порой, и нередко, видишь в авторитетном толстом журнале). И есть явления, к которым ещё надо присмотреться (этих незаполненных лакун всё больше, культуртрегеров же мало, и те фатально не выполняют свои задачи, да и задачи видят как различные). Каждый из этих случаев, таким образом, оказывается сопровожждён такими оговорками, которые едва ли не отрицают ту часть предложения, что вне скобок.

В 2009-м Дмитрий Кузьмин ещё мог говорить (в интервью Андрею Пермякову, журнал «Волга») про консенсус, который «работает в позитивном аспекте не так, как в негативном: если, к примеру, я и профессор Шайтанов сходимся в том, что нечто — чепуха, так уж это и вправду чепуха (выбрасываем за пределы профессионального поля), но если наши мнения расходятся, то консенсус состоит в нашей общей готовности обсуждать некоторое явление». Сейчас всё меньше надежды, что вменяемые культуртрегеры сойдутся на отнесении определённых имён к какой-либо из перечисленных категорий; всё меньше её в силу отсутствия полемики и предельного разобщения (усиленного, естественно, политизацией литературного поля). Проверить же эту потенциальную готовность к диалогу и возможность/невозможность сойтись на именах нет возможности. Пусть останется так, с невольной тавтологией; а было бы утопически интересно, между тем, собрать круглый стол абсолютно разных людей, где абсолютно разные люди поделились бы абсолютно разными мнениями об одних и тех же авторах.

Остаётся действовать внутри «тюрьмы собственной головы». Главное всё же — почаще выныривать из неё в мир, большой и разный, и соизмерять свою долю с его разностью.

27 декабря 2023

В плену дискурса

Посмотрел на ютубе презентацию книги новопоявившейся любимицы «левого» дискурса, пишущей довольно смелые стихи с, назовём это так, гражданским посылом. Стихи за довольно ко-

роткий период стали локально популярны — действительно выделяясь в «молодом» поколении, состоящем из условно «тихих» голосов, — и вызывают дискуссии.

Несколько замечаний по следам презентации:

1. Хочется припомнить формулировку Лидии Гинзбург: «Слова, с которыми решительно ничего не произошло из-за того, что они встали в единый семантический ряд». Видно, что за каждым словом стоит идея и эмоция — гуманистическая, страстная, но за потоком скорописи всё это теряется как цель высказывания, проскальзывая мимо целевого для таких текстов коммуникативного назначения. (Вопрос, насколько уместно для поэзии коммуникативное назначение, не оставляю в стороне и вернусь к нему двумя абзацами ниже.) Музыки же, которая нивелировала бы смысловое содержание, здесь нет и в помине.

При этом неожиданно было услышать переосмысленные цитаты из советских песен и — совсем неожиданно — прямую цитату из Рыжего, которую вряд ли кто-то распознал из целевой аудитории поэтессы. Есть ли последнее «экспроприация правого дискурса» — в таком случае ироническая — или некое парадигмально странное соотнесение Рыжего с протестными реалиями сегодняшнего дня — сказать не берусь. Странно уже само по себе услышать его в этом контексте.

2. Впору вспомнить Олега Юрьева с его несколько радикальным отрицанием коммуникативного назначения литературы. В то же время дискурс стихов заставляет несколько переосмыслить эти понятия и говорить о «протестной» поэзии именно в связи с миром идей. Но понятия нездорово смешиваются в исходно «ненормальной» ситуации, и было бы обидно идти у неё на поводу.

3. Обсуждение, что неудивительно, свелось в основном к «идеям»; к реалиям сегодняшнего дня и к переключкам с теми или иными философами, начиная с Бенямина. Никакая эстетическая оценка здесь невозможна (а кто-то мне возразит, что в контексте «содержания» даже и неприлична). Позиция авто-

ра легитимирует его автоматически. Но об устройстве текстов за три часа стрима услышать хоть что-то хотелось. И не довелось.

4. Априорная «безоценочность» в разговоре об этих текстах, впрочем, не нова — и вполне соответствует давно знакомым принципам филологической легитимации. Возможно, более конкретный разговор о текстах выявил бы уязвимые места; постановка же юного поэта в ряд с Беньямином и Ницше как бы сразу его «оправдывает», до эстетического уровня разговора и вне его. Однако сама исходная точка легитимации — искусственная; это принадлежность к дискурсу, первооснова которого вновь — соответствие «гражданской» позиции, а вовсе не близость текстов неким эстетическим установкам говорящих. Подмена понятий есть подмена понятий, которую вполне иллюстрируют антологии глубоко ненормального времени — причём и с той, и с другой стороны дискурса.

26 февраля 2024

По следам семинара прозы

Провёл два семинара о прозе на литературных курсах, разобрал рассказы. Получил довольно новый для себя опыт анализа современной прозы. (Конечно, не впервые, но сталкиваюсь с ней преимущественно когда платят — т. е. присылают с сайта для «внутренних» рецензий или обращаются с частными заказами — опять же, для «внутреннего» анализа. Публиковать же свои отзывы решаюсь редко — исключение сделал для давно знакомого и любимого Михаила Турбина, «Выше ноги от земли», и с удивлением узнал, что на мою рецензию часто ссылаются в курсовых на журфаке МГУ.) Каждый раз очень удивляюсь, когда прозаик говорит, что я его понял и хорошо разобрал, — вот и сегодня, кажется, внушил мотивацию одной талантливой прозаине. Вопросом после разбора было: «Борис, почему Вы такой хороший?»

Что могу сказать о своём новом опыте?

— Рассказы, представленные на обсуждение, в основном недоработанные, ошибки типичные; сам формат учебного задания,

данного на курсе (описать героя-трикстера, уложиться в 7 тыс. знаков), плохо сочетается с задачей литературы, которой, как известно, закажешь Индию, а она откроет Америку. Неважно этот формат задания увязывается и с анализом — о тексте говоришь как о состоявшемся или не состоявшемся, представимом или не представимом на страницах «Знамени» или «Нового мира». В то же время приходится делать оговорки, ссылаясь на сам факт задания, которое ограничивало.

— О современности пишут мало, а если пишут — то обтекаемо (это тенденция; причины, думаю, объяснять излишне).

— Говорить об ошибках легко, они поддаются типизации; талант, как всегда, типизации не поддаётся. Удача рассказа мало объяснима, но любовь к герою — одна из непредсказуемых и нерасчётливых возможностей удачи. Вспомнилось, как Бахыт Кенжеев в данном мне интервью объяснял неудачу мастеровитой прозы Леонова тем, что тот не любит своих героев, в отличие от Толстого. Сам язык повествования, кажется, всегда следует в фарватере этой любви.

— Но, кажется, и я поддаюсь соблазну типического, меньше зная о прозе, чем о стихах, и меньше умея её анализировать. Портреты героев, речевые характеристики, недоовплощённость сюжетного потенциала — то, о чём трещу постоянно. Много обращаю внимание на частные вещи, мало говорю о прозе внутри контекста. Хуже отыскиваю фактические ошибки (но сегодня обратил внимание на парочку неувязок). Не волшебник, только учусь.

— Мандельштамовская формула «чувство собственной правоты» действует и здесь; внутренняя уверенность — неотъемлемый признак удачи; она иная, чем уверенность графомана; знание и литературная интуиция, ведущие каждую строку и образ. Это опознаётся уже по авторскому отношению к рассказу. И эта уверенность, как и в стихах, превосходит рациональное — там, где мы видим ошибку, часто кроется возможность новизны.

23 июня 2024

По следам «Этапа роста»

Провели по зуму шестой «Этап роста» — маленький опыт противостояния окружающему мраку и хаосу, маленькое подтверждение того, что не всё удастся развалить тёмным силам. Для меня — ещё и важный момент самодисциплины, возможность погрузиться в подборки и в итоге всё то же противостояние хаосу (внутреннему).

Шесть авторов. (Про символизацию в виде шестёрок уже шутил; слава богу, третьей вроде бы не было.) По-разному чудесных. Динамичные обсуждения, каждое на полчаса; идеальный формат, как по мне. Многим нравится больше, чем «Полёт разборов».

(В итоге, правда, получилось шесть рецензий и отобранных заявок, а обсуждаемых пять. Один автор не выдержал стресса, связанного с услышанной критикой чужих стихов — довольно мягкой, однако, — и молча отключился от конференции, ужаснувшись то ли тому, что нужно читать свои стихи перед аудиторией, то ли возможному разгрому. Оказывается, мне нужно было сообщить заранее, что на поэтическом семинаре принято публично озвучивать собственные стихи. Не все это понимают, даже подавая заявку. Буду внимательнее и в этом.)

Кратко опишу свои впечатления от остальных (рецензии писал — не гулял — весь день).

Саша Ембулаева. В числе наиболее потенциальных авторов для меня в этом «Этапе» (вместе с Даниилом Пяткиным): основная линия — конвенциональное любовное письмо; в своей рецензии отмечал способы преодоления этой линии, иногда очень удачные. И одно из пяти стихотворений — безусловный лирический шедевр. Развернулась дискуссия даже про оправданность сверхсхемного удара.

Даниил Пяткин. Очень любопытный и сложный случай борьбы с собственным рациональным, которая переходит в стихию и парадокс; такие моменты перехода получаются «взмурашенными», пользуясь словом самого Даниила, эклектичными и даже полубезумными — но выгодно отличающимися от основной линии подборки, в основе которой — стремление связать образы центральной метафорой, что иногда получается старательно и оттого весьма искусственно.

Лена Деревцова. Автор «с историей», постарше остальных, закончивший Лит. Писание «под Бродского», но с удачным (порой) преодолением его интонации; скепсис и педалирование пустоты, некоторая анемичность — которая, думается, парадоксальным образом может войти в резонанс с состоянием многих из тех, кто переживает нынешний исторический момент.

Екатерина Калугина. Открытие сегодняшнего семинара для меня; автор неровный, но с утешающей и утишающей интонацией (причём в хороших стихах; вновь можно порефлексировать над пограничьем этики и эстетики в поэзии).

Денис Плескачёв. Тоже очень любопытный случай, заставляющий пересматривать иерархические границы; мнения тех, с кем обсуждал, колебались в диапазоне от «безумно одарён» до «графомания». Сказал бы, что этот автор по-новому заставляет смотреть на то, что казалось очевидным, — как то мыслительность, прямоговорение и т. д.; вызывая доверие изнутри собственной подлинности, убеждённости и мандельштамовского ощущения собственной правоты. Но, увы, совсем не соотносясь в этом с контекстом, дискуссиями о поэзии и т. д. — и в этом уязвимое место стихов, в которых предательски страдает подавляемая мыслительностью и рационализмом техника.

Спасибо Ирине Чудновой и Андрею Козыреву за адекватную критику и неизменную поддержку. Это, может, и малозаметно, что мы делаем, но здорово, очень здорово и важно.

4 февраля 2024

Творчество на рулоне

Провёл первую лекцию в рамках своего курса в Серебряном университете при МГПУ. Для аудитории 55+ (которая, конечно, самая взыскательная). Коллега сегодня спросил: «Наверное, лучше, чем литинститутская?» — и правда, сравнение получилось не в пользу литинститутской, где в процессе обратной связи с залом после недавней лекции только два человека не молчали, не скрывались и не таили, и то умеренно...

После «ознакомительного фрагмента» (рассказа о себе в контексте творчества и эволюции) дал аудитории задание — по-

делиться своим пониманием сути творчества. Получил около двадцати эссе на бумажках, которые тут же прочитал и прокомментировал. Были крайне любопытные автобиографические рассказы: особенно поразил один, где женщина рассказала о своём травматическом опыте, связанном с творчеством («одноклассники подарили мне рулон туалетной бумаги, чтобы я на нём писала»), и преодолении этого опыта. «Поэзию я любила больше, чем бывшего мужа». Поразила и другая тенденция: отрицание собственного таланта в нескольких эссе, уверенность в том, что «Господь не дал», и кое-где замещение этого признаниями в том, что «могу написать текст на любую тему». Ещё — довольно расширенное понимание сути творчества: для кого-то это садоводство. Подробно поговорили и даже подискутировали о том, почему журналистика может/не может/не должна быть творчеством.

Правда, интересно было бы подробнее узнать, как именно аудитория воспринимала мою, возможно, излишне культуроцентричную, пересыпаемую цитатами белиберду со ссылками на Цветаеву и Роднянскую, Волгина и тэдэ... Слушали внимательно, но всё-таки понятно, что в аудитории собрались люди, которые вряд ли профессионально свяжут свою жизнь с творчеством... Но если у кого-то в голове что-то останется, уже хорошо.

По окончании спросил, что именно людям интересно в рамках курса. Есть запрос на темы журналистики: репортаж, поэтическое интервью (о чём и мне самому очень хочется рассказать), мемуары, опыт публикаций. Всего будет 18 лекций.

9 февраля 2024

Юродивый проповедник

Всё чаще слышу ныне от разных добрых людей о не написанной мной кандидатской диссертации как о зря упущенном шансе: некоторые думают, что она у меня есть, так как в биосправках написано «окончил аспирантуру» (да, формально окончил), и пускаются в советы, когда узнают, что нет. Всё чаще соблазняют призрачными шансами постоянного преподавания и призывают не закрывать за собой эту дверь — которую ощущаю давно и невозвратно закрытой по собственной воле.

Тогда от неё уводило всё: формально можно было ссылаться на лень и незаинтересованность научного руководителя, совершенно не разбирающегося в теме; но, думаю, если говорить о психологических причинах, — то они гораздо глубже. Внутренняя агентность, соответствующая хоть и не слишком «малым» задачам, но всё же ориентированным на процесс, на внятный результат, а не на «тихую» нескольколетнюю работу для зыбкого результата, маячащего впереди. Некая вечная мариэтточудак-овская невротическая разорванность, которая побуждает делать много всего и сразу. И, наконец, необходимость времени для свободного чтения, для абсолютно разного творчества, что делает убийственным длительное погружение в один предмет. Нежелание писать о любимом научным языком и другие «оправдания» чего-то внутреннего (ленью это назвать было бы неточным, но и этот синоним возможен). Тогда я ушёл в мемориальный проект, увлёкся им и ощутил его всецело важным, а потом в другую разного рода культуртрегерскую работу, которая вовсе «закрывала» пространство интереса.

(Впрочем, нельзя обойти и ещё один важный момент — страх преподавания и совершенный ужас перед кафедрой. Кто бы мог подумать, что всё так изменится к нынешнему дню в этом смысле.)

Возможно, ключевым было желание некоего неуспеха — подсознательно связанного с «ограниченной» социальностью, с необходимостью «тихого», полностью уединённого поэтического творчества, которое на какие-то моменты вовсе отрезает это социальное, — чем и занимался, как раз этому будучи верным всегда. Желание, которое довольно сильно противоречит социальному и идёт с ним вразрез. Это коварное стремление к маргинальности, сильно ограничивающее любые представления о карьерности и медийности, — то, за что хотелось бы и дальше цепляться и что, наверное, не даст прыгнуть выше определённой «планки» и «высоты» в этой медийности. Это оберегаемое желание так противоречит нынешней странной «востребованности» (и, по ощущениям, она ещё возрастает; но важно и её усекновение на каком-то уровне подсознательного, нерационального). Некое самоощущение скорее как юродивого проповедника, нежели как социальной фигуры.

Впрочем, Рыжего, Новикова и Гандлевского тогда прошерстил, что есть, то есть. Погружение в предмет не прошло даром, оставив на подкорке эстетические ориентиры и работу с интертекстуальностью.

22 ноября 2024

А не весь этот расколбас

Говорят, я хороший лектор. И всё чаще говорят. Что мне удивительно слышать само по себе (а как образцы жанра всё же держу перед мысленным взором Екатерину Шульман или Дмитрия Бака — и, может, чуточку приподнимаюсь над своим уровнем, видя этих людей-стимулов). Столь привык не ассоциировать себя с лекцией, кафедрой, сторониться этих жанров, что изменения наступили как-то незаметно и вне меня. Серёжа говорит, что это «какой-то естественный путь развития для тебя», а Анна — что «вам нужна аудитория, а не весь этот расколбас, у вас такой голос хорошо поставленный».

Получил сегодня такое неожиданное письмо от слушательницы: «Мне очень нравится содержание ваших выступлений в Серебряном университете. Ваш стиль поначалу казался несколько манерным, но буквально со второй встречи я перестала на это отвлекаться, поскольку красота речи, комфортный темп и интересные темы очень увлекали. Кроме того, очень импонирует ваша отзывчивость к запросам и готовность незамедлительно перестроить ход своего выступления при необходимости. Очень заметен ваш интерес к аудитории, и это очень подкупает. Заметна и ваша подготовка к встречам с учётом особенностей аудитории. Очень немногие из виденных мною спикеров так делают. <...> Но это я отвлеклась. Ещё раз хочу выразить благодарность за ваши выступления, они одни из лучших, что я слышала».

Как и не о себе читаю... Отношусь к этому скромнее, отчётливо вижу собственные недостатки в этом жанре, но такие письма, безусловно, вдохновляют. Верится, что в данном случае это искренность, а не лесть.

14 марта 2023

Молитва

Господи, дай мне силы найти время и не потерять мотивацию для уединённого творчества, для поэзии в этой вечной беготне; не слишком радоваться этой иллюзорной «востребованности» — приглашениям куда-то читать, выступать едва ли не каждый день — и чаще отшвыривать эти приглашения ради уединённой жизни и ради поэзии, так мало значащей, столь ничтожной на этом грёбаном «социальном» уровне. Дай мудрость никогда, никогда не стать большой шишкой и не подняться выше нынешней локальной известности — чтобы не «продать» это священное право на асоциальное творчество.

15 февраля 2024

Молитва номер два

Господи, помоги мне избежать профессионального выгорания, с прежней энергией находить время на всю многозадачность, не осуждать тех, кто, как я, не способен к этой многозадачности, не осуждать никого за нечтение сообщений и нарушение обещаний — и посреди этого найти время на книжные ретриты, просто на то, чтобы читать для себя и не забрасывать эту обязательную «необязательность» в суете сует.

14 сентября 2024

Восемь заповедей

Восемь личных заветов на ближайшее литературное будущее, сформулированных БК этой ночью для себя самого.

1. Никогда, никогда не поддаваться отчаянию, вызванному иллюзорно малым резонансом твоей работы, ощущением, что, мол, всем не до того, что волнует только сами-знаете-что. Всех волнует не только сами-знаете-что. «Общая» повестка дня — искусственная, ибо навязанная (хотя так притворяется всеобщей,

что возникает соблазн ей поддаться и предать СВОЁ). Твоё предназначение — иное, с лица необщим выраженьем.

2. Помнить, что соцсети — сильно искажённый оптический прибор. По ним никогда, никогда не стоит судить о нужности твоей работы.

3. Ценить «нас мало, нас, может быть, трое»; сосредоточиться на важности твоего дела — в данный момент — для одного конкретного человека. Не жаждать толпы и массовости. Эта условная «толпа», безусловно, есть. Но рассеянная в спектре индивидуальных благодарностей тебе; в своём пёстром спектре ощущений того, как благотворно ты повлиял — в разное время и по-разному — на каждого из её индивидов. И хорошо бы ещё чаще фиксировать для себя понятие невербализуемой реакции, то, что отсутствие отзыва не означает отсутствия реакции.

4. Чаще перечитывать «Дикоросли» Ольги Балла, набираться мудрости, и особенно — в том, чтобы не придавать гипертрофированного значения оценке твоего труда. Впитывать её мудрость особенно в психотерапевтическом, своеобразно-эгоцентрическом смысле — понимания интеллектуального труда как развивающего, стимулирующего, собирающего прежде всего тебя самого, а потому не нуждающегося во внешней оценке. «Включать» внутреннюю Ольгу Балла с её гениальными практиками самособирания и этим «эгоцентрическим бескорыстием».

5. Чаще ездить в провинцию, видеть горящие глаза, видеть «живых» людей. Знать, что ТАМ читали, ТАМ нужно. Заряжаться энергией именно там (как это всегда с тобой и бывает). Но — см. пункт 4. Находить равновесие.

6. Быть неумеренным «мементомориком» — жить с оглядкой на внутренние часы. Воспринимать смерть как метод сопротивления, активизации собственной работы (прежде всего внешней, но какая же она без внутренней).

7. Воспринимать хулу и клевету прежде всего со злым упрямством сопротивления. Да не оставит меня эта гадкая черта — желание, чтобы особенно гадким людям было плохо от того, как я активен, силен и продуктивен. Гадкие люди всё равно останутся гадкими людьми, вряд ли будет хоть какое-то влияние на их здоровье, жизненный ритм и т. д., да и не нужно этого, и если бы узнал о таком «влиянии» — то первый бы пошёл на попятный. А как черта самосознания, не влияющая, в принципе, на внешний мир — полезно, ибо стимулирующе, подгоняюще.

8. Нарушать все эти заветы, но ненадолго, чтобы ярче сияла звезда прагматической, в деле выраженной чужой радости от твоего дела. Звезда Воплощённого и Материализованного Смысла. (Ну, по крайней мере, первый завет — не поддаваться отчаянию — и нарушать не придётся, ибо это произойдёт само собой.) Помнить о неотменимом, зафиксированном в Бытии ценном контрасте: без оставляющих сил и отчаяния эта Звезда сияла бы не столь ярко.

29 февраля 2024

И снова о семинарах прозы

Снова провёл два семинара по современной прозе — с разбором присланных на обсуждение рассказов. Спасибо Шевкету Кешфидинову, который почему-то верит в меня как в критика прозы; для меня анализ проб пера в этом жанре — всегда продуктивный, интересный, но всё же вызов самому себе. Охотно принимаю такие вызовы, они необходимы.

Что могу сказать? Обращаю внимание на «конспективность» и «сценарность» в большинстве текстов, на частое ощущение заготовки, которая могла бы стать полноценным рассказом. На принципиальную разницу в использовании художественных средств прозаиками — для одних это лишь «слова», нужные, чтобы «излагать», для других язык — самостоятельный герой повествования. Говорят, что для поэзии язык — цель, для прозы — средство; но в неудачных рассказах заметно, как проявляется это «средство» (с характерной бедностью языка, с функциональными

«он пошёл» и «он сделал»).

При этом обратил внимание на то, что изначально данное куратором задание (написать текст объёмом до семи тысяч знаков, описать в нём максимально не близкого и не похожего на себя героя) — всё-таки лишь задание, которое каждый решает в соответствии с природой собственного дара. Сколько бы я ни сетовал на объём, очевидно ограничивающий многих участников и не дающий им развернуться; располагающий к конспективности; но — см. выше. И у некоторых (немногих) участников семинара получилось создать самостоятельные и даже шедевральные сюжеты.

Интересный случай был у одной девушки — рассказ, сразу захвативший меня, с использованием семантического потенциала поэзии, характерным и редким для участников этого семинара ритмом (что здорово!). И с некоторой чрезмерной игрой в Андрея Белого, в искусственную ритмизацию, с неотслеженным стихотворным размером внутри довольно-таки житейской прозы. У другой же рассказ выглядел как заготовка для плохого детектива (весь семинар дружно со мной не согласился, отметив, что в рассказе есть всё необходимое). Третья работает в жанре «комедии положений», используя драматургический потенциал, очевидно подразумевая пьесу (даже в характерных ёмких около-театральных ремарках), будучи в своём жанре мастером, используя много юмора, но — абсолютно не выходя за пределы довольно легковесной зарисовки. (Впрочем, и тут одна участница со мной не согласилась, разглядев философию и психологизм в беллетристическом эпизоде, на который мне бы и в голову не пришло обратить внимание.)

После семинара подошла девушка и спросила, как «бороться» со стихотворными штуками внутри прозы. Я ответил, что «бороться» в процессе ни в коем случае не надо, а вот после — работать над текстом с холодной головой, вымарывая следы «поэтического» (там, где они выпирают; что не касается метафоры или ассоциативного ряда, но — искусственно проступающего размера или чрезмерной «маяковской» анафоры).

В общем, всячески полезный опыт был и для меня тоже. Хотелось бы иметь ещё больше поводов заходить на далековатую от меня территорию, лучше анализировать чужие ошибки и уда-

чи. Понимать кое-что и через обратную связь с авторами и участниками семинара.

26 ноября 2024

Три «не» плохой прозы

Выбрался из редакции очень плохой прозы. Друг спросил, каким мне видится критерий хорошего рассказа; я ответил, что после корпения над этим псевдороманом пока могу рассуждать лишь апофатически, то есть о том, чего в прозе быть не должно. Но и по отношению к поэзии тоже порой действуют апофатические рассуждения — как, например, суть лирики интересно понимать, слушая попсовую песню, осознавая на её фоне вещество смежного, близкого, но всё же кардинально иного жанра.

Думаю, что три фактора, действующих и в поэзии («неуправляемость», «непредсказуемость», «непредназначенность», по М. Кудимовой), в прозе дополняются более рациональным построением сюжета (которого в лирике, понятно, нет) и знанием вещной стороны жизни. Вспомнилось одно эссе Елены Холмогоровой, редактора отдела прозы «Знамени», в котором она писала, что за годы работы с авторами изучила совсем далёкие от своей профессии области — что-то вроде валки леса или ремонта автомобилей... Всё это для проверки на реалистическую точность, которая, конечно, в поэзии сомнительное качество. Слишком «реалистичное» стихотворение — скорее плохое стихотворение; проза, лишённая вещной подкладки, — неважная проза.

Что же до плохой прозы — ну, перечислим апофатически её признаки, по принципу «не». Суть подлинного мы таким образом не поймём (именно в силу трёх кудимовских «не», в основе которых, если их обобщать, — зыбкая и таинственная категория дара). Но что-то, возможно, о том, как «не надо», осознаем.

1) Напиханность всего в произведение — попытка сделать и детектив, и фантастику, и любовную историю. Получается блюдо из съедобных, но не сочетающихся ингредиентов.

2) Бедная лексико-синтаксическая гамма, выдающая отсут-

ствие дара; в масле она может компенсироваться — и часто вполне компенсируется — закрученным сюжетом и атмосферой, в совокупности с которыми язык оставляет читателя в зоне комфорта. В одном интервью, которое я брал у филолога Михаила Эдельштейна в 2017-м, он рассуждал об этих «пошёл» и «сделал» как об особенностях современной премиальной прозы («Люди <...> пишут так, словно не было Вагинова, Добычина, да и, элементарно, Набокова. Как будто вообще не было языкоцентричной модернистской прозы, русской, зарубежной, какой угодно. Да что там модернизм — даже Толстой с Чеховым под вопросом. То есть современная проза в массе — это такое „он пошёл, он ска- зал“, лучше или хуже исполненное»).

3) Напиханность авторскими идеями — возможно, безумно важными и интересными, но торчащими в сюжете неуклюжими ответвлениями. Это, как правило, особенность начинающих прозаиков. Но если в прозе эта напиханность как-то может быть удобоваримой (для непритязательного читателя, которому эти идеи могут быть интересны, скажем, совершенно отдельно от стиля, композиции романа, — а меня, притязательного, таким образом занимают рассуждения в романах Александры Марининой, поскольку интересно её мировоззрение), то в поэзии она создаёт просто чудовищный эффект.

27 мая 2024

Как я не стал глянцевым обозревателем и разбор этого по Фрейду

Санкции продолжают пощипывать. Каждый день узнаю что-то, касающееся друзей, близких, препятствующее литературной деятельности.

Дал дуба (пока не закрылся совсем, но лишился гонораров) журнал, в котором я чуть было не стал глянцевым обозревателем. Один из многих проектов, приостановившихся в эти дни. Колонку я писал в муках, но собирался сделать это за хорошие деньги. Работа превратилась в какой-то персональный ад — не по вине редакции или журнала, конечно. Но читать нужно было то, что

мне неинтересно, — зарубежную прозу. В таких ситуациях неизбежно придумываешь себе мотивирующие факторы — мол, по неволе прочитаешь то, что без этого «насилия» и выхода из зоны комфорта никогда бы не прочитал. Один роман, правда, был классный — хотя не то чтобы мне сильно нужный. Но в какой-то момент хорошо бы проявить честность перед собой — и дать себе понять, что эти мотивационные факторы чистая липа, самообман и оправдание своего нежелания.

Формат был аннотативный и совершенно, на мой взгляд, бессмысленный. Глянцевую критику я всегда считал унижением жанра и даже писал отрицательные рецензии на сборники таких обозревателей. В какой-то момент редактор дошла до формулировки «мы хотим удовлетворить потребности нашего читателя», над которой мы с коллегой дружно смеялись. С моральной точки зрения я, таким образом, был сомнителен — оправдывает меня лишь то, что не убивал, не грабил, а всего лишь искал способ заработка на книги нашей серии.

К редактору у меня нет претензий, одна благодарность: она профессионал, она работала так, как в принципе люблю, — терпеливо уточняя все спорные моменты, доводя текст до совершенства, — пусть это «совершенство» мы понимали по-разному. Я не вставал в позу, помня, сколько раз был в такой же редакторской позиции. В какой-то момент я уже отчаивался, в какой-то появился азарт уже довести этот квест до конца несмотря ни на что. Опубликоваться и забыться. Но было внутреннее опасение, что соглашусь писать для этого журнала вновь, приковав себя к месту.

Извиняющийся звонок с известием, что, мол, всё, нас лишили гонораров и в готовящийся номер будут писать одни сотрудники, но в «специфическом» формате, — воспринял как дар небес. И возможность читать то, что хочется, — тоже. Больше всего удивило, что я, оказывается, «прекрасно подходил» редакции — и подобные квесты с бесконечными правками проходили многие и многие авторы в этом журнале.

С каким наслаждением удалил все файлы с этими книгами, с каким облегчением убрал в корзину готовый (частично) файл, — этого не передать. Пропавшего труда было бы жаль, и те рецензии, которые написал, опубликую — всё же сделал на совесть. Но вчера в книжном магазине ощутил какой-то неприятный психо-

логический толчок при виде стенда с зарубежной прозой — и не отрефлексировал почему. А потом понял. По таким толчкам ясно психологическое воздействие на меня этой ситуации (которое от себя скрывал).

Какие выводы? Они самые тривиальные.

1) Нет худа без добра. Любой утеранный шанс в эти дни приведёт к компенсации, а то и к гиперкомпенсации.

2) Надо уметь отказываться. Никакие деньги не оправдают психологического насилия. (Разумеется, если речь идёт не об умирании с голоду и не о необходимости заработать на лечение для родственников.) То, что делаешь через силу (это, конечно, не равно «через жопу»), вряд ли приведёт к какому-то суперрезультату. Но можно довести себя до состояния эдакого самообмана — и не понять, что находишься внутри него. Да, читать нелюбимое — это, конечно, не разгружать кирпичи и не побираться, но тоже занятие так себе.

3) Высшие силы милостивы.

4) Всё равно плохо, что закрываются какие-то проекты. Читателям они нужнее, чем мне, — да хоть бы и ради «удовлетворения их потребностей». Эти потребности не обязаны совпадать с моими. И, по большому счёту, всё, что я написал выше, — фигня. Гиперкомпенсаций можно придумать сотню. А вот, к примеру, издательства, о прекращении которого его главреды заявили в эти дни, — ничто никогда не заменит и не вернёт. Хоть на его месте вырастет сотня других издательств.

19 марта 2022

Литпроцесс под обломками

Насыщенный кураторский день. Работаю в четыре руки, каждая по локоть в мыле.

Составляю подборку талантливого автора, жду публикацию другого, пишу рекомендацию третьему, обсуждаю старый литературный конфликт с четвёртым. Ощущаю себя прямо по Слуц-

кому: «Словно именно я был такая-то мать, всех тогда посылали ко мне» (моё любимое состояние, и пусть оно возникает чаще). Собрал подборки на «Этап роста», планируем дату очередного «Полёта». Хорошо бы два в апреле, но сегодня меня пригласили проводить семинар в Воронеже.

Сейчас поддерживать литературу — особенно невероятно важно. Честно говоря, только вчуже понимаю интеллигенцию, которая опустила руки и находится в состоянии апокалипсиса: внутренне считаю это (простительной) слабостью на грани преступления перед внутренним долгом, перед профессиональной идентичностью. Вдохновляют, как всегда, мемуары о XX веке: Гинзбург, Чуковская, «Сталин и писатели» Бенедикта Сарнова, воспоминания об Ахматовой...

Другая же моя идентичность не позволяет рассматривать моё спокойствие по поводу происходящего — и сосредоточенность на внутреннем долге — как безусловное достоинство. Вполне осознаю свой здоровый пофигизм, он же чуть отстраняет от реальности. Я просто органически не умею рассматривать беду как «общую», «коллективную», пока она не касается лично меня. (А она касается — и пока что пощипывает.) Более того, ощущение её как общей и коллективной (так было и с коронавирусом) раздражает и вызывает упрямое противодействие. Это не отменяет сочувствия и, например, не заставляет избегать новостей. Но важнее быть там, где мы можем быть по-настоящему, — физически и духовно.

Литература нужна, сейчас огромное количество людей думает о ней, и нельзя отнимать у них это право и перетягивать в сторону общественно-политической повестки. Вчерашние улыбочные посиделки в закрывающемся KFC воспринимались как пир царя Вальтасара — «мене, текел, фарес» на мгновение появились на стене («Вот и космонавты ведут молодёжь. Не высовываемся»), но каждый такой «пир» возвращает распадающийся дух в прежнее состояние. Если это иллюзия и если она помогает конкретному человеку, если к правде святой мир дорогу найти не сумеет, — пусть она будет спасительной, как всякий сон золотой.

Но если весь мир рухнет, я, безусловно, буду работать под обломками. (Написал — и увидел, что здесь проскользнула аллюзия на Льва Аннинского: «Если литература умрёт, то критика займёт»

ся тем, что подробно объяснит её смерть». Ну что ж, значит, самоирония не оставила, и то славно.)

14 марта 2022

Песчаное время потерь

Кажется, нужно всё больше привыкать ко всеобщим охерению и озверению, к неподобающему тону со стороны тех, которые были когда-то близкими и понимающими. И противопоставлять этому гигантские объёмы смирения, терпения, понимания. Трудные времена, помимо всего прочего, хороши и тем, что работают с инерцией существования ещё и в этом векторе — вырабатывая невиданные, незнакомые в тебе силы этих самых терпения и понимания; силы не сдаваться, не охереть и не озвереть в ответ. «Терпенье, терпенье — вот всё, что осталось теперь, / Когда наступает песчаное время потерь» (Инга Кузнецова).

16 июня 2022

В поисках гения

С большим интересом составляю для «Формаслова» ежегодный обзор поэтических дебютантов, на свой личный, никем и ничем на ангажированный вкус и выбор*. Мне кажется, в этом году за поэзией условно «молодых» авторов наблюдали активнее всего редакторы журналов «Всеализм» (Валерий Горюнов), «Несовременник» (Вячеслав Глазырин), Poetica (Владимир Коркунов) и «журнал на коленке» (Степан Самарин и Стас Мокин) — туда и стоит обращаться, изучаю новые имена и публикации, присланные мне коллегами, спасибо им. Сам я не так часто открывал в этом году подборки именно новых авторов — понятно, что провели три «Этапа роста» и ежемесячные «Полёты», но всё равно, как школьник-двоечник, восполняю пробелы. И этих пробелов много.

* См.: <https://formasloff.ru/2024/12/15/20-luchshih-debjutantov-2024-goda-v-pojezii-vybor-borisa-kutenkova/>

Всегда жаль кого-то пропустить, хотя ясно, что: а) где-то бродит совсем непризнанный гений, даже, возможно, демонстративно отказывающийся публиковаться; б) понятие «дебютант» условное — осознанно включаю в список не только дебютировавших в этом году, а в принципе имена новые для меня, а значит, и для литпроцесса.

О тенденциях пока не готов говорить (и не люблю говорить о них — в дверях уже скучает обобщение), но радостно и удивлённо присвистнуть от самого факта прекрасного стихотворения иногда удаётся.

Вообще, был бы рад некоторой большей вере молодых авторов во взаимодействие с критиками — например, не против чаще получать тексты самотёком в личку. Если даже не получится с участием в проектах, всегда ведь можно индивидуально поговорить во «внутреннем» формате за небольшую плату со стороны автора. Приятно и полезно и нам, и вам. Но пока единственной внятной площадкой для такого взаимодействия остался «Pechorin.net», и альтернатив что-то не предвидится, а надо бы. Понятно, что мы сами многое сделали для подрыва такой веры: это форсируемое годами постоянное высокомерие и раздражение по поводу авторов, предлагающих свои тексты, ассоциация их с графоманами. Ох, как ругается на них в «Пролиткульте» Александр Чанцев — просто-таки расстрелять готов... Но понятно и то, что без обоюдного взаимодействия горы и Магомета ничего не будет — только продолжение раскола на малые сообщества и ещё большее разъединение, отсутствие взаимосвязи. Поведение «Ариона» 10-х и 20-х — демонстративное отсутствие в соцсетях, упор на то, что автор должен десять раз принести тексты ногами в редакцию и двадцать раз поклониться, — неактуально. (Хотелось написать «уже неактуально», но подумалось, что и не было никогда.)

21 ноября 2024

Читая новых авторов

Мысли при чтении подборок, присланных на очередной семинар: старательность и усердие неталантливому автору всегда опознаются безошибочно — как и безошибочное, интуитивное, ни-

чем не обусловленное неусердное попадание автора даровитого. Думается, что поэзии в каком-то смысле действительно нельзя учиться — можно начитать классиков и современников, ловко использовать приёмы, имитирующие уход от стиховой инерции. «Сырость» одарённой Камилы Латыповой (участницы недавнего «Полёта разборов») есть стихийная, необработанная сырость, которой следование рекомендациям, возможно, только повредит, ибо всё уже дано изначально. При этом заключительное слово автора показало, что с чтением, погружением в литературный контекст, кажется, есть проблемы.

Меж тем, твёрдая, усреднённая «четвёрка» в поэзии обычно убедительна — это четвёрка нормальной «толстожурнальности»; в ней видны приёмы, контекст, интертекст, начитанность, отстраивание от современников и т. д. Даровитость же максимально уязвима и ничем не защищена — ни логикой, ни дисциплиной, которые ей нередко только мешают. На месте логики — сверхлогика, мало кем распознаваемая; может быть, покойный Тавров мог её чувствовать; может быть, Эпштейн, давно не пишущий о поэзии; Гандельсман; ещё пара сегодняшних критиков. Нет аргументов в адрес этой одарённости, а те, что есть, обычно неубедительны и легко разбиваемы в полемике («неточное употребление слова» и т. д.). На месте дисциплины — зачастую та видимая «затянутость», которая фактически обрубаёт критический подход (стереотипный, конечно, и учитывающий что-то общее, а не странную индивидуальность системы). Андрей Тавров замечательно писал о таком восприятии «странного» в рецензии на подборку Владимира Кошелева в 2020-м на «Полёте разборов»*.

Такие мысли. Пойду читать дальше, писать и о тех, и о других...

6 ноября 2024

* Опубликовано в журнале «Формаслов»: <https://formasloff.ru/2020/04/01/polet-razborov-seriya-51-ch-1-vladimir-koshelev/>

Искусство с поджатыми губками

На недавнем «Полёте разборов» был затронут вопрос композиции стихотворных текстов — «провисающая» композиция, в противоположность ей «жёсткая» (как достоинство), возможность перестановки строф как недостаток и т. д. Всё-таки излишне жёсткий и деперсонализированный подход к композиции — как к чему бы то ни было вне контекста, вне целого, — неизбежно ведёт к шаблонизации, к требованиям «смысла» и «внятности», «логики» как единому и незыблемому принципу. Такой подход сразу же устраняет из поля зрения критикующего множество текстов, использующих иные возможности логики. Более того, излишне формальные требования к «стройной» композиции несколько переводят стрелки в сторону прозы, осознаёт или не осознаёт это критик, — со специфически значимым для неё уровнем нарратива, сюжета, повествовательности. В сторону мира создаваемого и рационального — и существующего по несколько иным законам; движения, а не предсуществования, в отличие от поэзии с её метафорой, изначально замыкающей в себе мир, стихотворения-как-связи-всего-со-всем; в отличие от стихотворения-как-знания, предзнания, предсердия — в противоположность описываемому и конструируемому миру (что не противоречит в нём определённой логике неведомого движения и парадокса — пушкинское «Представляете, какую штуку удрала со мной моя Татьяна... замуж вышла»).

Думаю, стоит посмотреть на видео ПР обсуждение Камилы Латыповой и самостоятельно проанализировать столкновение точек зрения критиков — скажем, ни в чём не похожих Валерия Горюнова с его художественным языком, ассоциативной методологией, изначально отсутствием «имманентности» по отношению к автору, — и Владимира Козлова, который разбирал ту же Камилу Латыпову с позиции, заданной жёстким убеждением. Это убеждение, собственно, лежит в основе его проекта и подразумевает отклонение от неких не близких методов создания текста, при определённых рамках эстетической широты. Вспомнилось определение в одной из статей Козлова «искусство с поджатыми губками»; таково отрицаемое им искусство — абзац этот в соответствующей статье заслуживает гораздо большего внимания,

чем может показаться на первый взгляд.

Самостоятельно прийти к чему-то — и, возможно, лучше понять ту и другую точку зрения.

12 ноября 2024

Упорна колымская ночь

Коллега, пишуший работу по XVIII веку, спросил о семантическом ореоле размера.

Мне всё же кажется литературоведческим мифом само понятие; когда поэта упрекают в том, что тем или иным размером написано то или иное стихотворение Пастернака и на основе этого делают вывод о его вторичности... Что-то подобное любил говорить на своей литстудии в мои юношеские годы Леонид Костюков; помнится, он приводил пример пятистопного анапеста у Гандлевского как «высший образец» и на основании этого рассуждал об эпигонстве обсуждаемого стихотворения. А ещё проводил в своих статьях мысль об инерции и усталости силлабо-тоники.

У Гаспарова применительно к теории трёх штилей это понятие, может быть, и имело обусловленность. Однако — как и рифма, и звукопись, — размер есть понятие глубоко контекстуализированное и персонализированное; и важнее всё же ритм. Иным образом, на мой взгляд, сейчас рассуждать непрофессионально, это грозит «обобщением, скучающим в дверях». Индивидуальное отношение у меня только к пятистопному анапесту (но это не значит, что его нельзя наполнить иным, не «моим» содержанием), он психологически близок мне, и я готов признать, что в принципе он ассоциируется с присущей мне протяжной скорбью. «Протяжный поэт», — так на презентации моей книги охарактеризовал меня Данила Иванов. А литинститутский учитель как-то давно написал на полях подборки: «Засилье пятистопного анапеста, / Как лиственница, серо и разлаписто». Ну ещё к пятистопному ямбу, который усредняет: «Когда вы пишете пятистопным ямбом, ваши стихи становятся похожи на все русские стихи сразу», как сказал Максим Амелин своей семинаристке. В остальных же размерах — полное раздолье. Но даже в случае с двумя упомяну-

тыми нельзя отрицать, что явится талантливый автор и перевернёт «систему».

В одном из моих недавних стихотворений («упорна колымская ночь...», памяти Андрея Таврова) есть несвойственный мне ломаный ритм. (Как метко сказала бы Катя Перченкова, «это то, что ты иногда себе позволяешь».) Там в начале, в первых двух строфах, идёт квазиритмичная строка с как будто плясовым звучанием — мне сложно сказать, для чего она мне нужна, кроме собственно преодоления инерции. Но такая строка вряд ли должна быть самоцелью. Кажется, я органичен только в строгой силлабо-тонике и всегда, когда от неё ухожу, выполняю неестественные па. Наиболее радикальный случай такой неестественности — это большой прозаизированный верлибр «Слонёнок», который я часто читаю на выступлениях. Но тут уже самоцель сродни юродству — автобиографическая многословная выговоренность как уход от инерции, прямоговорение как вызов, некий форсированный приём противостояния самому себе, своей метареалистичности. «Слонёнок» мне кажется самым бездарным из моих текстов; есть коллега, который считает его самым талантливым у меня, и это убеждает в том, что он меня не слышит. И как будто люблюсь тем, что умею и эдак (для меня самоцельна и сердечно важна рассказанная в нём история). Второго же такого примера в моей практике не появилось, я не увлёкся, — и слава богу, хотя подступы были, но остановил себя. Регулярность же есть моё человеческое постоянство, постоянство моей души, не равное консерватизму.

А ещё у меня довольно невеликий набор размеров — и есть те, которые вовсе не использую: ямб или хорей. Внутри них я всё равно разнообразен, так как ритм и интонация различны — в той или иной мере. Кажется, чтобы услышать за этим однообразием не монотонность, а постепенный уход от себя — не через революционность, а через медленную эволюцию, — нужна внимательность и какая-то сонастройка слуха.

Что не отменяет моей зависти к поэтам, умеющим писать разнообразно и изначально уходить от канонической силлабо-тоники. Но в чрезмерном разнообразии всё же слышится какая-то неестественность, именно что самоцельное, головное преодоление себя.

20 декабря 2023

Ангел гендергэпа

Литератор, у которого сейчас беру интервью, разозлился на мою попытку подчистить гендерно-нейтральные формы с соответствующими подчёркиваниями, вносящие двусмысленность («поэт_ка»).

Мировоззренчески я не против подобных штук и вообще люблю книгу Марии Бобылёвой про корректную лексику нового времени, но, бог ты мой, как же это вступает в противоречие с русскага языка. Я предлагал заменить скобками эти уродливые подчёркивания («автор(ка)»), и всем было бы хорошо. Например, в тексте осталось «та или иная поэт_ка» (именно так; подразумевается «поэт» и «поэтка», но «та или иная» определённо указывает на женский род, и оттого возникает ощущение, что разговор ведётся только о женщинах, будто журнал, о котором идёт речь, публикует только их. Сами подставляем, сами пожинаем плоды.) Язык коварствует и воюет с этим гендерным нейтралитетом.

Сегодня же на работе обсуждали с корректором похожий случай: автор прислала текст с «создатель_ницами», опасаясь, что наша «консервативная газета» не пропустит гендергэп (автору спасибо, что в письме редактору не поленилась прокомментировать этот момент). Газета не то что не пропустила, но корректоры на автомате сочли опечаткой, — отсюда в тексте появились «создательницы», что опять привело к уродованию смысла. Пришлось менять на сайте на нейтральное «создатели» — извини, гордость, прости совкового граммар-наци, дорогой ангел гендергэпа.

3 октября 2023

Любовь, а не концепция

Оказывается, из критических жанров совсем не владею самым, может быть, трудным — жанром обобщающего предисловия к разнородному сборнику. Попросили вот написать, мучаюсь. Всё время получается либо что-то похожее на телефонный справочник — последовательное перечисление особенностей разных авторов (но что это даёт читателю?), либо какая-то искусствен-

ная попытка найти тенденции там, где их в принципе нет, ибо все слишком разные и принцип объединения случайный. Ещё хуже — начать писать про мифическую «региональную школу» (замените расстрелом). Начинаю понимать, почему критик Евгений Абдуллаев возражает против самого жанра предисловий: «стихи должны говорить сами за себя» (не соглашусь, ведь это тот же жанр литературной критики, что и, по сути, журнальная статья, — но применительно к коллективным сборникам, пожалуй, да).

Однако надо признать, наверное, что уязвимость подобных предисловий — видимо, следствие невыстроенности концепции. Это касается и нашей мемориальной антологии, к сожалению. Там, где изначально делается акцент на персональных поэтиках, на представлении очень разных стихов — с очень слабой концептуальной идеей (а часто составители о ней вовсе не думали), — само предисловие вряд ли будет иметь концептуальный смысл. Неизбежно возникнет некоторая натянутость. Наверное, самый лучший выход здесь — повыпендриваться: не пускаться в литературоведческие дебри, но быть максимально эссеистичным. Но так мало у кого получается. Поэтому очень мало по-настоящему сильных рецензий на наши антологии. И если для журнального редактора эти мыслительные упражнения критиков выглядят обычно удобоваримо (Сталин в Кремле думал, ага), рецензию чаще всего охотно печатают, — то меня как составителя после подобных рецензий терзают угрызения слабой концептуальности. Она становится видна как на ладони. А поскольку с контекстом получается слабовато, то, по сути, единственная настоящая задача таких рецензий — задача пиара.

Всё сказанное, конечно, не значит, что не имеют значения подобные книги. Это нам, критикам, важны «концептуальные штучки», читателю же достаточно персональных поэтик и персональных впечатлений. Пусть и слабо объединённых, да, ну и что. И, в конце концов, именно в этом заключается смысл существования всех этих «братских могил» (при наличии, естественно, высокого эстетического уровня похороненных в них авторов). За авторов цепляемся, их любим, их несём в литературное настоящее и будущее. Я вот, например, люблю — и тогда объединяю-

щей идеей становится не концепция, а любовь. А значит, имеет смысл и задача их пиара.

И может, зря «угрызаюсь»?

8 октября 2023

Осилился вчерашний человек

Вчера очень вдохновился шикарным многолюдным «Полётом разборов» с двумя чудесными обсуждениями авторов. Приходила Ольга Балла, участвовали Исмаил Мустапаев и Валентина Фехнер (в качестве поэтов), было много красивых и умных людей в зале. Уровень глубины и интеллектуальности обсуждения даже в целом превышал необходимую планку. Понял, что соскучился по организации очных мероприятий. И было вчера у меня чувство, очень важное для моего сегодняшнего самосохранения, что литература не умрёт ни при каких обстоятельствах, всегда будет выбираться из топи, и не уйдёт возможность нести людям свет, добро, вот так выбираясь, собирая вокруг себя народ, ведя интеллектуальные разговоры... Это очень важно на фоне чувствуемой нестабильности в последнее время по разным поводам.

Стихи Валентины Фехнер, кроме того, очень мне близки, очень «мои» — в силу и литературоцентризма, и упоминания многих имён, и торжественности слова. А стихи Исмаила, возможно, когда-нибудь разгадаю. Вывешу здесь свою рецензию на Валентину (которая не войдёт в материал на «Формаслове» — рецензий и так будет 6; к тому же не кажется, что слишком глубоко проник в её поэтику).

Поэтику Валентины Фехнер можно рассматривать как литературоцентричный эпос нового времени. В первом же стихотворении цикла, открывающего подборку (следующего после эпилога), появляется интенция «разобижённого слова», а попытка объединения, некоего поиска паролей становится цепью связующих звеньев: в этом видится связь с Ахматовой, наследования «Поэме без героя» которой автор не скрывает (подчёркивая его дважды — эпилогом и заключительной аллюзией на знаменитые строки: «А так как мне бумаги не хватило, / Я на твоём пишу черновике»). Но,

в отличие от Ахматовой, выстраивающей свой эпос как памятник ушедшим своим современникам, своеобразный театр теней, у Валентины Фехнер отчётливо задействуется скрепляющее, позитивно-прагматическое начало — здесь подошла бы фраза Ходасевича о возможности «перекликаться в наступающих сумерках именем Пушкина». Все переклички у автора подчёркнуты именами собственными: «Шварцевское» написано с большой буквы, и здесь, вопреки грамматике, можно увидеть оттенок некоего личностного жеста в преувеличении того, что становится важным как смысловой пароль, персональная история, опознаваемая теми, кто разделяет с автором общие ценности. Кстати, работа с фразеологией тоже работает на скрепление в условиях разваливающегося времени и разваливающегося языка: «в сердцах языка» — здесь можно увидеть контаминацию привычного фразеологизма «в сердцах» и авторского «сердца языка» — в роли этих сердец выступают сами литературные пароли, начиная с Ахматовой и заканчивая Василием Бородиным.

В этой поэзии можно увидеть приметы разлома — и признаки зренья, которое становится обострённым в ситуации катастрофы, как бы стимулируемым ей: скажем, «полушария глаз», «подковы ноздрей» — всё это в условиях существования мирного времени звучит едва ли не как тавтология, но в ситуации обострённого зренья вырисовываются контуры ранее не видимого. Или, например, словосочетание «зрение выколотых глаз»: опять же, «зрение глаз» — почти тавтология, как и «мёртвого тишина» — но в поэзии Валентины Фехнер это оживающая данность, поворачивающаяся новыми гранями посреди катастрофы. Другим приёмом сближения понятия на лексическом уровне становится глоссология, наиболее отчётливо проявленная в стихотворении «моя молчит земля на земле...» Кроме того, «подковы ноздрей» в мандельштамовском контексте отчётливо отсылают к «Нашедшему подкову» — тексту, который написан как раз на переломе, в ситуации сомнения: воздух дрожит от сравнений, поэт выступает как предвестник нового времени.

Думаю, неслучайно в стихах Валентины Фехнер можно увидеть и критику концептуализма: в одном из текстов появляется «пригов», который «подприговывает на пригорелом языке», дальше возникает «привкус инородного смешка» — разумеется, слово декон-

струирующее этой поэтике не близко, ещё и в силу её связующей, соединяющей интенции. Слово в этой подборке торжественно. В четвёртой части цикла («Посвящение») срастающиеся обломки речи обладают сильным энергетическим потенциалом: «уже умолкли в собственной могли / и на могле едва ли выгова». Здесь авторский окказионализм «могле», кроме отчётливо слышимого «на могиле» (и колеблющегося оттенка значения «во мгле»), проявляет и семантику потенциальности, возможности, так заметную в подборке и далее аранжированную сильным контрастом: «о как оголодали эти силы / о как осилился вчерашний человек».

Эпиграфом к этой подборке могли бы быть слова Татьяны Бек: «И протяжная, точно долина, / Открывается нищая сила». В этом смысле подобные стихи всем нам необходимы: они растут из языка культуры — и присваивают его, проявляя новое слово; начинают с конца эпохи, который, согласно первой строке подборки, сравнивается с вехой постмодерна, — ставят запятую, а не точку, и, используя постмодернистский цитатный потенциал, сохраняют мощное лирическое начало. В каком-то смысле эти стихи отбрасывают вопрос, возможна ли поэзия после Освенцима, — они, имея его в виду, переходят на следующую ступень прагматики катастрофизма: «что осталось у ничего», «какое у слова предназначение после поломки», не задаваясь вопросом о возможности или невозможности этого предназначения, вычерпывая прагматику катастрофы. Перед нами поэзия риторического вопроса — и одновременно целеполагания, направленности на действие, на изменение ситуации: «как похоронить его / в каком разрыве», «и кто умрёт / его утирать».

11 сентября 2022

На краю канона

Всё же истинные высоты духа в современной поэзии — это не метареализм (как бы он ни был близок, любим мной, но это уже мной достигнутое), а недостижимое — стихи Алексея Чипиги, Степана Самарина, Алисы Вересовой, Стаса Мокина, Дарь Сириной (Василенко). Кажется, что — при всей разнице поэтик перечисленных авторов — это линия благословенного юродства, идущая

щая от Хлебникова, усиленная Ксенией Некрасовой (не знаю уж, насколько сознательно такое влияние у каждого, но неизменно вспоминается она как создательница самых подлинных «сырых» слов) и Василием Филипповым; ясность лучших вещей Василия Бородина, помноженная на личную отмеченность творца. Названия этому направлению не дам — да и, возможно, кто-то более внимательный и не объединит всех перечисленных в некое единое течение.

Тесное сближение поэзии с этикой, которая здесь — мать эстетики. Физически исторгаемый свет. Поэзия на краю канона, опровергающая представления и о высоком символизме, и о нетрансформированном слове. Несделанность и нерукотворность. Это как раз именно то, чего в поэзии не могу и чему завидую, ибо, кажется, тут сам принцип «достижения» и достижимости не работает.

31 декабря 2023

Разбор как пространство свободы

Неожиданно для себя наката длинный текст об одном стихотворении Валерия Шубинского из его книги, вышедшей совсем недавно в «Пальмире»*. Почему об одном стихотворении? Книга интересна, но как-то очевидно интересна; я понимаю, что сказать нового мне о ней особо нечего. Об одном из предыдущих сборников ВШ «Вверх по течению» я писал 10 лет назад, с ним была связана сложная и поучительная история; а точнее, с редактированием рецензии на него, которая должна была выйти в «Арионе». Работа над этой рецензией поселила в душе какие-то травматические воспоминания, и они словно не дают пережить эту историю вновь.

А вот жанр разбора одного стихотворения — что-то редкое и высвобождающе продуктивное; мне вообще нравится возделывать небольшой участочек. Он только внешне небольшой. Можно пойти в самых неожиданных направлениях — связать

* См. в журнале «Волга»: <https://magazines.gorky.media/volga/2024/3/tkan-stanet-tenyu.html>

именно это стихотворение с контекстом высказываний автора, например. Так и сделал — показалось важным привязать разбор к спектру высказываний ВШ о молодом поколении, об андеграунде, о возрождении «метафизического» (со ссылкой на слова о новопришедших лириках, опирающихся на полузабытые традиции, обновляющих спектр этих традиций, — из предисловия ВШ к «Свалке» Ростислава Ярцева). К работе ВШ в широком контексте — как историка литературы, учителя и интерпретатора молодых авторов.

Довольно, в общем, уязвимый и непривычный метод в критике. Но мне скорее нравится, как написал; и сделал несколько важных наблюдений. Буду ждать теперь выхода статьи. (Интересно, как отреагирует сам Шубинский; я предчувствую упрёки в произвольности своих интерпретаций — и в самой связи стихотворения с «окружающим» контекстом высказываний. Хотя и оговариваю несводимость поэтического текста к «содержанию» и наличие тёмных углов.)

30 января 2024

Дорогу беспринципности

Переслушал одну радиопередачу — разговор ведущей с пожилым поэтом, которого застал и я как своего учителя и педагогическую мудрость которого осознал. В числе прочего поэт отвечает на вопрос о том, почему такое количество известных ныне поэтов пришло к нему в студию в своё время, — что ему помогла «художественная беспринципность». Ответ на пятёрку — правдивый, с лукавинкой и правильной самоиронией; герой передачи затем поясняет, что именно свобода литературных вкусов, интерес ко всему новому и экспериментальному притянули к нему соответствующих авторов в советские годы. Итак, дорогу «художественной беспринципности».

Продолжение разговора упёрлось в диалог поколений — поэт связывает сегодняшнее «отсутствие гения» с кризисом культуры, причём для него признаком гения является именно влияние на массы. В этом чувствуется что-то неотъемлемо советское. «Последний поэт, который изменил интонацию русской поэзии, был

Бродский». Ведущая (лет на 40 младше его по возрасту), словно бы не понимая этого неотъемлемого поколенческого принципа, начинает называть локально известные имена — Херсонского, Ермакову, — выдвигая, впрочем, верный тезис о «локальности» сегодняшнего времени, о «гениях» для малых групп, а не для масс. Всё, однако же, привело к полному непониманию и когнитивному диссонансу говорящих. Остро почувствовал эту разность установок, где, с одной стороны, воспоминания о стадионных толпах и инерционная привычка мерить ими успех, с другой — рассуждения тех, кто в принципе каши этой не едывал, с позиций сегодняшнего времени. Но вопрос, конечно, больше к ведущей, которая так настойчиво называла имена «малых масштабов» — и непонятно что пыталась противопоставить архаической точке зрения.

Ну вот да, побуду капитаном Очевидность, но скажу, что критерий успеха в принципе дуболомен и тоталитарен — и ловко способен заткнуть рот (даже если говорящий не ставит такой цели), опрокидывая любые логические аргументы.

2 мая 2024

Даже на заборе

Вновь подумал, есть ли смысл участвовать в непрофессиональных мероприятиях: фестивалях, семинарах с сомнительным составом ведущих. Правильно ли соваться в каждую дырку, где можешь принести пользу, — вернее, так: не отказываться от просовывания туда, если тебя хотят в этой дырке...

И вновь ответил себе утвердительно: да, нужно проникать в любую конуру, кроме откровенно фашистской. Да, есть смысл говорить с людьми везде, куда зовут и где ты им нужен. Говорить своё слово, как это завещал самому себе Андрей Михайлович Тавров: в ответ на недоумённый вопрос о том, почему он печатается в таком-то месте и с теми-то, уверенно и спокойно ответил, что это его слово и он будет писать его везде, пусть даже на заборе. Как считала важным Мариэтта Омаровна Чудакова, которая сама звонила в провинциальные библиотеки страны, устраивала лекции, дарила книги...

А крутой коллега, отказавшийся участвовать как критик в «Полёте разборов» на основании того, что там рядом с авторитетными критиками — ноунеймы, то есть люди, не подтвердившие в его глазах свою профессиональную экспертность... (Но моя позиция — ориентироваться не на количество публикаций, а на то, нравится ли мне, как человек говорит о поэзии, — в этом смысле непререкаема. «Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротой, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в „Московском телеграфе“, — дело ведь писал Пушкин в «Путешествии в Арзрум».) Ну и чего добился крутой коллега? Не высказавшись об авторах — там, где его слова ждали, и там, где оно нужно, сверхнужно. Где (вместе с такими же отказавшимися — по разным причинам: занятости, лени...) можно было сделать и этот участок мира ещё лучше, чем он есть.

Ну да, да, конечно, всех не перестрижёшь. И, да-да, понимаем, что такое подчёркивание своего литературного статуса и создаёт репутацию, которая ведёт других в Элитарные Проекты. Держать хвост морковкой — охренительно круто, и какой уж тут участок мира. Поэтому Авторитетный Коллега остаётся Авторитетным Коллегой. А ты, Кутенков, остаёшься Кутенковым, пролезающим в каждую на хрен дырку.

И на том стою и не могу иначе.

8 августа 2024

Культуртрегер и кукурузные палочки

Совершенно не понимаю редакторов, культуртрегеров, которые отказываются отвечать на опросы (к примеру, об итогах года или полугодия) и давать интервью. Безумно раздражают каждый раз эти уходы в сторону — особенно со ссылками на некую «общественную ситуацию, которая не позволяет делать выводы»; тут вспоминается Валерий Шубинский, который едко заметил после этих отказов начала 22-го: «От секса и от еды же вы не отказываетесь, так почему отказываетесь от работы».

Возможно, это раздражение связано у меня с усиленным

чувством собственной миссии просветительства — и сложно понять, как у человека, посвятившего себя литературе, этот орган может быть редуцирован. Элементарно — не сказать о том, что ты читал, редактировал, что понравилось за полгода; не вывести авторов, за которых наверняка бьёшься, в дополнительную зону внимания...

Что, конечно, не отменяет моей абсолютизации собственного опыта и попытки влезть в чужую шкуру; но по здравом размышлении прихожу к выводу, что лучше так, чем иначе. Будучи *таким* собой — хотя бы мысленно требовать от других быть *таким собой*, именно в этих чертах.

Между тем, опрос для меня — самый любимый жанр в литературе, и проводить его — сущее наслаждение; это связано с какой-то праздничной возможностью усадить за один стол людей, которые никогда бы за ним не собрались. (И во всём этом есть что-то от 11-летнего мальчика, который в далёком 2001-м году плакал, когда не удалось собрать детей на маленький праздник на поляне с молоком и кукурузными палочками, — к чему воодушевлённо готовился, — те, коварные, убежали играть в футбол.) Жизнь — вечная Достоевская борьба с тем мальчиком и (по-Достоевски же) его неизменная апология.

2 мая 2024

Борьба за навыки созидателя

Узнал, что в одном из проектов мне объявили настоящую информационную войну. Не в первый раз — и вроде бы не новость в этом контексте, но чтобы так явно — довольно неожиданно: ведущие семинара регулярно цитируют мои стихи, говорят, что «не надо так, как Кутенков», активно ссылаются в негативном ключе — одним словом, настраивают и подзуживают молодое поколение против зла в виде меня.

В таких ситуациях помогают навыки стоицизма — и ещё слова мудрой Марины Кудимовой: «Жизнь и работа в Переделкине для меня — огромная школа смирения. Пока ты себя здесь в десять узлов не завяжешь, пока не научишься слушать о себе сплетни, читать доносы на себя и сглатывать обиды, ты в другое

качество не перейдёшь — не обретёшь навыки созидателя». Собственно, завязывание себя в эти «десять узлов» происходит по воле самой жизни — лет пять назад я бы переживал, сейчас, после январских смертей, стал как будто опустошённое внутри — и некоторые эпизоды так не действуют. (Что мне в себе, кстати, не вполне нравится: менее острое чувствование происходящего как будто бы ведёт к убыванию жизни.)

Ну и ещё стоит задуматься о побочном эффекте «отрицательного пиара» — я-то этих говорящих не цитирую, так как прекрасно понимаю, что стихотворение, о котором говоришь «не надо так», иногда имеет свойство нравиться, и было бы наивно давать своим оппонентам козыри.

Однако, думаю, эта настойчивость, достойная лучшего приращения, будет иметь свои результаты. Борьба с Кутенковым как с неизбежным злом («что ж, ведь вы боролись за правое дело», вспомнилась мне одна фраза); в способность людей разобраться своей головой не верю. Хотя репутация у ссылающихся такая, что мама не горюй (но поэтому те, кто к ним идёт, видимо, так-вы по слепоте и наивности, что... и в этом смысле должно быть окончательно всё равно). В общем, время рассудит: говорят, оно справедливо к поэтам.

3 мая 2024

Я завишу вдрызг от чужого слова

Долго и хорошо говорили с коллегой про обратную связь в современной литературе. Коллега признавался, что радуется лайкам от N, большого поэта; что очередной его лайк побуждает писать и что свои последние вещи он создаёт на этой тяге. Мне вспомнились строки Татьяны Бек: «Я завишу вдрызг от чужого слова, / От хулы и лести в казённом доме». Я со вздохом признался, что надо бы вообще от такой «тяги» отказаться, прийти к самодостаточности. Но потом сам припомнил случаи, вдохновившие больше и лучше писать, работать, — пусть даже в виде мимолётных лайков.

Вспомнил и такую историю. В журнале посмертно опубликовали дневники известной поэтессы, в которых она упоминала

молодого поэта, хорошо отзывалась о его подборке. Когда я прислал поэту фрагмент о нём, он написал, что в период этих упоминаний находился в состоянии тяжелейшей депрессии и неверия в себя. И этот отзыв бы его спас. Но он о нём не знал. Сейчас же отзыв малофункционален, хотя, может, когда-нибудь и вспомнится в будущем.

Какие же выводы хочется сделать? Изложу-ка их в нескольких тезисах.

1. Не могу не припомнить банальное окупджавовское: «Давайте восклицать, друг другом восхищаться, / Высокопарных слов не надо опасаться. / Давайте говорить друг другу комплименты». Продолжая его императивность — давайте говорить друг другу о том, как восхищаемся стихами друг друга (если действительно ими восхищаемся). Замечал, что нередко такой отзыв воспринимается с настороженностью (мол, чего этот хрен с бугра ко мне лезет?). Он вызывает настороженность именно потому, что исключение, а должен стать нормой. Нас много на челне, да. Но даже просто позитивная энергия, источаемая в пространство, отзовется потом тем же. Человеку этот отзыв может пригодиться, вспомниться потом, удержать на краю.

2. Сочетание в одном лице поэта и культуртрегера порождает системный сбой коммуникации. Проще говоря, если лезешь к человеку с «Полётом разборов», уже странно ждать от него отзывов о собственных стихах, напрашиваться на них. Такое — даже если не для адресата, но для тебя самого, — выглядит как коррупция. Кому-то удаётся гармонично с этим уживаться, и это счастливое умение. Но в такую уживчивость без компромиссов с совестью я, честно говоря, не верю.

3. Невероятный риск — попытаться услышать что-то от своих кумиров, нарываться на попытку диалога о своём творчестве. В этой ситуации лайк — иллюзия, которая может вдохновить. (И в этом смысле полезен, как всякая иллюзия: иногда думаешь, что лучше уж не знать всей правды. А вдохновляться этой достраиваемой мимолётностью — вполне, вполне.)

4. (В продолжение тезиса 3). Тут сделаю сильное и спорное утверждение. Современный литпроцесс порождает параноидальность, так как, несмотря на его видимую сплочённость, настоящий диалог о тексте — явление крайне редкое. Мне было больно услышать, что знакомая говорила обо мне с горячо любимым мной поэтом и философом, затем передала мне его прохладное: «Мне его стихи непонятны, я не понимаю, что он делает». Когда я поделился этим огорчением с другой знакомой, она сказала, что тот же поэт и философ сказал ей, что у меня «есть очень интересные стихи». Возможно, лучше было бы не знать никакой правды и не тяготиться невзаимностью.

Невзаимность — в любом случае подавленная обида, даже если закопанная внутри себя, очень глубоко. Иногда — до полного самоуверения, до абсолютного спокойствия: обида может никогда и не вырваться и никак не проявиться на внешнем уровне, но обидой быть не перестаёт. И по отношению ко мне таких обид, конечно, предостаточно — и больше, чем у меня.

Возникает закономерный вопрос: почему не заговорил сам с поэтом и философом, не послал стихи на отзыв? См. пункт 2 (это своеобразный кодекс чести). Ну и — см. пункт 3 («лучше уж не знать правды»): а вдруг она окажется горькой и травмирующей.

Тоже мне, скажете, страхи...

14 марта 2022

По следам презентации одной книги

На вчерашней презентации своей книги «25 писем о русской поэзии» ощутил себя в шкуре участника «Полёта разборов». Как-то отчётливо понял, какой эмоциональный перегруз ложится на плечи того, о ком говорят два часа. Очень полезно оказываться «по ту сторону», вставать в метапозицию, лучше понимать эмоции и ранимость того, кто подвергается публичной критике, даже положительной. Учитывать в дальнейшем эту ранимость. Вообще, все ситуации последних дней (встреченные люди с СДВ, ОКР, БАР; эта метапозиция в рамках обсуждения моих текстов) располагают к пересмотру границ взаимоотношений — и с собой,

и с другими. Чувствую весь этот событийный ряд посланным мне не просто так и отчётливо что-то говорящим. Было бы глупо не внять.

Ощутил вот то самое подзабытое одиночество на литинститутском семинаре, тот дискомфорт и холод по коже особого свойства, который бывает только на публичном обсуждении. Лет десять или больше такого не было, и вот опять. А в свете прошлых лет (когда эти обсуждения были связаны с откровенной травматизацией и непониманием) — жутковато, даже несмотря на иную, в целом позитивную направленность вчерашнего разговора.

Были отзывы умные, были откровенно фриковатые — те, с которыми прямая дорога к психоаналитику. Были те, в которых чувствовалась мелкая месть за прошлые обиды. Авторам и тех, и других, и третьих — спасибо.

Отдельное спасибо Ольге Балла за то, что показала на примерах разные действующие стратегии в книге. С нетерпением жду её рецензию — но докапываться ради себя неловко; ради других было бы ловко.

Спасибо Елене Кукиной за то, что отметила различие между критиком и поэтом и деликатно показала, где я другой, не такой, как в жизни, и не такой, как на «Полёте разборов». В свете прочитанных вслух (особо метких, по мнению Лены) формулировок из книги особенно видится собственное косноязычие и несовершенство. Читайте их вслух, друзья мои, читайте. Производимый на меня этим эффект — невесёлый, но продуктивный.

14 сентября 2024

Словно в опустевшем помещении

В переписке услышал от молодого поэта неожиданное: «Я и некоторые мои знакомые тебя называют „первым критиком поэзии на данный момент“ — может, просто других не знаем. Как ты к этому относишься? Кто первый, по-твоему?»

Ответил, что приятно, конечно, но вообще-то есть Ольга Балла, Владимир Козлов, Дмитрий Бавильский, Александр Чанцев, Лев Оборин — люди, которые именно критику пишут чаще и регулярнее. И что мне всё-таки нравится номинация «культуртре-

гер» по отношению ко мне. Но при этом возможны разные определения критики: я, например, понимаю это ремесло в широком смысле, как культурное просветительство, где осуществляется осознанный выбор и рефлексия. О чём недавно говорила Елена Погорелая в опросе «Пролиткульта» — что критика меняет свои очертания, превращаясь в подкасты и прочее, и что молодые на самом деле не игнорируют критику, а предпочитают другие её формы (и письменные тексты — только один из возможных вариантов).

А если понимать в смысле более архаическом и традиционном — то, на мой взгляд, всё же первый критик сегодня Владимир Козлов, который не только рецензент книг (и не только организатор и просветитель в широком смысле), хотя всё вместе, но автор концептуальных, вдумчивых и важных статей о поэзии. В своей книге «Зачем поэзия» Козлов остро и едко проговорил неудобные вещи, над которыми поэту и пишущему о поэзии надо бы как минимум порефлексировать. И, кстати, мы как-то подзабыли, что это наличие концептуальных статей о сути поэзии или литпроцесса входит в пул задач критика: тот, кто их не пишет, называется рецензентом или кем-то ещё.

Коллега недавно жаловался по телефону, что ему присылают опросы то из одного, то из другого журнала, — «журналы превратились в ленту Мёбиуса: сплошные опросы». Я ответил, что этим заменяется жанр концептуальной статьи, уже фактически невозможный с уходом поколения «старших», активно писавших ещё в 10-е. Мне, например, не хватает старого «Ариона» — со всеми его провалами. И его «призраков»-корифеев — очень интересно было бы узнать, например, что думает о современной поэзии Леонид Костюков; я почти наверняка не соглашусь, но стопроцентно задумаясь и обновляю впечатленческую инерцию. Или Владимир Губайловский, совсем ушедший в глухое подполье и отказывающийся от интервью, от всего. Или Анна Кузнецова, ушедшая ещё раньше, — мой учитель из старой редакции критики «Знамени», которая правила и ругала мои статьи и публиковала, — и вот она была настоящим критиком в чистом виде. Критиком старого, вкусового, классического типа. (Возможно, уже отжившего, — но пришло ли на смену что-то принципиально новое?) Или некоторые (на мой взгляд, излишне) политизировавшиеся сейчас кри-

тики, которые считают себя не вправе рассуждать о чём-то литературном в эти годы.

Имён пять бы ещё перечислил — но как минимум чтение статей перечисленных людей в «Журнальном зале» мне представляется сегодня обязательным для нашего брата. Как и работы Елены Невзглядовой по интонационной теории стиха. Или той же Елены Погорелой, чьи статьи на своих лекциях в Серебряном университете привожу как показатель планки мастерства.

Молодому поколению эти имена вовсе ничего не говорят (всех упомянутых, кроме, пожалуй, Погорелой, но она и моложе всех остальных), что напоминает ситуацию из стихотворения Давида Самойлова: «Вот и всё — смежили очи гении / И, когда замолкли небеса, / Словно в опустевшем помещении / Стали слышны наши голоса».

Ну и возникает то, что возникает, — см. первый абзац.

Ребят, откройте перечисленных в ЖЗ, не поленитесь. А я громко хлопаю крыльями, да, и продолжу хлопать, что есть, то есть.

24 октября 2024

По следам премии «Неистовый Виссарион»

Отдельно хочется отметить статьи, за которые получил награду в Екатеринбурге 5 июня, в свой день рождения, из рук главного редактора «Нового мира» в Библиотеке имени Белинского. (Говоря всё это, нахожусь словно в нескольких параллельных реальностях — как будто говорю не о себе, как будто всё это происходит не со мной. Потому что со мной такого, кажется, вовсе быть не может.)

Итак, статьи:

— «Ласковый бог ремейка». Об Олеге Дозморове, который остаётся для меня примером блистательной работы с чужим словом — и сохранения индивидуального биографического лица, в чём наследует другому уральскому гению — Борису Рыжему;

— «Человеческое, в меру человеческое». О Сергее Костырко, который остаётся примером профессиональной работы в критике, — надеюсь, что его книга, которой он попрощался со своей ра-

ботой в этом жанре, станет всего лишь промежуточным этапом)*;

— «Ты — Булгаков и Зощенко». О Мариэтте Чудаковой, которая остаётся для меня примером всего — совести, активной деятельности, гражданской смелости, щедрости, стоицизма. Мой любимый текст о любимом сборнике воспоминаний. Перечитываю эти воспоминания бесконечно и заражаюсь витальностью.

(Все тексты доступны в «Журнальном зале».)

Но напоследок нельзя не сказать, что победа эта — на грустном фоне. В данном случае — на фоне невозможности номинирования на премию критиков, не проживающих в РФ, — даже имеющих российское гражданство. Моя солидарность и мой привет в этот чудесный вечер — тем лучшим из них, кого не получилось номинировать. Многие из них активно присутствуют в русскоязычном литпроцессе, много для него делают, присутствуют в одних журналах с нами, но — с ними был бы другой лонг-лист и, очевидно, другие результаты. Не уверен, например, что был бы там я. Это никак не девальвирует работу «Виссариона» и, разумеется, относится не только к нему: жюри выполнило свою работу честно, и шорт-лист получился сильным — но думаю, это невозможно выбросить из головы всякому, кто участвует сегодня в работе российской литературной премии.

Перечитываю дневники Лидии Чуковской, напиваюсь её стоицизмом, правдивостью, необходимостью работать на будущее. Верой в то, что оно всё-таки случится, пусть настоящее порой и кажется беспросветным. Но вот такие просветы — это уже очень много.

Читая эти дневники, понимаю, что не могу смалодушничать и не сказать того, что сказал двумя абзацами выше (а вопрос, стоит ли об этом говорить, был для меня внутренне дискуссионным).

8 июня 2023

* Сергея Костырко не стало 22 марта 2024. Книга «Критика-2» оказалась его последней, вышедшей при жизни.

А черти подольют маслица

А ведь как-то незаметно ушла традиция публиковать собственные стихи в журналах, вообще что-то делать для этого. Эта область духа окончательно маргинализировалась (говорю именно о себе). Когда-то естественным было встречаться с друзьями, читать им стихи вслух, слушать отзывы. Затем составлять подборку, отправлять её в одно-два дружественных издания. Сейчас — после того, как напишешь стихотворение, обсуждаешь его по телефону с одним-двумя друзьями, выкладываешь в соцсетях (где почти никогда нет комментов, во многом потому, что я и сам не комментирую) — и фактически полная остановка движения на этом. Да, к чему-то из написанного возвращаешься, но в целом — ушло. Самое интересное, что при этом абсолютно не ушла из головы «опция» их писать. Давно не «снисходит», пока целенаправленно не вызываешь то состояние, в котором свободно льётся речь. Но есть внутренняя потребность уезжать для этого, оставаться в одиночестве, создавать самому себе те обстоятельства, при которых стихи — пусть не сразу — безусловно, придут.

Что до ушедшей «традиции» — ни при чём тут политическая херь (по поводу которой у меня совершенно нет апатии, есть тревога). А просто ушло — как факультативное, необязательное, всё более вытесняемое культуртрегерством плюс насущными проблемами. Раньше был один редактор, который регулярно просил стихи, — это было мотивацией их сочинять. Мне как культуртрегеру странно, что он только один. Такая ситуация не должна быть исключительной, должны быть люди, отсматривающие самотёк, проявляющие инициативу, приглашающие тех, кто сколько-нибудь хорошо пишет. Даже настаивающие на публикациях. И, если бы таких людей было много — это означало бы для меня понятие «здоровое литературное сообщество». Абсолютно точно знаю, что так делает редактор «Знамени» Ольга Ермолаева: не ленится перерывать паблики, ищет в самых неожиданных местах и полушутливо повторяет про свой страшный сон — «пропустить гения и за это гореть в аду, а черти подольют маслица».

Да, тут много аргументов можно привести в пользу той ситуации, что сложилась со мной. Можно говорить о самодостаточности, можно вспомнить известные слова Пушкина о Баратынском,

об эволюции поэта. Можно припомнить и моего любимого Михаила Эпштейна, который как-то писал, что нельзя ничего подтапливать, требовать быть от того, что упорно не подчиняется тебе.

И всё же отрину самоочевидную мудрость и абстрагируюсь от преодоления как самоцели. Нужно предлагать, нужно делать то, по отношению к чему сейчас, возможно, не видно внешней мотивации. Это внешнее, оно же — видимое со стороны, но за этими деревьями — лес. А то, что не отталкиваешь от себя, — есть та особая область структуризации духа, той его сферы, которая не находится в прямой связи с «внешней» реакцией. Собственно, она, сия область-матушка, всегда с «видимым» и наглядным в отношениях сложных и весьма опосредованных.

Ну и ещё — движение к отклику есть движение к (само)пониманию. То есть к «вытягиванию» этого самопознания из пространства, которое о твоём желании, возможно, не знает и не делает встречных шагов. К тому, что, возможно, таит в себе важную эвристическую истину, взаимно ожидая твоего желания её принять.

27 марта 2022

Пост нарциссизма неумеренного

Перечитал с каким-то радостно-здорово-нарциссическим ощущением свою подборку в «Таволге» — первый раз, когда решил куда-то отправить за весь 2023-й, и было важно, чтобы опубликовали в журнале именно двадцатилетних, и, о радость, её приняли. Испытал самое верное для меня чувство — плодотворного «отделения» от себя и взгляда на себя словно бы с высоты.

Чувствую, что её очень здорово составил Сёма Ткаченко. Так, как я люблю и сам составляю, с явно продуманными композиционными переключками. Внезапно чувствую себя очень, очень ох..нным поэтом (да-да, такое, канешна, писать ну, неприлично, но сие чувство посещает меня столь редко среди постоянных сомнений, что как бы можно).

Просто удивительно, как лучшее из написанного внезапно соплагается в целостный ряд при хорошем выборе и составлении. Как из себя проявляешься другой «ты». Жёсткий и словно бы

с пугающим стальным стержнем. Готовый как будто на ещё большие испытания. Чувство это радостное и страшное — не знаю, чего же боле.

Жутко от того, как все происходящие драмы — от «общих» до глубоко личных — словно бы собрались вскармливать меня и влиять на силу моих стихов. И от разительного, придвинутого к глазам ощущения этой кошмарной пропорциональности — от всего этого мой стих только крепнет. И от неизбежности новой укрепляющей драмы — и нового ужаса, который вскормит стих. (Пусть в этом предложении останется намеренная двойственность субъектно-объектных связей по принципу «мать любит дочь»: да, и так, и наоборот.) И от вечного вопроса, а не будет ли очередная драма подавляющей и лишаящей творческих сил, в отличие от драм предыдущих.

В общем, ради такого ощущения уверенности, окрылённости и жути нужно издавать книги и составлять подборки. Не ради банального нарциссизма. Как я всегда говорю (уже надоел с этим определением) — ради уникального акта самопознания, невозможного в иных сферах и жанрах.

И вы тоже не недооценивайте меня как поэта и читайте эту подборку. (Смайлик.)

Впрочем, сомнения вернутся, а чувство собственной ох..нности и недооценённости будет раз в столетие... Именно поэтому так важно его зафиксировать. Сомнение же — как постоянная константа — так обыкновенно, что и фиксировать лень (хотя это ощущение так или иначе распространяется на многие посты в здешнем канале).

(«Боря, дорогой, а не лучше ли просто быть счастливым, а, и не писать таких ох..нных подборок?..» — ворчливо заметил внутренний голос.

«В тебе иногда проявляется тёмная сущность, которая начинает разговаривать сама с собой», — не менее ворчливо заметил второй внутренний голос — голосом одного дорогого друга.)

20 декабря 2023

Лицо за маской

Составил для «Прочтения» подборку Николая Васильева и неловко ковыряюсь со своей по просьбе одного портала. Единственный поэт, после которого мне стыдно писать собственные стихи и куда-то посылать их. Притом что чувствую себя работающим с ним в едином стилистическом регистре, но — словно постоянно не дотягиваю до планки, которую при каком-то ином раскладе метафизических обстоятельств мог бы взять (а может, не я недоотягиваю, а он перепрыгивает). Но это, как ни странно, действует на меня стимулирующе.

Составляя свою подборку, перерываю свои стихи за последний год. Некоторые из них перечитывать прямо физически больно — такая лежит на них печать ситуативности и утраченных (уже), недавно бывших иллюзий. Уже ни тех обстоятельств нет, ни тех людей нет в моей жизни, — те, кому было посвящено с такой любовью и бережностью, душу «вынули, копались в ней вонючими пальцами, плевали в неё, гадили, потом сунули её обратно и говорят — „Живи“». Так было в дневниках у Ольги Берггольц, только в моём случае — просто копались и гадили, не были столь добры, чтобы сунуть обратно. Пришлось впихивать собственным усилием. И живёт, зараза.

Поэзия выше, больше наших «реальных» чувств тем, что коварно оставляет самое главное и подлинное — если подлинно стихотворение и состояние. Я желаю всем, кто приходит ко мне за поэтическим советом, подлинного «редактора состояний». Владимиру Козлову это не близко, он говорит, что мои стихи «пишутся в состоянии аффекта», и хотел бы, чтобы они выстраивались рационально и смыслово. А вот фигушки.

Порой при перечитывании себя чувствую, как эта вера в правду состояния, в истинный преображённый смысл отзывается в лирике глубинной неподлинностью — печатью проходящего, печатью момента, тем, от чего спустя время хочешь заслониться. В то же время ценен важный зазор между собой-автором и лирическим героем, уровень преображения чувств — одновременно укрупнением и сокращением, уплотнением. Выявлением главного.

Меня же упрекнули на днях в попытке избавиться от себя,

в стремлении нарисовать альтер эго, создать этот зазор между собой и лирическим героем. В этом моём постоянном стремлении уйти от себя — есть болезненное, есть внутренне правдивое, есть и оправдываемое всей историей литературы: смотря с какой позиции посмотреть. Но речь на самом деле не о желании казаться — о важном альтер эго, которое становится органичной маской, приросшей к лицу. А некоторые упорно пытаются с тебя эту маску содрать и не видят в ней второе лицо, неотъемлемое от тебя же. И увидеть в моей приросшей маске второе лицо — очень важно.

Впрочем, я слишком наблюдаю во всех себя — и слишком изнутри свой стихотворческий опыт, универсализируя его, что правда, то правда.

26 ноября 2023

Тайная фанатка

Та ситуация, когда твоё стихотворение (лучшее из написанных в этом году, имхо) на вечере понравилось редактору, которому не чаял понравиться и с которым часто ощущаешь себя мысленно связанным. Тому редактору, стихи которого нежно любишь и на том же вечере слушаешь именно их — единственные — неотрывно; с безнадёжной мыслью, что именно этот человек должен услышать твои стихи и что он никогда их не расслышит, работая в другой эстетике. Ощущаешь себя нарциссом и проституткой в одном лице — Саша Хан, правда, поправляет, что тайной фанаткой. На мероприятии, впрочем, никакого диалога не происходило, как не происходило его никогда с этим редактором об этих стихах; вернувшись домой, однако, обнаруживаешь в личке вопрос именно об ЭТОМ стихотворении и заинтересованность им, что видится вполне себе невозможным. Мои ответные слова, конечно, были восприняты как лесть и алаверды (не могли быть восприняты иначе), но, в принципе, ситуация абсолютно «чистая».

Дорогие мои, переставайте ждать и как можно безнадёжнее отчаивайтесь. Именно тогда всё и случится.

12 ноября 2024

«Джедай с лопатою света» и другие эссе

Мольба о непокое

(Из ненаписанной прозы)

Она впервые слышала по телефону его голос — ранее, по книгам и фотографиям в соцсетях, этот человек представлялся ей милым и даже ребёнком. Деятельным и трогательно преданным своему делу. Сейчас он говорил о своём деле высоким растянутым тембром — она даже подумала сначала, что звонит женщина, — со слегка капризными интонациями, требующими безотлагательного решения проблем, и решение это зависело от неё. Она даже успела поверить, что это дело общее, — ей показалось или он правда произнёс про «общее дело». Слушая эту безотлагательность, она внезапно вспомнила, как много лет назад в таких же интонациях с ней говорил по телефону уже умерший критик-классик N. Дело было важнее всего, мир должен был прийти в движение, весь двинуться на зов об этом деле.

В голосе критика N она всегда слышала некий зов о помощи, структурированную мольбу о непокое. Неуспокоенную бродящую душу мертвеца, желающего привести собственную хаотизацию в состояние мертвецкой педантической чёткости мира. Внутренний мёртвый мир проецировался на мир реальный, который должен был прийти в деловой порядок. Она вспомнила какие-то рассуждения своего знакомого, что любил определять подобные состояния через сухие теоретические схемы, «блочные», как-бы-универсальные и как-бы-применимые ко всем, вычитанные из книг по психологии. «На самом деле это всё было расщепление собственной мёртвости и вытеснение... как его... подсознание? Не мог себе признаться... поэтому вытеснял... блин... Всё-таки надо было хоть краем уха слушать все эти слишком абстрактные для меня рассуждения того мудака про психологию, — грустно размышляла она, — сейчас бы привела в стабильность собственные мысли. А может, и собственную жизнь, кто знает». Обо всём этом она думала, пока мертвец с капризной чёткостью требовал решения дела и задавал вопросы, уже слегка сдерживая истерику.

Внезапно из телефонной мембраны на неё пахнуло мертвецкой хтонью — она никогда не знала этого запаха и вряд ли мог-

ла определить его в бытовых ощущениях, но почувствовала, что это он, и отодвинулась. И тут же слегка устыдилась пофигизма по отношению к «общему делу», так как в голосе мертвеца вновь слышались интонации ребёнка, усиленные тембром, — и даже какая-то детская беспомощность. «А не манипулятивный ли способ это меня утянуть?» — подумала она, не вдаваясь в подробности речи из трубки, и устыдилась в третий раз.

Некстати она вспомнила слова Тургенева из письма Полонскому, которые запали ей в душу когда-то на университетском курсе: «Странности Гончарова объясняются нездоровьем — и слишком — исключительно литературной жизнью. Когда люди на земле воображали, что наш шарик центр вселенной — то и они придавали всему земному преувеличенное значение. Мысль, что через каких-нибудь пятьдесят лет от твоей деятельности не останется пылинки — очень охлаждающе действует на самолюбие, хотя, с другой стороны, вполне предаваться ей не следует — а то, пожалуй, всякую работу бросишь». От твоей. Деятельности. Не останется. Пылинки. Она уже представила даже, как произносит по слогам этот извилистый абзац, но забыла слова на полпути, а мертвец всё говорил и говорил.

Дело было важным, даже, может, объективно значимым — но, проблема, ей на него было глубоко пофигу. «И всем пофигу, — грустно подумала она, — кроме него, который придаёт всей этой суете такую важность».

Она сослалась на что-то глупое и неправдоподобное — молочно с плиты убегает, я перезвоню, — спешно повесила трубку, не дослушав, и больше не подходила.

19 декабря 2023

Синопсис катастрофы

О жизни, изначально поставленной на неверные основы — социальные, метафизические, этические.

О том, как эти неверные основы, с которыми пытаешься что-то сделать, заглазить метафизическую или предписанную твоей «юной волей» ошибку, примириться с действительностью, с её изначальной заданностью, — усугубляются, медленно разрушают

жизнь, приводят к катастрофе. Постепенно не оставляют никакой возможности «заглаживания».

Приводят к самому логичному, самому справедливому результату, обусловленному всей жизнью и ходом событий, изначально неверных, неправильных, предзаданных, грозящих катастрофой.

Приводят к невероятной внутренней прямой сквозь кризис и прорастание, сквозь отсутствие иллюзий, к возможности разглядеть вещи как-они-есть, без розовых очков, — при абсолютном внешнем фиаско и ужасе творимого непонятного, если пересказывать фабулу стороннему, априори не способному её понять изнутри. Отличный материал для стихов.

Собственно, говоря о поэтической теме, — я бы хотел именно такого краткого «синописа» как «длинной фанатической думы», проходящей через все детали ещё не перевоплощённой фабулы, через всю жизнь с её вопиющей, катастрофической, обусловленной в каждом жесте исконной справедливостью.

10 апреля 2022

Об искусстве и гражданственности

Увы, придерживаюсь непопулярной ныне точки зрения, что честность перед собой и искусством входит в очень сложные соотношения с вопросами гражданскими и политическими — гораздо более сложные, чем принято полагать. Поэтическое слово толкает к произнесению «необщих» смыслов (а искусство только ими и живёт) порой вопреки гражданской общности. «Так проклятая рифма толкает всегда / Говорить совершенно не то» (Тициан Табидзе). Талантливые стихи (даже сегодняшние, такие знаю), основанные на ненависти, едва ли не на фашизме, пронизанные силой ярости, — всё равно талантливые стихи. (Но принадлежащие искренне верящему, пусть и заблуждающемуся человеку; важно, что не лжецу.) А в пределе — и гениальные стихи. На сложном алтаре искусства они ценнее, нежели честные, граждански сознательные, антифашистские, но художественно посредственные агитки. Понятно, что с человеческой точки зрения, с позиции этики всё ровно наоборот. Замечательно всё это разграничила

Цветаева в своей работе «Искусство при свете совести» применительно к посредственным стихам монашки.

В сегодняшнем перевёрнутом мире мухи и котлеты перепутаны — и такую путаницу мы регулярно наблюдаем в соцсетях, где талантливое стихотворение, растущее из современных политических реалий, оценивают исходя из «содержания» и говорят именно о своём согласии или несогласии с «изложенной позицией». (Пример — недавнее обсуждение стихотворения Олега Дозморова «В Москве, передают, забиты рестораны...», где из десятков комментариев абсолютно все сводились к тому, правильно или неправильно, что они забиты; забиты ли и вправду; в каком районе забиты и правы ли те, кто их забивает, или забить на их посещение и сидеть в трауре...) В то же время очевидно неталантливое стихотворение оппозиционера оказывается выше для аудитории (может, и вообще на человеческих весах; но не на весах искусства) в силу личности написавшего; личности, идентифицируемой с поступком, что тоже не вполне верно. Но, увы, когда говорят пушки, музы молчат.

Однако мы не можем не понимать, что всё это симптомы глубоко нездоровой ситуации, и я верю, что нормальный разговор об искусстве вернётся в сердца и умы. Не могу не верить.

3 марта 2024

О границах работы с политической реальностью сегодня

Сегодня, в наступивших сумерках, есть, как мне кажется, три пути поэтической работы с политической реальностью. Разумеется, суха теория, и я жду появления поэта, который перевернёт эти схемы, — а это именно схемы, так как явится гений и обманет наши ожидания. И тем не менее.

Первый путь, вполне очевидный для поэта и приобретший особую актуальность в эти дни, — перекликаться, если чуть перефразировать Ходасевича, именем метафоры (как делают, например, сейчас талантливые Ростислав Ярцев или Евгения Изварина), выбирая способ поэтического перевоплощения. Метафора в таких случаях превращается в оправданный метод разговора — того, который стремится остаться честным во что бы то ни стало

и в то же время органически не выбирает позиции лобовой прямолинейности.

Второй путь, как раз лобовой, — это привычная нам документальная поэзия, так граничащая с «нехудожественностью» и не чувствующая этих границ, — иногда демонстративно не чувствующая, плюющая на них, сближение с протоколом становится антиприёмом (как у Лиды Юсуповой). А иногда смещающая ракурс, как при фотографировании, так, что путь документального перевоплощения становится антиметафоричен. Об этом хорошо сказал Сергей Костырко в одном интервью: «Для меня в этих двух подходах — „фиксация впечатления“ и „литература как свободный дух“ — противоречий нет. Я немного фотограф и знаю, насколько ложным является распространенное представление о фотоизображении как изображении абсолютно объективном. Ну да, разумеется, фотокамера — бесчувственная машинка, но вот при съёмке я, скажем, чуть наклоняю камеру, и сюжет сразу же получает некую дополнительную оркестровку, или, пользуясь зумом, я отсекаю в кадре всё, что мне кажется лишним, оставляя только тот мотив, который и определяет для меня характер пейзажа. То есть так или иначе, но фотоаппарат может быть не только инструментом воссоздания увиденного (снимок на память), но и инструментом для создания образа того, что вы видите». Этот способ работы с реальностью мне не близок, но сегодня наиболее распространён.

Третий — конечно, наименее близкий мне, — политическая агитка. Тут всё ясно.

Однако нужно помнить о том, что эзопов язык в поэзии есть мощное средство суггестивно-метафорического потенциала — разумеется, если идёт с ним рука об руку, а не является только средством сокрытия того, что можно было бы сказать другим языком. Можно стать поэтом, исходя из интровертности и сокрытия, — писать, шифруясь, а потом внезапно понять, что вся мировая лирика с её «темной» на твоей стороне, язык стал органичен, и ты уже не шифруешься, ты открываешься Невидимому. Пишу сейчас предисловие к подборке поэта, который использует именно такой метафорический потенциал слова: все метафоры читаются как абсолютно актуальное свидетельство о происходящем сегодня. Ничто не сокрыто, всё случившееся после 24 февра-

ля на ладони (для понимающего), но лирический мир обогащён этим, а не стиснут в рамки. Всё это не документальная поэзия в привычном виде — но и она, конечно, тоже. История без прикрас, работающая с диалектикой мифа — но и показывающая путь работы с реальным страданием, его перевоплощения.

Возможно, главный для поэта путь.

21 марта 2022

Куда сосед запропастился?

Написал странное мистическое стихотворение в комнате умершего соседа — о нём же — в большом съёмном доме, в комнате его, куда меня переселили после его смерти (но умер он не там); большую комнату, где я жил с 2018 года, заперли, так как в ней теперь проводятся мастер-классы. В той мне тоже хорошо, менее просторно, простор расхолаживает внутренние пространства, умеренная теснота скорее создаёт необходимость возделывания какой-то почвы. Сосед приходил на несколько часов по будням крутить пластинки, арендовал помещение, как и я; мне скорее мешал (у Дозморова было стихотворение на эту тему о мешавшем соседе: «Куда сосед запропастился / И почему тех звуков нет?»). Пришлось в одном недавнем разговоре добавлять смехоциничное «мне мешал, но умер он не поэтом» ввиду неизбежно возникающих ассоциаций. Сосед был большой, брутальный, под 50, я ничего о нём не знал; я, вероятно, производил впечатление хлипкого интеллигента и блажного интроверта, выныривающего на время из своей странной комнаты. Я выходил на общую кухню, потом вновь возвращался в блажную странность. Иногда он раздражался, когда на первом этаже на кухне я слишком забивал холодильник продуктами; во время первого знакомства я вышел и раздражённо попросил делать пластинки потише, с тех пор он иногда вежливо спрашивал, не громко ли (я оценил), потом перестал. Максимум здоровались, его ритуальное «как дела?», моё нелепое и угрюмое «нормально». В его комнате теперь всегда слишком жужжит бабочка или муха, есть смутная ассоциация с его присутствием. Вообще с трудом понимаю, почему возник его образ, не слишком важный мне при его жизни. Я радовался,

когда он уходил, — в 22 часа за ним сначала закрывалась на оба замка дверь в комнату, потом — о счастье! — дверь в дом; он уходил — куда? — казалось, что в семью, в надёжность. Один раз постучались в мою комнату и спросили Сашу. Без него оставался один в доме — делал то, что и всегда в нём, читал и творил. Вздыхая от блаженного одиночества, ощущая весь дом своим телом, чувствуя его — дома — скрипящую вечерне-ночную принадлежность себе.

29 сентября 2023

Сигнализация как равнодушие

Сегодня сижу в доме в Вологде, комната окнами в сад. Приехал уединения ради; в садике идёт концерт — несколько раздражает, но не каждый день такое случается; включаю радио (всегда чувствуется в этом «наш ответ») и занимаюсь расшифровкой в это время, пишу письма.

Читаю великолепные книги Чуприна про Оттепель (просто необходимые уроки прошлого с очевидной-неочевидной проекцией на настоящее); «Фабрику прозы» Драгунского (неожиданно втянулся, неглубокий, но обаятельный мыслитель, есть потребность сверять каждую его мысль со своей); статьи Бенедикта Сарнова (который у Чуприна в энциклопедии выведен анекдотчиком, но его психология творчества нешуточно будит самосознание). Вообще, выходные прошли сверхосмысленно — составил вопросы для двух интервью, отредактировал своё большое интервью о «Полёте разборов» и литучёбе в двух частях (такое устное и разговорное, что просто кайф); написал текст про метареализм для опроса одного журнала (неожиданно самому понравилось, что написал); составил подборку Даниила Артёменко для «Прочтения» — маленькая редакторская победа — и даже родил предисловие к этим стихам, которое долго не давалось (из-за сложности с вёрсткой, из-за сложности стихов, из-за неясной судьбы «Прочтения» после отпуска — но вот написали, что вроде выходят и «„Опыты“ присылай, конечно»). Есть чувство какой-то необходимости убыстрения. Деятельная депрессия? «Вопрекизм» по отношению к обстоятельствам, побуждающим к апатии? Лож-

ная проекция на прошлогодний апокалипсис, который не обязательно повторится (то есть повторится, конечно, но по-другому и не обязательно в это время)?

Вчера вечером вышел в этот сад впервые за долгие годы жителя здесь, посидел на вечернем воздухе. Впервые увидел снизу свою комнату с задёрнутыми шторами (задёргиваю их как раз в раздражении, чтобы «спастись» от этих концертов в саду, немного дистанцироваться от них. И всё время казалось, что внизу видят это шевеление штор и посмеиваются, ну прямо подпольный человек). Оказалось, комната находится довольно высоко — а на фоне громких звуков чьё-то присутствие в этой комнате тем более не ощущается, и на шторы явно всем пофиг. Подумалось, что в этом взгляде из низины есть что-то от человека, смотрящего снизу на Бога, а тот раздражённо задёргивает шторы от человечества. В некотором бессилии от его, человечества, суеты.

...и почти сразу же заорала сигнализация, словно потревожил тайные силы дома. Пришлось ночью звонить хозяйке в полном ощущении, что такая нелепость может случиться только со мной. Довольно быстро, кстати, привык к ней и понял, что смогу в принципе жить с этими звуками. Параллель с воздушной тревогой самоочевидна и цинична, но не может не возникнуть.

...а с чем из случившегося со мной хотя бы за последний месяц не могу жить, где пределы человеческой адаптивности, — вечный и безответный вопрос. И сигнализация — не худшее из этого. Она, по крайней мере, к твоему существованию безразлична и о чём-то повествует.

20 сентября 2023

Энциклопедия жизни

День начался с того, что не узнал по телефону Александра Лаврина, замечательного мемуариста, автора поэтической «Энциклопедии смерти» и в прошлом литературного секретаря Арсения Тарковского; отреагировал на звонок с незнакомого номера настороженно. Притом по глупости своей считал его давно умершим, такие нелепые казусы судьбы, воспринял звонок в полусне и был несколько секунд уверен, что меня разыгрывают, а потом —

что человеку нужна какая-то помощь, связанная с его книгой. Когда-то так не узнал по телефону Юнну Мориц, обменявшись с ней раздражёнными репликами (она не поняла, кто перезванивает в ответ на её звонок, а в 12 ночи прислала ко мне своего мужа с требованием доставить письмо). Крайне сложно принять в наше время, что человеку хочется просто поговорить и поделиться своими замыслами, даже и пожилому. По совпадению, последние дни Тарковский окружает меня просто бесконечно — поделился с А. Л. известиями о книге одного из учеников А. Т., Александра Радковского (воспоминания, мной на днях прочитанные), и тут же узнал, что именно А. Р. познакомил его с А. Т.

Принял под конец разговора пожелание «не терять заблуждения»; сразу же одновременно и понравилась цитата, и показалась неверным воспроизведением известных слов Николая Пунина, сказанных Ахматовой, когда его уводили. И правда, оказалось, так запомнилось моему собеседнику, но Ахматова желала Тарковскому «не терять отчаяния, только мёртвым не больно» — давно любимые мной слова, — по словам А. Л., всё же не ссылаясь на первоисточник, а может, чьи-то проказы памяти. Но видоизменённый вариант пожелания пришёлся по душе больше. Ощущение классического рукопожатия с двух сторон.

Одиночество писателя в наши дни огромно. «Нас осталось так мало, что мы должны друг друга любить и хвалить», — как говорила та же Ахматова Тарковскому, перезвонив после их ссоры. «Тебя так мало, что тебя надо любить и хвалить», — полушутливо перефразировала как-то подруга в личном письме после расставания.

29 октября 2024

Голубь как биение поэзии

Живу неделю в квартире один, с голубем и котом; читаю «Новый мир» и «Дружбу народов» за ноутбуком, напротив скрежещущей клетки с голубем, по совпадению носящим моё имя. Пугливый кот прячется под диваном от любых шагов, так его и не вижу всю неделю. Голубь более активен — явно хочет, чтобы его выпустили. Слежу за зерном и водой (когда не забываю), но не выпускаю —

слишком много хлопот с обратным запуском в клетку, плюс возможный неприятный след на мне. (Хозяева вчера приезжали на один вечер, голубь налетался и потом долго сидел у меня на плече со всеми сопутствующими последствиями. Я даже шутканул, что голубь теперь — полноправный член литпроцесса: Кутенкова в нём обосрала все, не грех и присоединиться.)

Если серьёзно — живое биение жизни напротив меня, живой скрежет существования из иного мира и ворчащее слежение за мной. Чувствую голубя осязаемым свидетелем своего быта. Наглядное сопоставление творчества (которое тоже бьётся внутри моей грудной клетки и никак не может выйти наружу; настраиваюсь на стихи) — и антропологического воплощения, заключённого в клетке и не находящего выхода. Так и моё воплощение, моё прекращение скрежета зависит от чего-то Высшего, а я скрежещу в пределах своей клетки.

Просить не буду: пусть клетка откроется, когда это станет необходимым. Но внутренний скрежет стихов — не молитва ли?

...Пожалуй, выпущу, пересилив себя. Возможно, и меня кто-то выпустит взамен. И я оставлю свой след на ком-то, соприкоснусь с миром в кратком предпрощальном объятии свободы.

Upd: Выбежал кот. Очень внезапно, в 6 утра, когда я читал книгу Константина Матросова о стихах (на рассуждениях об убийстве в контексте стихотворения Бродского). Очень внимательно посмотрел на меня-незнакомца несколько секунд, грустными и трагическими глазами, не отозвался на моё весёлое помахивание и ушмыгнул обратно в небытие. Я так и не смог найти его ни под одним из диванов.

Жду следующей встречи.

11 января 2024

Разговор с иной сущностью

Прочитал тут у Михаила Эпштейна в его замечательных «Кульминациях» о том, что опыт совместной жизни с собакой (смайлик: не в смысле зоофилии) приближает к Богу, к самоощущению Третьего, — каким ты сам являешься для животного, не пони-

мающего твоих дел; и это помогает внутренней сверке с Богом, который точно так же взирает на неразумного человека, как ты на животное.

Думаю также, что опыт сосуществования с животным (так уж получилось, что впервые в жизни переживаю экзистенциальный опыт длительного пребывания с котом и наблюдения за ним) — отличная фаза самоумаления и ощущения собственного ничтожества. Самоумаление, помогающее правильному направлению стрелок, — обратное излишнему превознесению себя, в котором ты пребываешь в иную пору своей жизни. Кота, в отличие от тебя, любят за то, что он есть; о нём маниакально беспокоятся; он хозяин пространства, а не ты, — вся твоя суета, вся ложная значимость отступают на фоне его бестолкового, ленивого и, на человеческий взгляд, внелогичного существования. (Написав это, подумал, что тут же получу реакцию типа «а коту твоё существование кажется бестолковым», — написал это другу и ровно такую реакцию получил. Смайлик номер два.) Ему, наконец, принадлежит весь мир в пределах отмеренной квартиры — я не способен с подобной свободой переменить такое количество пространств за короткий период (стул, шкаф, пространство под столом и т. д. и т. п.), что заставляет задуматься вообще об иллюзии нашей мнимой «огромности» мира. И везде он побывал, ничего не нарушив и ученически освоив, бережно изучив пространство — на верное, самое мудрое, с чем можно подойти к миру.

Это, конечно, ещё и опыт родительства и прививка сентиментальной нежности — но и опыт мистического диалога с экзистенциальным, с иной сущностью, с тем, что описано в стихотворении Рубцова про лошадь: «Мы были две живых души, / но неспособных к разговору». В конечном счёте — опыт привыкания и плодотворного разговора с Высшим, которое характерно уж тем, что всё понимает и не может тебе ответить. А значит (в случае удачи), хоть немного, но поэтический опыт.

14 мая 2024

Репетиция небытия

Думается, каждое лишение съёмной квартиры, в которой ты успел написать множество хороших стихов и которую успел полюбить; каждый переворот, связанный с лишением человека, без которого не представлял своей жизни, — есть медленная подготовка тебя судьбой к чему-то неизбежному вроде небытия. Мудрое, поэтапное подстилание соломки за тебя; шлифовка тебя смертью, чтобы ты мог обходиться без того, что казалось необходимым, — и чувствовать, что мир не рухнул. В этом всегда чувствуется что-то большее, чем просто вывод тебя из инерции или пресловутое сбрасывание кожи (как будто и без этих макропотрясений мало микроперемен в судьбе, способствующих таким выводам и сбрасываниям; а на 2023-й их в моей жизни пришлось столько, что впору сказать словами Слуцкого: «Господи, больше не нужно, / Господи, хватит с меня. /хлопотно и недужно / День ото дня. / Если Ты предупреждаешь — / Я уже предупреждён. / Если ты угрожаешь — / Я испугался уже»).

И всё же каждое такое потрясение, не убивающее тебя, не просто делает сильнее, не совсем так. С этим бы я как раз поспорил: какая-то часть твоей души отмирает, и укрепляется общее чувство нестабильности мира, того, что в принципе из-под ног может уйти абсолютно любая его часть. Так и ходишь, готовя себя к тому, что абсолютно ничто не вечно. Конкретизируя это чувство до размеров вон того леса или вон той квартиры. Так и слышишь голос судьбы, говорящий, что это ещё цветочки, — но цветочки, необходимые для большого поля. Но это ощущение невечности абсолютно всего если и плодотворно, то в гомеопатических дозах, — глобальной личной катастрофы 2017 года мне хватило настолько, что до сих пор она вполне питает и меня, и стихи, — разрушая при этом, что абсолютно не противоречит. Разрушая и вновь созидая. Ответвления от неё прорастают в моей душе, и не видно им предела. И какие-то другие потрясения по отношению к ней — некоторый избыток, оберегающий, возможно, от внутреннего застоя, но хочется крикнуть: хватит, хватит уже этого своеобразного оберегания через насилие.

В этом есть заглядывание в чёрную дыру небытия; ощупывание его краёв, движение вдоль кромки воды с малым — да, всё

ещё малым — ощупыванием её температуры. Репетиция, освоение его, небытия, территории — с тем, чтобы потом быть утянутым в его воронку было не так боязно.

Впрочем, ситуативной горечи (которая не оправдывается никакими побочными эффектами вроде прощупывания этого небытия или стихов как сего процесса неизбежного следствия), боли, ощущения, что вот эта часть мира, которая могла бы с успехом продолжаться и плодоносить, навсегда и безвозвратно стала историей, — всё сказанное не отменяет.

19 декабря 2023

С мёртвыми-то легче, Борис?

Два кратких и общих впечатления от совершенно разных литмероприятий.

Посвящённый поэту мемориальный вечер, где чередуются выступления литературоведов и воспоминания о нём лично знавших, получился предельно диссонансным. Литературоведы — умные, глубокие, чуткие — вещают как с филологической кафедры, что создаёт странное ощущение несоответствия и даже «сюра» у присутствующих в зале друзей покойного. Они чувствуют себя изучаемыми; сетуют на то, что их и покойного быт и творчество анализируют чрезмерно отстранённо, «как доисторических животных». Время, которое они делили с покойным, ещё не до конца отдалилось. Но для литературоведов это уже — литературный быт, «как времена Веспасиана», по Ахматовой. Некоторые из знавших покойного обидчиво призывают «приблизиться к первоисточнику», то есть к ним, но не дают хлебнуть воды из своего родника, чувствуя себя «не в том» формате. Всё это создаёт некое глупое положение, в котором оказались «не знавшие» лично человека литературоведы. Всё это усугубляется «приватизацией» со стороны тех, кто взял на себя заботу о творчестве, их нежеланием делиться и даже запретом сканировать книгу поэта — отсюда чувство, что и критики обходились только доступной частью материала и, стало быть, недоработали.

Путанные же (неизбежно) и эмоциональные (неизбежно) воспоминания знавших оказываются выше в этой ситуативной ие-

рархии. Именно они, простоватые друзья покойного, — носители сакрального знания, а не высокообразованные изучатели текстов. (Эта смещённая иерархия напоминает странную и невыраженную борьбу, которая, может, и не особо чувствуется на уровне вечера, но внимательному взгляду заметна.) Но что делать с этим диссонансом — непонятно. Превращать вечер в воспоминания-поминки и совсем лишать его литературной рефлексии — нелепо. Превращать в конференцию — это более понятно с точки зрения формата, но может грозить тем, что обратно формуле Шкловского: «Пишем для человека, а не для соседнего учёного». Иными словами, узаконенным наукообразным душнильством. Повторюсь, это более понятно и культурно обоснованно, но см. выше. Зрителям, как я понял, всё нравится; этой своей рефлексией я мало с кем поделился — а от тех, с кем поделился, слышал, что им всё зашло.

Другой персональный вечер, на котором выступал литератор-умница, оставляет субъективное ощущение неизрасходованности его (умницы) просветительского потенциала. Литератор-умница много знает и способен рассказывать действительно интересное и важное. Литератор-умница актёрствует, слегка юродствует, чуть ли не пляшет перед публикой, не слишком вежливо перехватывает инициативу у ведущей. Подтрунивает над филологическим форматом мероприятия, который, мол, мог быть на этом месте (ну, пародия на терминологизм «засушенных филологов» всегда звучит идиотски, и с этим ничего не поделаешь). Явно очень стесняется быть скучным. Публике это заходит на ура, публики полный зал, публика много смеётся. Тебе грустно, ты чувствуешь себя одиночкой, так как много раз видел, каким может быть литератор-умница в других ситуациях — без этих актёрства и юродства, способным поведать действительно интересное, не так скакать с предмета на предмет. Литератор-умница сам чувствует: что-то не так, и извиняется «за это ужасное словоизвержение».

Одновременно такой вечер, проходящий в *нынешних* условиях, вызывает у тебя облегчение — публика смеётся, хорошо ведь, что люди вообще способны смеяться сегодня, литературная тусовка жива. Многие разъехались, кто-то пребывает в серьёзной депрессии, но ведь «через два на ней цветы и трава, через три она

снова жива»; поляна зарастает новыми людьми, что грустно, но закономерно, как жизнь. Очень радостно, без дураков, на самом деле видеть полный зал — и вот того, и вот того, и вот этого. Парадоксальным образом даже приятно видеть своих литературных оппонентов — ну не уехал же вот тот и этот, жизнь продолжается, всё не так плохо. Кажется, что литература будет существовать в любых обстоятельствах, да это и вправду так. Эта извращённая радость — на самом деле серьёзный минус искажённого времени, в котором более снисходительно относишься к тому, что казалось бы однозначно печальным в мирной ситуации. Думаешь, скажем, не о глумливом мире литтусовки, которому подавай байки, а о целительной способности людей смеяться вопреки. (Вообще-то хорошо бы вовсе не было этого «вопреки»; многого требую? Не думаю.) Кто-то скажет, что вполне можно найти ощущение баланса между этими полюсами — ну да, наверное, но что-то не получается.

Подумалось, что при виде сегодняшней России вообще приходит сравнение с другом, который находится в тяжёлой депрессии: раньше задалбывали его шутки, а сегодня их остро не хватает, особенно ценишь проблески жизни, её присутствие. «Он мне спать не давал, он с восходом вставал...»

В общем, брюзгливый получился пост. Ну чего рефлексировать над первым? Вспомнили поэта со всех сторон — и литературный анализ, и воспоминания, хорошо же. Ну а чего брюзжать над вторым? Посмеялись, послушали байки, не превратили мероприятие в душнильскую конференцию. В общем, для недовольства нет поводов. Экий вы странный человек, Борис, право слово.

Р. S. Перечитал этот пост о литвечерах, поймал себя на (не?) примиримых противоречиях, которые вроде бы гладко уживаются внутри одного мировоззрения, но и конфликтуют. Успокоился, вспомнив слова Валерия Шубинского: «Я смотрю на любую ситуацию с пяти сторон». Как-то давно поэт и литератор N, любящий повоспитывать молодёжь (сам человек с ого-го каким двойным и тройным дном), поймал меня за рукав в ЦДЛ и сказал: «Я всегда говорю всем: Борис Кутенков — человек высоких двойных стандартов». Тогда же он, поглядев на меня с сочувственной ехидцей, спросил: «С мёртвыми-то легче, чем с живыми?» И на этой по-

следней фразе я понял о себе больше, чем когда-либо. Больше, чем от многих подробных и деловитых рецензий на мои книги.

3 октября 2023

Светлые странности

В чужих странностях иногда видишь парадоксальное отражение собственных. Коллега (не страдающий изъятиями внешности, но загоняющийся на этой почве) потребовал убрать вполне приличную его фотографию из материала, другие фото на замену не подошли, пришлось оставлять «зияние» в публикации, тогда как все остальные упоминаемые — с фотографиями. Когда я посетовал на это странное зияние, коллега, по ощущениям, был удовлетворён, так как увидел в этом собственную странность и непохожесть на фоне остальных.

Я повздыхал — но подумал, что жить 19 дней без интернета и смартфона, копировать перед этим письма на флешку и отвечать на них вне соцсетей (иногда приходя в копицентр ответить на письма в собственной почте и пугая этим сотрудников) — в этом есть странность не меньшая. В таком положении дел есть акт духовной аскезы, но и некоторое сладко чешущее душу ощущение своего одиночества в мире. Часто это одиночество происходит из объективного положения дел — и трансформируется в индивидуальный невротизм, нередко плодотворный для мира; обращаемый, скажем, не в алкоголизм, а в «светлую» странность, зачастую трудоголического свойства.

22 декабря 2023

Невротическая гигиена

Снова скопировал в безынтернетный ноутбук письма подруги, которая чуть ли не ежедневно что-то присылает в соцсетях, а я не успеваю отвечать в потоке дел. Выбрал день, отрешившись от соцсетей и написав страниц 50 (больше из чувства внутренней обязательности, чем искреннего желания). Не ответить хоть через месяц-полтора — в этом есть стыдная уступка обстоятельствам,

собственной жизни, ведь было время, когда я успевал всё на свете. Но и тогда гипербязательность была болезненной — и идёт она откуда-то из детства, из лакинского мальчика, который воодушевлённо собрал для всех «праздник на лужайке», дети же забили на приглашение и убежали играть в футбол (и сейчас этот случай — «тебе, Боря, всегда нужнее всех» — отзывается в памяти ощущением собственного идиотизма, особенно в моменты провальных культуртрегерских акций или острого понимания, что человек уже забыл про свой интерес, растёр и выплюнул, но ты не можешь забыть про своё обещание).

В моей гипербязательности по отношению к корреспонденции есть какой-то принцип внутренней гигиены — ну, примерно как чистота квартиры, притом что убираться я не умею и, когда живу один, квартиру оставляю, как правило, не слишком чистой. Так что включается некий компенсаторный механизм, сводящийся к цветаевскому «пусть в жизни сорно — в тетради чисто».

В то же время в этой «чистоте» есть что-то невротическое, напоминающее о Блоке, про которого Чуковский писал, что ему были свойственны немецкий педантизм в стремлении отвечать на все письма и какой-то порядок мертвеца в делах. Жизнь, конечно же, выкидывает забавные штуки — и когда (редко, но всё же) перфекционист косячит сам от переизбытка дел и зарабатывает в чужих глазах репутацию прое...листа, это опыт комичный, поучительный и болезненный. Как щелчок по носу, ибо ругаешь за то же самое всех на свете.

23 декабря 2023

Навязчивость к бытию

Начал (ещё в мае) делать книгу замечательного Алексея Ильичёва (1970–1995) для нашей мемориальной серии; «прошёл» с паузами два этапа: первый — составление книги, второй — сверка текстов, просмотрел около 1000 страниц рукописей. Чтобы приступить к третьему этапу — «раздвоенному» (позвонить двум людям, которые могут что-то знать, и съездить в Питер, пофоткать его прижизненные книги), воистину нужно какое-то сверхусилие.

Отодрать себя от «основных» дел, коих миллион (и которые

реально нужны — отзывы людям об их стихах, «Полёты», etc.), и приступить к «новому» этапу после паузы — сложнее всего, ибо именно это занятие не требует никаких дедлайнов, никто не то-ропит и никто в мире не расстроится, если оно не совершится. С коллегами и так параллельно работаем над двумя другими кни-гами и занимаемся презентациями, так что эта работа полностью в моей компетенции.

И основная сложность преодоления — полное литературное одиночество этой работы: отсутствие сроков, отсутствие людей, которым книга ощутимо необходима (в отличие от абсолютно всего остального). А потом книги приедут на балкон на грузовике, будут медленно распространяться, раздариваться на презента-циях тем, кто знать не знает об этом поэте. Дело, отчётливо про-низанное навязчивостью по отношению к миру, бытию. По сути, основная мотивация продолжать работу — это некий идиотский идеализм; и порой над мотивацией вообще задумываться бес-смысленно и вредно, придумывать рациональные аргументы, ибо это может убить весь замысел. Вторая слабая мотивация — будущие свидетельства от тех, кто ещё не знает, что им эта кни-га нужна и что она перевернёт их душу: мир не перевернёт и не остановит войны, но да, отдельную душу изменить в состоянии. Случайно встреченные сканы страниц и посты в телеграме... Или такие вот «вылезшие» на поверхность непредсказуемые момен-ты, как случайное создание группы Гоши Буренина на 17 подпис-чиков случайными людьми. Больше силы самоубеждения, госпо-да, меньше взгляда в лицо реальности.

Когда-нибудь эти две идеалистические мотивации оставят меня и полностью уйдут. Наверное, тогда стану умнее. Но пока нужно просто забыть обо всём логическом и рациональном, слег-ка изнасиловать себя и взяться за третий этап работы.

И, боже мой, всё равно сделаю и навяжу. Преодолею. За-чем-то.

22 сентября 2024

Литпроцесс без полумер

Всё отчётливее предательское чувство, что слишком тереблю мир своими идеями, проектами, взбаламучиваю, создаю темы для разговоров. Что мир бы без всего этого прекрасно обошёлся. Что слишком затрагиваю его своим настойчивым существованием. Дёргаю вот сейчас людей с опросом памяти Сергея Слепухина, влипаю в разные ситуации, тревожу память о покойном. Нарушаю закон, данный мне мудрым учителем: «Никогда не делай и не говори ничего, если тебя об этом не просят».

Но это чувство навязчивости — ложное. С ним надо бороться. Но преодоление происходит само собой. Когда приезжаешь на провинциальные фестивали и видишь благодарную публику, которая всё читала и за всем следила, крепнет ощущение ложности этого чувства. Но и оно — в своём роде иллюзия. Так рождается мудрость жизни: на контрасте между отчаянием — и знаками, посылаемыми как преодоление этого отчаяния; с необходимым — вновь — впадением в это отчаяние и преодолением его собственным усилием; как равновесие между жизнью и смертью. Так и катаюсь от фестиваля к фестивалю, от жизни — к смерти, со дна — к поверхности иллюзии, воспаряя и падая. Полумер нам не нужно.

22 сентября 2023

Работая над мемориальной книгой

Из некоторых итогов дня: работали над фотовкладками к готовящейся сольной книге Леонида Шевченко (1972–2002) «Забвению в лицо». Редко рассказываю об этой деятельности, а ведь она достойна полноценного дневникового описания (на которое, увы, нет ресурсов). Мои святые коллеги с таким вниманием и готовностью впряглись в процесс выбора фото и подписей, работали над каждой запятой, над каждой датой к фотографии, что в очередной раз понял: мне крупно повезло.

Сделали фотовкладку, отослали, есть чувство какого-то лёгкого опустошения, что сейчас, в выходные, доделаю и отпущу этого ребёнка на волю... а скоро и третий том, так привыкли

над ним работать, что, кажется, никогда не сдадим. Кажется, что кое-кто из коллег затягивает процесс, так как ему не хочется отпустить этого ребёнка. А мне? И ужасно досадно, что всё так долго тянется, и... тоже не хочется. Процесс самодостаточен. Тем более что он сопровождается вживанием в личность поэта, полноценным обсуждением его, от внешних признаков до биографически родственной маргинальности, и шутками, органичность и лёгкость которых непередаваема.

Так здорово всё это, что хочется переписываться со своими хейтерами, любить их, распространять на них свою любовь к миру и нашим книгам. Тем более один постоянный мой фейсбучный хейтер разбередил это противоречивое желание, так восторженно прокомментировав под чужим постом один материал (конечно, проигнорировав, что его сделал я, но всё же), что подумалось вновь: люди самостоятельно возводят барьеры, не зная о возможной общности. Духовной. Возможно, крупной.

2 июля 2022

Джедай с лопатой света

Пишу очередной обзор литпериодики — уже седьмой год, непонятно, кому, зачем, — который несколько человек лайкнул и непонятно кто прочитает и перейдёт (ли) по ссылкам. Ну да, небольшой гонорар стимулирует, но понимаю, что в целом всё сводится к этому стихотворению Анны Русс.

Мог бы, кстати, включить его в свою книгу «25 писем о русской поэзии» вместо другого текста Русс...

Дворник

Старожилы не помнят снежной такой зимы
Спрашивается, при чём тут мы
Из подсобок извлекаются лопаты, скребки, ломы

Понимая, что нет глубины, а лишь высота у его паденья
Дворник Андрей Платонов озирает свои владения
И всё же думает: «Где я?»

Дома его держат за идиота
Не понимают, зачем ему такая работа
Результат которой — не удовольствие от процесса, не
Деньги, а лишь мозоли и ломота в спине

Два часа ежедневно он очищает от снега маленький пяточок,
Получая за это едва ли не пяточок
Наутро снег выпадает снова

Хреново

Но выполнимо
В отличие от иного, которое кажется мнимо:
Бесконечное выяснение отношений
Работа, не предполагающая повышений
Родители, не подумавшие о благополучии
многочисленного потомства

В девяностые
Когда это было относительно просто
Долгая зима, не обещающее отдыха лето —
Всё это не то, о чем должен думать джедай с Лопатою Света
«В эти размышляет часы он о чём неизвестно это»

Благословен, кто может каждый день заканчивать дело
Это награда для Зрячего, не видящего Предела
Только не спрашивайте, почему он снег убирает почти бесплатно
Это и так понятно

Он убирает снег, чтобы снег был убран
Не важно, что он увидит, вернувшись утром
Главное — что он созерцает вечером перед тем, как идти домой
И поживать во дни Шестой и Седьмой

29 октября 2024

Ощущая внутренний конфликт между усталостью от одного занятия (в данном случае обзор периодики, который пишу два дня, отвлекаясь на всё), рутинизацией этого дела (7 лет на одном сайте — не шутка, а сколько на других...) — и пониманием необходимости. Не просто литературной необходимости (мол, нельзя же читателя оставить без него), хотя и это тоже, — а зарубок постоянства в рушащемся мире. Постоянно думаю бросить и не могу бросить: вопрос гонорара на самом деле малозначим, он, этот гонорар, невелик. Но если бы какая-то ситуация привела к крушению этого постоянства — я бы, однозначно, сильно расстроился.

Самое интересное, что с «Полётом разборов» этого не возникает на протяжении всех девяти лет, этот процесс неизменно вдохновляющ и нов — возможно, именно в силу постоянной коммуникативности процесса. А вот новая мемориальная книга уже делается с трудом и подпिनыванием, нужна какая-то серьёзная мотивация, чтобы закончить её. Вроде как очень много сделано на этом поприще — и это сделанное не охватывает «территории» читательского интереса (всегда предполагаемой на самом деле; она всегда больше, чем кажется, а нас удручает лишь иллюзия отсутствия — в силу отсутствия статистики). Но Людмила Вязмитинова не зря мигрировала из критики в педагогическую деятельность — и именно такая миграция объяснима, а не наоборот, и она происходит у многих. Почему — думаю, не нуждается в пояснениях.

Девять лет назад было оголтелое время новых форматов, придумок, безумных идей. С тех пор — спокойная и здравая рутинизация. Отметки на бытии, те самые зарубки постоянства. Вечный неразрешимый конфликт между «к читателю» — и «как на необитаемом острове», сжав зубы и не думая ни о каких подпитках процесса. Со стихами это отчего-то получается лучше, чем со всем остальным, там вопрос рутины и вопрос непереносимости диалога вообще отпадают — видимо, в силу какой-то априорной невозможности их, стихов, полного понимания, неверия в это. И при этом неверие полностью компенсируется странностью и парадоксальностью самого процесса, его почти онанистической самодостаточности, которой это неверие полностью ком-

пенсируется.

И, возможно, эта самодостаточность, кажущаяся монологичность, — сама по себе полноценный диалог: разом с культурой и иллюзией. С иллюзией — то бишь сладким и несбыточным представлением о прочитавшем собеседнике. Оно, это представление, на самом деле очень двигает процесс. С культурой — в силу внутренних переключек образных рядов, существования стихотворения сразу внутри всего контекста: прошлого и будущего, современности и вневременности, объёмности движения во все стороны света.

30 сентября 2023

Стихи напишут за меня

Подруга рассказала в письме про собственную мать, которая раньше писала стихи, а после пятидесяти спокойно смирилась с утратой творчества и на вопрос о возвращении к нему отвечает цитатой из Вознесенского: «Две тысячи семьсот семнадцать поэтов нашей федерации стихи напишут за меня...» Ответил, что мне сложно понять, как можно смириться с этой утратой; но это если смотреть изнутри себя, а если отстраниться от себя — то думаю, что есть мудрость в таком переключении и спокойствии по этому поводу, в том, чтобы не хвататься за единственное предназначение. Для себя же я не вижу такое переключение естественным и даже страшусь этого, но кто знает, как жизнь повернётся. Главное, чтобы стало интересным что-то другое, а не перестала интересоваться жизнь в принципе, как моей пьющей коллеге ныне.

И эти строки Вознесенского мне всегда нравились больше других всех его стихов — на мой взгляд, неоправданно вычурных и фальшивых: в ней слышатся мудрость и горестное отчаяние, что-то из серии депрессивного реализма и утраты иллюзий. Но в то же время заметно в ней и что-то очень ситуативное, не приходящее иррациональной и внелогичной правде поэта, который как раз никогда не допустит, чтобы за него написали «две тысячи семьсот семнадцать...» Хотя в смысле логики бытовой и антипоэтической — кто же поспорит, что так и есть.

Написал всё это — и подумал, что интересно, как повернулось

у меня мироощущение в этом смысле. Я, кажется, научился отстраняться от себя — лет пять назад мне бы сама мысль об «утра-те единственного предназначения» казалась дикой, а сейчас как будто допускаю любую трансформацию внутри себя. Но не стоит обманываться, что это продиктовано банальным «духовным ростом» или ещё чем-то абстрактным. Тут и подломивший мою веру в себя разговор двухлетней давности (ах, лучше бы не было ни разговора, ни собеседника; некоторые так разрушают тебя, что от этого не можешь полностью оправиться всю жизнь); и общее чувство нестабильности мира, в котором из-под ног ушло столько — что, в принципе, уйти может абсолютно всё, даже свя-тая вера в предназначение.

23 декабря 2023

Коронавирус как эвфемизм

Посмотрел одну милую свежую youtube-передачу, ссылку на ко-торую мне прислали: разговор об антологии «коронавирусных» стихов. Попало в антологию и моё стихотворение, о публикации которого меня ранее попросили. Ведущие по-доброму и уважи-тельно прокомментировали мой текст; кстати, не лучший — март 2020-го, одна из первых моих беспомощных попыток встроиться в эти реалии и что-то сказать на эту тему.

Разговор в передаче о моём стихотворении в основном свёл-ся к теме «спасения близких», метафорической плотности и тому, как много я делаю для литературного процесса. Правда, заме-чание ведущего про то, что моя метафора «безвирусный въезд» связана с «безвизовым въездом», мне было интересно, потому что не вполне очевидно; такие наблюдения я люблю, так как они приоткрывают колеблющиеся оттенки смысла — и именно они помогают познавать себя через собственную же интуитивную речь.

Кроме моих стихов, было прокомментировано ещё много других — на мой вкус, плохих; в основном «на тему», пытающих-ся выразить коронавирусные реалии в наглядных и плоских об-разах.

Что хочется сказать в остальном про передачу?

1. Абсолютно все отвратительные стихи можно прокомментировать красивым штампом «неоромантическое» и этим закрыть тему. Излишняя деликатность при разговоре о стихах ни к чему не ведёт. Конечно, ни к чему не ведёт и хамство, но уважительная милота в оценке того, что явно ниже какого-то эстетического уровня, комична.

2. Сам разговор о пандемии сейчас характерен своей эвфемистичностью; за него, по крайней мере, не прилетит, но он кажется «актуальных» (всё ещё) реалий. Ясно, почему здесь уместны и кавычки, и само слово в них. В то же время очевиден сам механизм замещения, отсутствия разговора о том, за что может прилететь (иные актуальные, уже без кавычек, реалии). Дважды за последнее время подмечаю эту тенденцию коронавирусной неосудительной эвфемистичности. (И в то же время — кто скажет, что эта «тема сисег» для нас закрыта и не нуждается в анализе?)

3. Все подобные антологии (включая гражданские: и военные, и антивоенные) неизбежно показывают конфликт этики с эстетикой. Писание «на тему» (и мой случай это тоже доказывает) способствует проседанию, а затем — что становится ясно впоследствии — и устареванию «тематической» лирики. Такое писание — принципиально иной случай, нежели вхождение тех же реалий — хотя бы и коронавирусных — в метафорический строй стиха, когда они преображены, не так наглядны, не так очевидны в виде именно реалий. Пожалуй, мой «безвирусный въезд» стал попыткой приблизиться к чему-то подобному — но на уровне частной метафоры. Стихотворение же в целом не получилось, ибо была задача, но не было состояния.

4. Всё равно спасибо ведущим, что пригласили в антологию и прокомментировали. Пусть в этом не чувствовалось искренней эстетической заинтересованности (её отсутствия не скроешь), мне было приятно; и разговор, наконец, помог мне сформулировать эти замечания. Кажется, что сами подобные сигналы посылаются в минуты отчаяния и всё-таки позволяют свидетельствовать о собственной бессмысленности. О том, что где-то читают, выбирают и комментят. «Чувствовать себя сущим», как

в подобных случаях говорит писатель Елена Черникова (хочется пошутить, что с одной «с»).

29 января 2024

Урок русского по Донцовой

Не знаю, к чему я это вообще со своими стенаниями. Лучше расскажу о своём опыте репетиторства и о том, как занимался с девочкой из Киргизии по книге Дарьи Донцовой. Людям нравится эту историю слушать. Наверное, больше, чем мои возвышенные лайфхаки и старческие предостережения по поводу литпроцесса.

Ну что, читатели теперь просят снова исполнить этот «хит» (Николай Терницкий даже назвал «пастой» — ну, не то чтоб история прям гуляла по интернету, но определённые отклики на неё нашёл), не отделаться. Помню, первый пост с этой историей лайкнул Гандлевский, и это был первый лайк мне от него.

Приехал я как-то на репетиторство к девятилетней ученице домой; зная её возраст, ожидал, что на первом занятии будем заниматься по учебнику для третьего класса. Оказалось, мне нужно было готовить её к поступлению в школу, куда её не берут из-за плохого знания русского языка. Ничего не привёз с собой. И, когда я попросил принести хоть одну книгу, поставил родителей в затруднительное положение — в доме оказалась всего одна, и та Донцовой (с выдранными страницами); родители работают, читать с ребёнком некогда. Боюсь предположить, что в доме делили с этой книгой. Вспоминаю, в какой оказался растерянности, оказавшись без учебника, — и мама или сестра, не помню, кто из них, заговорщицки сказала: «Щас я что-то придумаю» — и вынесла мне этот хит будущей «пасты».

Так, по Донцовой, и читали за неимением лучшего. На следующее занятие, кроме учебника, привёз сказки Андерсена и рассказы Сетона-Томпсона.

Сложнее всего было объяснить ребёнку категорию рода, которая в принципе отсутствует в тюркских языках (в данном случае — киргизском).

Дана Курская, узнав название детектива, сразу сказала, кто убийца.

2014–2023

Марь Иванна как метафизика данности

В известном анекдоте про Марь Иванну, которой диктор по радио советует не вы..ться и слушать свои «Валенки» вместо того, чтобы заказывать вальс Шопена, — вся мудрая метафизика данности. По сути, Марь Иванна в этом анекдоте выступает как некий символ взбалмошности, такое олицетворённое желание стать столбовой дворянкой, осаждённое рукой Бытия в виде Диктора (примерно как в «Сказке о рыбаке и рыбке»). Внеконтекстуальное желание, берущееся словно бы из ниоткуда, из капризного прорыва духа. По сути, очень схоже с поэзией, — вечный вопрос, делают ли подлинную поэзию именно литературоцентристы или дух веет где хочет, прорываясь, и эти прорывы духа как раз более подлинны, чем постоянная сосредоточенность, «функция», миссия, ощущение себя в границах.

«Стояй где вкопан»* — кто это сказал (недавно было у кого-то в стихотворении, и я понял, что это перешло в мой прошлогодний текст)? Блок говорил, что есть вещи, которые поэту знать не обязательно. Хорошо, конечно, всю жизнь пробовать новое. Но не менее важно найти некую золотую середину между собственным желанием новизны — и тем, чтобы, не завязнув в инерции, всю жизнь открывать новое в знакомом (как в тех же «Валенках»), постоянно и невоспроизводимо обновлять территорию знакомого (на самом деле — только иллюзорно, обманчиво знакомого). Как во время далёкой ночной прогулки с другом видишь улицу, соседнюю с твоей и овеванную с детства мистическими ощущениями; внезапно — впервые — видишь её пересечённой с его улицей (до этого и не подозревал о пересечении этих районов — и что улица, которую ты всегда наблюдал с конца, начинается именно здесь), — пустынную, всю в огнях. Но она началась именно здесь, в этой знакомо-незнакомой точке пересечения, — и началась для тебя другой, внове.

Впрочем, эта недостижимость нового как «полноценно нового», а не трансформации знакомого, — конечно, всегда имеет контекстуальную привязку. Которая уже потом, в силу неотменимых

* Строка из стихотворения Макса Батурина.

обстоятельств, получает внутреннюю многословную оправданность. И об этом нельзя забывать.

27 декабря 2023

Странная история

Не даёт покоя одна история — возможно, незначительная и способная показаться совпадением, но всё же.

В 2018-м погиб мой одноклассник; близкими друзьями мы не были, но помню его как светлого и улыбчивого, помню его поддержку, в том числе и в ситуации школьной травли. Узнав о трагедии, я помыслил о какой-то силе если не предвидения, то интуиции, — возможно, в связи с какими-то особыми своими взаимоотношениями со смертью, — так как примерно всю неделю до этого известия неотвязно думал о смерти другой своей одноклассницы, которая давно не заходила в VK. Мысль об этом была совершенно иррациональной, не связанной ни с какими логическими причинами, и я отмахивался от неё как от глупой и бесполезной, но она не давала покоя вновь и вновь. (Примерно такое же «совпадение вокруг и около» было ещё один раз в моей жизни — не в связи со смертью, но тоже с парадоксальным угадыванием ситуации, вплоть до имени человека; и вновь надоедала беспочвенная и неотвязная мысль.)

Буквально через два дня после смерти одноклассника я уезжал в Череповец — и впервые, тоже без всякой мотивации, пошёл до другого метро, не того, что близко к дому. (Зачем я это сделал именно тогда? Вопрос без ответа.) По дороге встретил мать погибшего одноклассника, которую видел дай бог лет двадцать пять назад мельком; с первого взгляда мы узнали друг друга (что странно вообще), обменявшись кивками и сразу установив какой-то диалог — ты знаешь, я знаю, что произошло. О причинах трагедии неудобно было расспрашивать, но, по сути, всё, что я узнал от неё во время той короткой встречи, — что он «постоянно читал твои стихи и говорил, вот, смотри, какие у Бори хорошие стихи». Я даже толком не знал, что он присутствует у меня в какой-то из соцсетей, если честно.

Мы попрощались и не видели друг друга после. Я отправился

в Череповец со слезами и в особом состоянии. А вот чем это всё было — думаю до сих пор.

27 декабря 2023

О пересмотре границ графомании

Вновь сталкиваюсь с диссонансом между письменным восприятием стихов как очень скверных — и другим пониманием их внутри устного восприятия, внутри веры автора в них и особой естественности, которую ощущаешь всем нутром. Всё же границы условной «графомании» очень размыты и требуют постоянного пересмотра. Иерархическое понимание, соизмеримое с условными «границами поэзии», — далеко не единственное. А та современная поэзия, что рождена начитанностью и желанием соответствовать, — куда ниже в моей этической системе координат, чем эта «скверная естественность». Собственно, Цветаева об этом сказала куда лучше в «Искусстве при свете совести».

Ночной собеседник прислал стихи с желанием податься на «Полёт разборов»; стихи не подошли, но я — поскольку было свободное время — понаписал в личном сообщении много всего с их анализом, довольно сердитым и не оставляющим камня на камне. Уже при переписке почувствовалась абсолютная вера собеседника в свои стихи, их внутренняя обусловленность и предельная глубина понимания (но стихи предательским образом этого не проявили и даже исказили, как частенько бывает). Понимание вещества поэзии и себя в ней, отстаивание своей территории, плюс неуничтожительная и достойная самокритика как необманный залог развития. Потом послушал видеозапись с чтением стихов этого автора. И восприятие на слух проявило истинное, что не было заметным при ощущении от написанного: ту же веру собеседника в свои слова и их безусловность существования. Рождённость именно такими и так — то, что гораздо выше некоего встраивания в иерархию и контекст (а это неизбежно придёт позже с большей начитанностью и рассмотренностью), значительно тяги к соответствию.

Но от этого ощущения я решил удерживаться, сознательно оставшись в «иерархических» границах — необусловленного,

«чистого» восприятия. И не написал отзыв для книги по просьбе собеседника. И не напишу — при всей важности пересмотра границ и фиксирования некоторого переворота, который родил во мне этот пересмотр. Не в первый раз уже на самом деле (а вот с кем было очень похожее — тут память отказывает, но вспомнить это важно).

...И ещё понимаю Людмилу Вязмитинову, которая так любила слушать авторов на вечерах, считая это необходимым для понимания их сути, — а я сопротивлялся этому, интровертно избегая тусовок.

23 декабря 2023

Антиахматовец

Говорили с коллегой о поэтической подлинности — где обитает она, в неожиданных прорывах духа, который веет где хочет (см. мой пост про Марь Иванну выше), или же в постоянном литературоцентризме, ощущении себя поэтом, чувстве сверхусилия (легко переходящего в насилие). Я сказал, что собственные стихи давно уже связаны для меня не со спонтанностью вдохновения, а со сверхусилием, необходимостью «специально» загнать себя в это состояние — и в какой-то момент, после многих попыток выдавливания, «стихи свободно потекут». И без этих сверхусилий стихи бы не писались. Возможно, я как раз неподлинный поэт и вовсе не поэт, так как песни в моей голове рождаются совсем по-другому, очень легко, и не требуют записи (но я их и не записываю, ибо они у меня эстетически неполноценны, в отличие от стихов).

Коллега отреагировал довольно неожиданно — сказал, что для него большая часть миссии поэта на земле состоит в том, чтобы не только писать стихи, но и воспитывать будущее поколение поэтов. Поэтому в его внутренней иерархии Ахматова стоит выше Цветаевой. «И в этом же плане ты поэт, каких мало сегодня».

Постараюсь прокомментировать кратко (насколько могу), ибо тут сразу много ответвлений разговора, и каждое из них — на подкаст.

1. Конечно, не соизмеряю себя с ролью «воспитателя» (но многое, если не всё, об этом сказал в другом посте*, где объяснил мою личную невозможность догнать свою репутацию и разные другие сложности в этом смысле). Предпочитаю воспринимать опыт как взаимный.

2. Ахматова, конечно (по воспоминаниям Бродского, Наймана), воспитывала скорее личным примером судьбы и стоицизма. У Бродского в диалогах с Соломоном Волковым есть очень интересное замечание, что её строка «Ты не знаешь, что тебе простили...» была для молодых поэтов чем-то вроде этического камертона. Но сам Бродский её стихи мало ценил, предпочитая Цветаеву, как и Тарковский. Что до учительства, оно тоже сводилось больше к этическому камертону; слова её о молодых поэтах были однообразными до комизма — «у вас нет тайны» и т. д.; не проявляла заинтересованности в чужих стихах, как и Пастернак.

У Цветаевой же есть интереснейшая статья «Поэт-альпинист» о молодом поэте Гронском, очень глубокая; Ахматова бы такую никогда не написала (как сама она признавалась, слаба во всём, кроме стихов). Другое дело, что МЦ загоралась, писала что-то такое, потом разочаровывалась и начинала поносить человека, как того же Гронского.

Я в этом смысле, конечно, абсолютный цветаевец — в том смысле, что легко влюбляюсь в стихи, часто перенося восхищение личностью человека на его тексты (хотя и сопротивляюсь этому в себе), потом могу разочароваться сначала в первом, потом во втором. И, наверное, антиахматовец — это равнодушие к чужим стихам мне не свойственно, как и личностная статуарность. Но её многолетний диалог с Лидией Чуковской представляется мне едва ли не идеальным — в нём много и субординации, и вместе с тем осознанного преодоления этой субординации старшим, и взаимной почтительности.

27 декабря 2023

* См. эссе «О промежуточном статусе в литпроцессе» в настоящем издании.

В попытках определения гениальности

Вспоминаю слова Лидии Гинзбург из «Записных книжек» (80-е годы XX века): «Существуют стихи не то что ниже, а вообще вне стихового уровня. <...> Слова в них — и бытовые, и книжные — никак не трансформированы. Просто словарные слова, с которыми решительно ничего не случилось оттого, что они (по Тынянову) попали в единый и тесный ряд. Нет, всё же случилось — механическая ритмизация не позволяет им с достоинством выполнять своё нормальное коммуникативное назначение». Наряду с этим, по её словам, — «опасность чрезмерно трансформированного слова», которое может слишком оторваться от породившей его предметной реалии и стать произвольным.

Думаю всё же, что никакого «чрезмерно трансформированного слова» не существует, это выдумка литературоведа. Внимательная к «неочевидным» течениям своего времени (например, к Олейникову — «Вкус Анны Андреевны имеет пределом Мандельштама и Пастернака. Она думает, что Олейников — это шутка, что так шутят»; Л. Г. об А. А. А.), умнейшая Лидия Яковлевна пропустила тот же метареализм и советскую андеграундную поэзию: отчасти в силу возраста, отчасти в силу понятных социальных обстоятельств. «Чрезмерно трансформированное слово», замалчиваемое советским официозом, уже в поздние годы её жизни стало легитимным — а критик, оперирующий подобными категориями, уже в 90-е считался закоренелым архаистом. Что не отменяет понятности рассуждений Гинзбург, пусть и укоренённых в своём времени.

Однако «нетрансформированное слово» продолжило расти сорняками, иметь своих поклонников, имеет и сейчас. Оно менее уязвимо — для апологетов такого «слова» всегда найдутся клише вроде «лирической прозрачности», наличия «внятного лирического героя» и «смысла» в противоположность нашей «абракадабре» (определение редактора раскрученного журнала о сегодняшнем одарённом и довольно уже признанном поэте, не ищущем лёгких путей). И вот очередную серую подборку я читаю в 2023-м году в авторитетном толстом журнале; публикует её влюблённый в своё дело подслеповатый архаист, прекрасно разбирающийся в 20-х и 30-х годах, в Серебряном веке, в советской

поэзии; о дальнейшем с ним лучше не разговаривать. (От примеров воздержусь, помня, что такие иллюстрации коварно выполняют противоположную задачу: порицаемые тексты могут понравиться читателю.) И это направление всегда будет легитимно именно по внешним обывательским признакам. Но вещество поэзии — не в нём.

Разумеется, и то и другое — крайности; поэзия (не просто поэзия, но переворачивающая представления) всегда — вне схем. Очевидно, что она водится во второй из гинзбургских категорий, в первой — нет, но истинная ошарашивающая одарённость всегда за пределами. Об этом в 2018-м была написана моя статья «На обочине двух мейнстримов» (статью бы я сейчас переделал, усилил примерами, но пафос её, думаю, оставил бы неизменным). Чаще всего это как раз слово обманчиво нетрансформированное — и обманчиво кажущееся графоманией и попсой; землетрясения и взрывы — внутри того, что внешне канонично.

На другом же краю, той самой «чрезмерности», возможность поэтической удачи более очевидна. В реальности почти никогда нет того механического «совокупления слов», о котором Гинзбург пишет в той же заметке. Но есть обывательский миф о нём («ничего не понять») со стороны читателя — и есть некая средняя рецептура, «представление» со стороны автора, как сделать годный текст на этом уровне метафорической сгущённости. И тут, соответственно, уменьшается возможность «ошарашивающей» удачи, но увеличивается возможность самоочевидной.

Личное смутное определение: гениальность — когда внешние признаки не столь существенны по отношению к целому и только начинают запутывать восприятие и уводить от схем. И, соответственно, непонятно, как сделано.

31 декабря 2023

О двух видах прозрачности

Говорили с другом по телефону о двух видах «прозрачности» стихов. Одна — от бедности художественных средств, даже не самих средств, а состояния, которое к ним не располагает. От невозможности пробраться в доязыковую, дословесную темноту, которая,

как правило, всё же настигнет через какое-то время попыток, неудачных стихов, подступов. Временное отсутствие той темноты — и преодоление немоты, когда кажется, что лишь расписываешь ручку; когда проступает прозрачность не «твоего» свойства, сродни эстетической фальши (которую друг метко подметил в употреблении некоторых имён в моём новом стихотворении). Мнимая прозрачность как невозможность выбраться в подлинную органичную сложность, на простор дыхания.

Другое проявление «прозрачности» — как раз таки помимо воли; всё здесь подчиняется воле стихотворения, которое отбросило привычное, даже привычную «темноту», и задышало иным воздухом. В этом есть радость непредсказуемости. Такие стихи, как правило, сопряжены с вещностью, конкретикой, грубым прозаизмом. Таково моё летнее стихотворение про Сашу Градиву, которое «не моё» — но приросло к моему сердцу и, как видно, многим понравилось. И там есть сложность, но особого свойства; на поверхностном уровне (но лишь поверхностном) проступает один нарратив. Конечно же, чем-то нарушаемый. В этой нарративности — выход за пределы «возможного» для тебя, привычной языковой стихии, сколь угодно интересной в своей наглядной непривычности, — но такой выход из неё сродни радикализму. «Это то, что ты иногда себе позволяешь», — как метко заметила Катя Перченкова про одно давнее стихотворение. Но «позволить» специально не получится — только если решит стихотворение, своевольничая, тебя не спросив (и, как правило, после некоторой не чувствуемой тобой усталости многописания); преодолев границы.

19 декабря 2024

В ереванском полусне

В Ереване снова странным образом приходила проза — в полусне, во время продолжительного мытья головы в парикмахерской. Довольно-таки странное галлюцинативное чувство, которое зафиксировал для себя в последний раз шесть-семь лет назад; ощущение в этом полусне, что проза является быстро, мгновенными кусками, фрагментами; и ясно, что из этого сна её не «вызволить».

Проза совсем странная, очень модернистская, очень языковая (притом на стихи мало похожая); в полусне явно осознаёшь, что это нечто реально крутое, сродни стилистическому перевороту, но одновременно знаешь и то, что записать это совершенно невозможно, — фиксируешь совершенно независимо от себя и именно таким образом. (Находясь при этом в довольно-таки рациональном состоянии — поскольку понимаешь и что в нём находишься, и что при попытке «выдернуть» сознание тут же вернётся в абсолютную рациональность.) Так и получается. «Выдернув» себя (без усилия и через короткий промежуток времени), ощущаю, что от слов и предложений осталась только общая атмосфера, вполне чёткая; слов и предложений же не могу вспомнить и тем более записать. Похоже на осознанные сновидения, но если бы практиковал их.

Вот что это, право, не понимаю, и жаль, что такое не приходит за письменным столом. Стихи так никогда не появлялись, и кажется, что с ними подобное в принципе невозможно.

4 апреля 2024

Тайный чтец

Был в кафе «Ex Libris» на мероприятии с оттенком креативного абсурда под названием «Тайный чтец», где поэты читали стихи друг друга. Ведущая проекта в процессе организации «тайным» образом устраивала среди приглашённых жеребьёвку, в смысл которой входило, что поэт не знал имени своего будущего декламатора. В результате стихи «доставались» совершенно неожиданным людям, в том числе и тем, которым твои тексты не близки, и они сами в этом признавались.

(Подчеркну, что мероприятие считаю правильным и полезным, ибо: креативный формат, знакомство авторов с текстами друг друга и вообще, новая свежая кровушка в инерционные вены литкритики, поскольку каждое прочтение подразумевало хоть какой-то аналитический комментарий.)

Что вынес из этого участия? Напишу об этом в трёх пунктах.

1) Слушать чтение своих стихов другим поэтом — что-то

из области продуктивной насильственной обновляющей практики, ну как полезное горькое лекарство или некий психологический эксперимент над собой в целях самопознания.

Поэт, которому «достались» мои стихи, начал с того, что они ему не близки. (Про «восхищение» тем, как я «гну свою линию, не смотря на то, что они многим не близки», думаю, sluкавил, чтобы сказать хоть что-то хорошее.) Это, разумеется, не в осуждение. Прочитал крайне невыразительно — с неблизкими стихами вряд ли можно иначе. Моя индивидуальная реакция: в какой-то момент просто хотелось броситься на сцену и сказать «остановите это, остановите; верните, верните мне моё чтение». Не знаю, испытал ли кто-то из участников что-то подобное.

2) НО! Неизбежно в чужом исполнении слышишь свои стихи по-иному, воспринимаешь их как будто обострённым слухом. Словно разделяешь ответственность с читающим за его выступление и ничего не можешь с этим поделать. Такие моменты, в отличие от собственной декламации, в которую погружаешься целиком, — момент некоего отстранения от себя. Некого даже полезного бессилия. Даже полезного стыда — разом и за себя, и за собственные просчёты, и за «не ту» декламацию. И в такие минуты понимаешь о себе что-то новое. Я понял. Это новое — совсем не с положительным оттенком. И за это благодарен чтецу и мероприятию.

3) А вот факт уже со стороны меня как читающего. Декламируя чужие стихи, неизбежно погружаешься в них и начинаешь считать своими. Как будто немного преувеличиваешь их достоинства. Хорошо ли это, я не знаю. Просто факт (возможно, только моего восприятия). Много, когда выныриваешь из этого погружения, начинает казаться слабее.

Ну и ещё. Конечно, такое мероприятие должно войти в цикл, и многие выступавшие об этом говорили. Но хотелось бы и примеси анализа (с уклоном в психологию творчества) — скажем, очень интересно было бы делиться впечатлениями и вот так же описывать собственные ощущения, как я сейчас; правда, конеч-

но, обязательны впечатления с двух сторон — чтеца и читаемого. Думаю, это помогло бы нам всем лучше понять себя и друг друга.

29 февраля 2024

Вопреки Дашевскому

Эффект от провинции всегда велик и огромен. (Употребляю это слово в безоценочном смысле: для особо обидчивых могу заметить на «регион».)

Попал в Мордовии на чудесную кухню — уже второй раз. На предыдущей кухне с моей собеседницей мы подхватывали одни и те же цитаты из Лидии Чуковской и Наймана, читали хором наизусть Бориса Рыжего и обнаруживали прочую общность в круге чтения. Это было незабываемо и так опровергало навязшую формулу Григория Дашевского, которую я столько раз повторял и которая казалась мне верной: «Никто не читал того же, что и ты, а если читал, то это вас не сближает». Нет, читали и смотрели то, что и я, и это нас сближало. И, что самое удивительное, — читали меня. Впрочем, уже не привыкать, что в каждом провинциальном городе такое случается. Удивительно скорее то, что мне это всё ещё кажется удивительным.

На этой кухне мы говорили о философии: Розанове, Бердяеве, перемежая разговор именами современных авторов. Моя собеседница, в прошлом педагог-философ, конечно, превосходила меня в знании классической философии, а я её — в знании современности. Но это было настолько хорошо, за виски чесать языками о Бердяеве, Розанове, Гинзбург, что последующее — то, что относилось к совсем не духовного свойства удовольствиям, — как-то не превзошло этот вечер.

Там же попал на презентацию книги безвременно ушедшего поэта, где было человек 60, — и испытал прилив вдохновения, настолько это контрастировало с тем унынием, теми стонами по поводу «ненужности литературы» и «конца света», что окружали меня все предыдущие дни. В маленьком кафе незнакомые люди делились впечатлениями от «Полёта разборов», который они смотрят; от моих интервью, которые они читают. А я-то переживал по поводу отсутствия отклика...

Скоро поеду в Воронеж, Нижний Новгород, Самару — и знаю, что там всё будет похоже, даже на уровне восприятия стихов за-лом. Может, в прошлой жизни я был провинциалом?.. Вспомни-лось, как рассказывала Марина Кудимова: в Тамбове совершенно неизвестные ей люди выходили и декламировали посвящённые ей стихи — причём сочинённые не специально к её приезду, а когда-то, по следам чтения её текстов... Я до такого пока не до-рос. Но мой читатель — явно там.

7 апреля 2022

О классиках и современниках

Сомерсет Моэм как певец демонического

Что я говорил в редакции журнала «Иностранная литература» во время беседы с Александром Ливергантом, посвящённой Уильяму Сомерсету Моэму?

Говорил, что Моэма читаю и перечитываю с восьми лет, его проза вошла в мою плоть и кровь, и поэтому суждения мои поневоле пристрастны.

Говорил, что он для меня прежде всего писатель полемических взаимоотношений между искусством и нравственностью. Что симпатии его — на стороне искусства.

У Моэма всегда есть водянистые добропорядочные герои (часто представленные в образах англичан) — и обаятельные полубезумные эксцентрики (часто, хотя и не всегда, представленные в образах русских). Россию он хорошо знал, любя Чехова, Достоевского, Толстого, будучи шпионом английской разведки в годы Октябрьской революции.

Я приводил в пример стихотворение Ходасевича, где есть строки: «Тут, на горошине земли, / Будь или ангел или демон»; там же — про «маленькую доброту», которую лиригерой ВХ советует «как шляпу, оставлять в прихожей». Так вот, Моэма интересуют «ангелы или демоны», а не скучная «маленькая доброта». Моэм как писатель романтического мифа? Возможно (и, мне кажется, о таком никто ещё не писал), но мифа полемически заострённого.

В моём любимом романе «Незнакомец в Париже» (о котором никто не может поддержать со мной разговор, так как никто или не читал, или не помнит) русская проститутка Лидия — самый «достоевский» персонаж — «искупает грех» своего возлюбленного, осуждённого за убийство. Она же неприлично рыдает во время мессы, воспринимая музыку всем душевным нутром. Ей свойственно первобытное, дикарское, живое понимание искусства, в отличие от её оппозита, милого мальчика Чарли, для которого посещение картинной галереи или концерта — часть жизни, но как бы приличествующая хорошему тону, идущая от воспитания, от традиций, от навязанного, а не от этой дикой душевной органики.

В рассказе «Стирка мистера Гаррингтона» трогательный англичанин, оказавшийся в России в день революционных об-

стрелов, всё-таки идёт за своим бельём в прачечную, вопреки предупреждениям, так как не может иначе: противоположное нарушило бы традицию. Он погибает. Там же Анастасия, бесстрашная и обаятельная русская, срывает с себя трусы и перевязывает ими голову раненого под обстрелами.

Не говоря уже о Стрикленде, герое романа «Луна и грош», в образе которого недвусмысленно представлено это противопоставление «маленькой доброты» — и эксцентрики искусства (здесь она связана с искусством, хотя и не всегда так у Моэма). Подчёркнутое злонравие гения, которое заставляет задуматься «водянистого» героя, а писателя — снова полемически заострить взаимоотношения дикой органики и бытовой порядочности.

Говорил, что, мне кажется, Моэм всё-таки восхищается русскими, хотя Ливергант моё мнение и не разделил. И что это не мешает его трезвости. Восхищается именно нашей притягательной достоевщиной — через иронию.

А ещё — его потрясающая пристрастная мизогиния и сладострастие (ставящее меня как читателя в неловкость) в негативизации женских образов... И неуклюжая безответная любовь как самопожертвование, как слепая отдача. Потрясающий эпизод в «Бремени страстей человеческих», когда оставленная Филипом Нора (изображённая с чисто моэмовской «животностью», карикатурностью по отношению к женщинам) оказывается способна на мысль о том, что в первую очередь не должен переживать оставляющий её любимый. Редкая альтруистическая мысль. С искренним сочувствием думает Нора в этот момент исключительно об этом, уверяет, что с ней всё будет хорошо, — и скрывается, чтобы не доставлять ему минуты лишнего дискомфорта.

Но и — где-то в романе Александры Марининой говорится о том, что нигде с такой силой, как у Моэма, не описана слепая сила любви к «плохой» женщине: ты любишь, а тебя топчут; ты любишь, а тебя оставляют; ты прощаешь — и оказываешься в изрезанной, изничтоженной комнате, которую женщина разрушила со сладострастием ненависти и мстительности (ох, как Моэму нравится всё это описывать, я прямо чувствую!). Филип и Милдред.

Мне кажется, многое из этого вошло в мою плоть и кровь и сформировало меня как читателя и как личность.

Искусство — это ты, или Ещё немного о Моэме

Он — мизантропический, образцово неприятный тип, в котором чувствуется личность вопреки всему. А может — не (только) вопреки, но в прямой связи с его мизантропией, принципиальностью на грани хамства, эпизодической мерзотностью. Допускаю, что на другом полюсе может быть той же глобальности благородство, что и ситуативная глобальная мерзотность. (Я вижу тебя таким, и в этом ты вполне ученик своего учителя.)

Во всём его поведении, в том, как он пришёл, заговорил, — есть что-то честное. Нигде не польстил, а начал с полухамства. Сиречь принципиальности. С того риска коммуникации со мной, который легко мог выродиться в непонимание. И вылился бы в 90 % случаев, если бы не я.

Другу: «Он — противоречивый обаятельный мерзавец».

Друг: «А вот такие тебе нравятся, и ты многое им прощаешь».

И мне кажется, что в свои 8 лет я уже почувствовал этих перцев. Кажется, Сомерсета Моэма, «Незнакомец в Париже», я пережил именно тогда, сидя на лавочке в Лакинске, а соседка подходила в павлиньем платье и со своим насмешливым: «Птенчик, ты хоть что-нибудь здесь понимаешь?» Я понимал.

Симон Фенимор, революционер, согласно критериям ходасевичской «маленькой доброты» (см. выше) абсолютно мерзотный. Ставит на себе ницшеанский эксперимент и ударяет друга в челюсть из сильной любви к нему — чтобы убить свои чувства.

Уже тогда я понимал, что добродушный англичанин Чарли — скучный перец, а Лидия и Симон — интересные типы. И что Моэма притягивают вторые, хотя всё противоречит этому. А позже сюжет воплотился в жизнь — в самых неожиданных аспектах.

Иногда я благодарю Господа Бога, что дал мне странных и неотмирных собеседников. Тех, которых не постичь. Поступки которых не вполне сводятся к доброте и этике, а зачастую противоречат им, за которыми Бог или дьявол. В моей жизни были и Чарли, и Симон, и Лидия, но скучно не было никогда.

Тогда, на этой лакинской лавочке 1998 года, ещё не зная никакого Бахтина, я чувствовал своим детским сознанием, как минусы, помноженные на минусы, внезапно дают плюс. И надо всем надстройка, то неуловимое вещество, когда поступки не

равняются своей сумме. Когда благие намерения равняются аду. Когда — то неуловимое противоречие, которое не сводится к симпатии в адрес добропорядочного Чарли, но и к осуждению Симона. Когда вещество прозы.

Сегодня мы сидим в кафе. Ты высказываешь мне то болезненное, что страшно слышать и во что больно поверить. Я — этот добродушный старина Чарли, который сейчас получит от тебя в метафизическую челюсть. Ты отказался от любви, ты бьёшь меня, потому что очень сильно любишь. Ты — мозмовский Стрикленд: говоришь, что можешь без всего, и тут же по-детски просишь денег.

Но искусство — это ты, и оно — в тебе.

20 апреля 2022

Софья Андреевна — это я

Неотвязно думаю о биографии Толстого — вернее, о переменных собственных ощущений от неё. Году в 2019-м, когда читал её в интерпретации Басинского, в сознании было чёткое разделение «художник/непонимающие обыватели». Потребность возвращаться к Толстому и его биографии возникает вновь и вновь, но сейчас скорее чувствую некоторое раздражение — взбалмошностью, оторванными от жизни «духовными поисками», вообще тяжёлыми причудами гениальности. На этом фоне усиливается сочувствие тем, кто страдал от этих проявлений.

Думаю, вообще моё раздражение сложными выкрутасами гениальности — один из главных личных итогов уходящего года. От меня ушло некое самоощущение художника, которому «позволено» (в большей степени в связи с причудами других, чем со своими); я слишком столкнулся с ними — и они для меня уже не романтические красоты, а разрушающая реальность, от которой хочется отодвинуться. От пушкинского «врётё; мал и мерзок не так, как вы, — иначе» окончательно не отказываюсь, но существенно дистанцируюсь. В каком-то смысле я сейчас по мироощущению Софья Андреевна — смиренная переписчица рукописей, отдающая себя во имя литературы, убирающая в тень, — а не взбалмошный граф. Хотелось бы прийти к какому-то балансу

между этим смирением, не приводящим к уходу в тень моей поэтической идентичности, — и мироощущением художника, не ведущим к тяжёлым причудам, — но это фактически недостижимо.

...Впрочем, конечно, «мой» герой — и барин Нехлюдов из моего любимого рассказа Толстого «Утро помещика», оторванный от жизни романтический барин, неуклюже пытающийся помочь крестьянам, вмешивающийся в их жизнь; желающий как лучше со всем сопутствующим «как всегда». Как известно, этого барина Толстой писал с себя, уйдя затем в самоповтор в «Анне Карениной» — в образе Константина Левина, очень похожего на Нехлюдова. Новая книга Басинского называется «Подлинная история Константина Левина», но вполне можно было бы назвать «Левин в тени Льва» (предыдущая называлась «Лев в тени Льва»). Здесь возникла бы игра аллитераций как проекция писателя на своё альтер эго.

31 декабря 2023

Неходовое золото: о Татьяне Бек

Сколько ни читаю историю смерти Татьяны Бек (пусть и знакомую по чужим воспоминаниям, «нас там не стояло»), всегда она физически ужасает и потрясает, хочется повернуть время, быть там, в январе 2005-го, спасти её от одиночества и гибели. Мне кажется, вообще самое важное в жизни — встретить и обнять за плечи человека, находящегося в состоянии самоубийства, сказать: «Старик, всё хорошо», придумать какие-то слова, в которых он нуждается. Но обычно некому. Хотелось бы, чтобы и меня спасли от такого же состояния (до сих пор удавалось выбираться, но это никогда не гарантировано). Есть грустная справедливость в том, чтобы выбираться самому, дополнительно ощутить одиночество жизни, дополнительно — собственные силы. Выйти с ощущением, что не рухнул мир, что можешь больше, что ситуация столь безвыходна, что остаётся просто проглотить и жить (грустным и изменившимся на несколько иллюзий). Что травля — всего лишь травля, которая смывается временем. Есть безвозвратная несправедливость, когда — часто — не удаётся.

Вообще, от Татьяны Бек у меня странное физическое ощу-

щение, что или я ей, или она мной были в прошлой жизни. Что я, не знавший её лично, ношу в себе какое-то её альтер эго. Кажется, что и бесребреничество её, и — трудолюбие, и — щедрость к знакомым и незнакомым, и — одиночество, и литературоцентризм как восполняющее средство убежать от чего-то. И — слепая наивность в очаровании теми, кто потом... сколько было этих «потом». И что умрём одинаково.

В стихотворении, посвящённом памяти Людмилы Вязмитиновой при её жизни, у меня есть строки: «Что мнится: кончится как бек — неходовое золото, / Культура в старческих руках в растерянность родне». «Бек», написанное со строчной буквы, выступает здесь расширенной метафорой смерти от «несовпадения с миром», вспоминая метафору самой Татьяны Александровны. Я написал это как раз после истерического звонка Вязмитиновой, вызванного травмой литературного одиночества; в её голосе мне почудилось самоубийственное бековское состояние. Само стихотворение родилось в своеобразное утешение ей. Оно не утешило: все мои бесплодные попытки вытащить её и тогда, и после были лишь словами, падающими в вату.

Как-то наш литинститутский руководитель (учившийся у неё) назвал Татьяну Бек нашей «литературной бабкой». Но люблю её стихи и чувствую её вне зависимости от этого. Со всем осознанием некоторой идеализации образа того, кого не знал лично, — и пониманием, что, будучи «обработанным» столкновением в быту, этот образ наверняка... продолжать неохота.

Татьяна Александровна была строгим критиком, могла приложить в печати, говорила правду — и пострадала за выговоренную правду. («Как я буду глядеть в глаза своим студентам, если не напишу?» — приводит её слова один из мемуаристов в посмертно изданной книге «Она и о ней», которую перечитываю сейчас. И эти слова отзываются во мне болезненно.) Но время, начало 2000-х, всё же, думается, располагало к этому больше, чем сегодняшнее (так себе, слабое «оправдание» для нас, ведь прошлое всегда кажется лучше), — отрицательная критика вызывала какой-то резонанс, на что-то влияла, не отзывалась лишь вонью в соцсетях и дополнительным пиаром как «жертвы» того, о ком пишешь. И, естественно, это время не знало сегодняшней цензуры в печати.

А мы — «не гневом, ни порицанием давно уж мы не бряцаем: здороваемся с подлецами, раскланиваемся с полицаем» (Галич). Умолчание как норма дошло до такого предела, что, честно говоря, стыдно перед её памятью, когда читаешь все эти мемуары.

И оттого вдвойне интересно, приняла бы Татьяна Александровна эти времена, как чувствовала бы себя в них с этим правдолюбием и ощущением литературы как общности. В мемуаре Наталии Черных о Вязмитиновой есть горькая фраза: «Людмилу в нынешних литературных реалиях я не представляю». И здесь я чувствую что-то похожее. Но мысль эта — а как бы ей жилось ныне — не гуманистична, ибо опасно граничит с вытесненными злорадством и самооправданием, от которых, вообще-то говоря, надо бы спастись в сторону честности.

Заслоняться же от них некоторой иллюзией — единственный способ не сойти с ума от реальности.

28 ноября 2023

О мемуарах Наталии Черных

Наталия Черных написала и выложила в Сеть большую книгу о литературной жизни 90-х, нулевых и 10-х.

Сегодня её активно обсуждают — разумеется, те, кто в ней упомянут (а упомянуты многие), и их обиженные френды.

Что хочется сказать в связи с этим?

1. Книга клочковатая, фрагментарная. Много портретов наших современников и персонажей литературы 90-х; но много и перескоков от одного к другому вместо углубления. Пёстрая и личная картина литпроцесса. Портреты яркие, я много раз улыбался, когда читал (в частности, о себе; в соцсетях выложил и прокомментировал наиболее запомнившиеся фрагменты). Какой, что называется, концептуальный вывод из этого мог бы сделать, чем насытить своё сознание, — не знаю. Скорее, в общем, интеллектуально Одоевцева, чем Берберова. Но стилистически многим люблюсь. Не любят те, о ком написано хуже, чем обо мне: оно и понятно.

2. Книга злая, хотя и старается не быть таковой. Но задача её явно берёт истоки в ресентименте по 90-м и недооценённости автора литературным сообществом. Начинается со сравнения «того», положительного литсообщества 90-х, с этим, «испорченным», и это сравнение предопределяет характер книги. Думаю, даже если Наталия не ставила цели кого-то обидеть, — эта цель была подсознательной.

3. Книга со временем будет иметь историко-литературное значение, примерно как мемуары Эммы Герштейн: токсичные, сводящие счёты, всё написанное делить надвое, но нам всем полезно увидеть себя в этом зеркале. Это сейчас обижаются. А потом будут ссылаться. Не, ну правда полезно посмотреть на себя странным взглядом Наталии. Мне было познавательно. Но по мне она и не проходит так, как по Полине Барсковой, хотя пару раз пишет о «примитивных вкусах нового сообщества» в контексте меня (нет, вкусы у меня свои собственные, как ни удивительно). Или что не «дотягиваю» до Дмитрия Кузьмина — тоже задачи такой не было, но это идея фикс автора, ставшая одним из сюжетов её мемуара.

4. Само написание такой книги и выкладывание её в Сеть именно сейчас — вызов, жест достаточно смелый. Возможно, это жест вызова, привлечения к себе внимания. И одновременно с тем равнодушия, как бы уже всё равно до мнения сообщества — и разом не всё равно (видимое противоречие тут — не такое уж противоречие: раз не обращаете внимания, узнаете хоть так). Это эпатирующий жест поэта. Один товарищ Наталии, который недавно стал близок ей, от обиды пишет доносы; Наталия написала странную и яркую книгу. Но она — поэт, действительно сильный, яркий, недооценённый. Сложный. Литсообщество не раскусило, кто-то оказался удачливее; метафоризм её — непростой орешек. Покойная Вязмитинова ценила её как мало кого.

Лучше и правда ответить книгой, чем доносами. И в этом есть какая-то юродивая странность — или инаковость, как поправил на днях Гриша Батрынча, предложив более адекватный синоним «юродивости».

5. Неожиданно много обо мне в функции деторождающей, производящей (забавное «Зульфия возникла благодаря Борису Кутенкову...»; нет, у Зульфии, очевидно, были мама с папой). Создаётся ощущение, что я в центре процесса и один из его соиздателей. Но, по сути, не стоит мне обольщаться насчёт себя: просто активно общались, втягивали с Наталией на протяжении этого времени друг друга в свои орбиты. Рядом шелестели другие ветви литературного процесса, меня знать не знавшие, не замечавшие (не могу сказать, что это обоюдно). Но книгу мог писать другой человек, и обо мне там не было бы ни слова.

Ну, в общем, что?

Не дай бог мне написать такую книгу, именно в такой интонации. А ведь могу кааак обидеться и тоже каааак наподдать вам всем. Вашими портретами. Не унесёте.

28 сентября 2023

О легитимности мемуаров

Конечно, довольно неприятно было увидеть в журнальных воспоминаниях о трагически погибшем поэте своё имя в негативном контексте — поэт, судя по заметкам мемуариста, выкрикивал какую-то дикую херню обо мне в пьяном состоянии. К мемуаристу в данном случае никаких претензий — он с детской простотой (которая в данном случае хуже воровства) зафиксировал эпизоды общения с поэтом, с которым дружил; зафиксировал довольно беспорядочно; и в этот болтологический контекст попало моё имя наряду с другими. Понятно, что херню мы все кричим так или иначе, и пьяную тоже; но плохо, что это как будто остаётся единственным свидетельством отношения — написано электронным пером, не вырубишь известно чем.

Вопрос о «легитимности» таких мемуаров, когда после смерти о тебе вываливают всё и более того, конечно, вечен — и неразрешим; много в своей эссеистике (как будто личное, биографически обусловленное) о перетряхивании грязного белья, о бесправности мёртвых, подвластности искажениям пишет Мария Степанова. Здесь важно различие «антиахматовой» и с го-

речью вываленной околофейсбучной болтологии — и всё же такие журнальные факты остаются закреплёнными в пространстве по сравнению с обычной болтовнёй, имеют иной статус. Этическое (говорить, не говорить) здесь разрешимо гораздо труднее, чем в случае с волей покойного, который, к примеру, запретил обнародовать свои тексты, — и мы решаем, публиковать или не публиковать прекрасное найденное.

О поэте же не хочется в данном случае говорить ничего плохого — отношения при жизни были вполне односторонними, как бывает со мной в большинстве случаев. Поэт хороший и, не побоюсь этого слова, гениальный, мне случилось составлять его подборку, готовить рецензию и интервью — что вряд ли было важным для него на фоне, во-первых, поддержки и обожания, которые ему воздавало литературное сообщество, а во-вторых (судя по всему), общей несчастья, мало сопряжённой с этой поддержкой и обожанием. Что он думал обо мне — я не знал никогда; узнал вот сейчас. (И, наверное, именно одарённость покойного здесь вызывает некоторую досаду в контексте мемуаров — если бы отношение зафиксировал графоман, счёты были бы другими.)

(О подробностях, именах фигурантов не спрашивайте — не хочу, не буду.)

21 сентября 2023

Умру — полюбите

Очень хочется прочесть опрос памяти себя; не из нарциссизма или тщеславия (хотя, конечно, куда без них, родимых — поэтому из них тоже), а потому что такой материал представляется источником самопознания — и возможностью сопоставить самооценку с людскими мнениями; узнавания истинного в себе и доселе от себя скрытого, того, что, возможно, никогда и не поймёшь. Даже при несогласии — правда самопознания увидится между строк, через то соприкосновение незнаемого и «правды тебя», какое бывает при чтении пронизательной рецензии на твоё творчество, но тут этот уровень автопонимания усилен чужой развязной правдивостью пишущего. Ведь ты уже не прочитаешь и стесняться некого, это освобождает в оценках. (Жизнь, слава

богу, разубедила — на примерах опросов о других — в наивном представлении, что такие мнения будут лакированными или покрытыми мемориальным гляncем, в гандлевском «Умру — любите, а то я вас не знаю».)

Забавно, что такой способ самопознания (едва ли не лучший, чем стихи) никогда не достигим, если только души мёртвых правда не возвращаются и не способны смотреть на покинутый мир. Уже представляю, как скрежещу зубами от собственной невозможности повлиять на события. Но в подобной фантазии есть пародийность, напоминающая о сюжете «Ералаша», где мальчик представлял, как его хоронят.

Каким-то подобием такого опроса была громкая фейсбучная травля; когда твоё имя произносят на все лады и склоняют, кому не лень, в течение нескольких дней, появляется почти физическое ощущение, что ты отделился от собственного тела, что это уже — не о тебе. (Такие оценки — клеветнические — действительно иногда не о тебе, но может быть социологически интересным, без которого нет даже и этого паршивого огня.) Что тебе приносят твой же портрет, кривой и искажённый, порой издевательски подсунутый под нос (тут отдалённое, но всё же сходство с рецензией, которая придвигает к твоим глазам вынужденное из подсознания — по-чеховски), но чаще — вовсе не имея тебя в виду, именно как мёртвого. Во время иных пересудов о других испытываешь как раз острое желание не умирать самому (об этом у меня есть стихотворение «Памяти Сергея Королёва», написанное вслед за вечером его памяти — и жарким, сплетническим обсуждением версий самоубийства), ибо, пока жив, кажется, что как-то можешь «управлять» представлениями о себе. Чаще всего и правда так: ты физически способен отвечать, и вообще, люди, говоря о тебе живом, как-то держат себя в рамках этики и судачат чаще за глаза. Но во время публичных пересудов о тебе самом — в виде выливающих на тебя потоков грязи — такая иллюзия твоей «всевластности» здорово развеивается: возникает как раз ощущение неуправляемости, выхода себя за рамки бытия, когда чувствуешь себя именно наблюдающим покойником.

Вероятно, опрос памяти будет чем-то подобным — отделением тебя от собственного представления о себе же; только, наверное, часовая стрелка негативизации качнётся в сторону хаотич-

ного плюрализма и разнобоя.

Иногда всерьёз хочется написать где-нибудь в соцсети о собственной смерти (как сделал поэт А. Г.), накрепко затаиться и «пособирать» реакции несколько дней. Если бы не огорчение немногих, но верных. И не разрывающаяся личка, которую всё равно скоро будет соблазн читать, отвечать на телефон и тэ дэ.

20 декабря 2023

Мемуар как белый воронёнок

Прочитал мемуар дочери известного литературоведа и подвижника, опубликованный в книге воспоминаний о литературоведе и подвижнике. Налицо некоторая трансформация личного мифа, сложившегося внутри меня и важного для меня, о герое воспоминаний. Мифа, который так хотелось бы хранить в себе, внутренне «цепляясь» за всё великолепное, что сделал этот человек для культуры. Мемуар дочери трансформирует, даже разрушает этот миф со стороны семьи, никоим образом не трогая литературных, подвижнических, рабочих качеств. Но это эссе в сборнике выглядит эдаким грустным белым воронёнком — столь контрастируя с восхищёнными, тёплыми, вдохновляющими воспоминаниями о литературоведе; воспоминаниями людей, которые наблюдали всё же «со стороны».

Мемуар дочери — простор для психоаналитика. Родители всю жизнь работали, квартира была завалена книгами, в 18 лет взвалили на дочь домашнее хозяйство (мать, конечно же, вдохновлённая работой и отдающая ей миллион сил, всегда мечтала о домработнице). И всякое ещё. Мемуар доброжелателен — и не выглядит жалобой, но жалобное, горестное, правдивое проскальзывает. Поворачивая нас неприятным лицом к изнанке литературной работоспособности, вдохновлённости литературой (и шире — культурой), безумной отдачи своему труду. Безумной отдачи всем чужим людям, которым литературовед много и бескорыстно помогала, громадным и нечеловеческим образом вложившись в культуру.

Эпизоды воспитания — в диапазоне от невнимания до садизма.

Не знаю, какой вывод из всего этого сделать. Наверное, много там и хорошего: мемуаристка как будто всё время сбивается на «оправдание», на это хорошее, вновь переходя — иногда и невольно — на косяки воспитания: садизм и невнимание, невнимание и садизм, потом опять «оправдания» в виде хорошего. Хочется, конечно, заметить, что культурная самоотдача предполагает некоторое монашество: всё равно вынужденно проседаешь в чём-то одном, хотя бы в семье, сколько бы ни выдумывал себе оправданий и сколько бы другие ни приводили примеров «сочетания», ага-ага. Хочется признать, что нечеловеческие вложения в культуру, фанатическая работоспособность абсолютно исключали человеческое внимание к дочери; безнадёжная попытка усидеть на двух стульях здесь бы не сработала, да и не срабатывает.

Но что-то всё-таки удерживает от подобного радикализма — и слава богу, что удерживает. Пока есть иллюзия сочетания того и другого — пусть останется иллюзия. А значит, попытка, продолжение попыток всё-таки не оставлять «иную» территорию, не давать себе слабину в том деле, которое так очевидно предполагает вынужденное проседание. Бороться и за неё.

26 ноября 2024

Карл Проффер как отражение современности

Прочитал (с опозданием) потрясающую книгу Карла Проффера «Без купюр», изданную после его смерти в «АСТ», — мемуары главы издательства «Ардис», собеседника литературных вдов советской эпохи, издателя советского самиздата за границей; энтузиаста, влюблённого в русскую литературу. По-новому оценил фигуру Надежды Яковлевны Мандельштам, чьи мемуары всегда казались мне вульгарными и хаотичными; по сути, они и сейчас мне такими представляются, за исключением тех фрагментов, где она очень точно схватывает суть поэзии ввиду постоянных наблюдений за творческим процессом гениального супруга. Но в целом они не перестают для меня быть хабалистыми — и совершенно права Лидия Чуковская, опубликовавшая свою возмущённую прозу «Дом поэта» как ответ на нападки Надежды Яковлевны

по отношению к Ахматовой. (Олег Юрьев, как и многие, упрекает Чуковскую в пристрастности и даже влюблённости в Ахматову, но это, я думаю, не отменяет претензий.)

Книга Проффера как раз посвящена литературным вдовам советской эпохи; первая, и самая пронзительная, и самая подробная глава — именно о Надежде Яковлевне. (Ещё есть о Лиле Брик, о вдове Всеволода Иванова Тамаре Ивановой, об одной из жён Булгакова Любви Белозерской.) Но, пожалуй, Мандельштам посвящён наиболее сочувственный портрет. По-новому оцениваешь силу «теневого» советского литпроцесса, по-новому смотришь на сам контекст воспоминаний, написанных ею в условиях несвободы. «Неофициальная» жизнь в постоянном страхе перед КГБ — так контрастирующая с описанием Лили Брик, которая жила богато и действовала вполне свободно, ибо была вдовой Маяковского, а не запрещённого Мандельштама. Стремление издавать, передача рукописей за границу, работа с архивом — несмотря на всё это и вопреки. Помощь исследователям, которым был закрыт или усложнён доступ к неофициальным источникам, — и общение с Надеждой Яковлевной было лучшим способом «пробраться» к О. М. И снобизм, снобизм, снобизм современников, стремившихся постоянно указывать Н. Я. на её «истинное» внелитературное положение. Чего стоит каверинское «Тень, знай своё место!» после выхода мемуаров...

Проффер, кстати, подробно и рассудительно анализирует отношение фигурантов советской эпохи к мемуарам Надежды Яковлевны — говоря, что современники возбудились как раз от оценок, обвиняя автора в искажениях фактов; между тем за глаза признавали (и, видимо, так и было), что в этой области она в основном точна. Весьма напоминает отношение к недавним мемуарам Наталии Черных, по поводу которых перевозбудилась блогосфера.

В общем, книга ужасно интересна. И как переключка с сегодняшним временем, в котором тоже «теневое» и «неофициальное» имеет неочевидную, но внятную и действующую силу, — только, конечно, на других основаниях.

29 января 2024

Перечитываю воспоминания Евтушенко — самая нужная мне сейчас, самая одухотворяющая литература.

В марте 2022-го, впервые знакомясь с ними, впитывал их как лекарство — сопоставляя с новой реальностью — в день первого столкновения с цензурой, в день отмены моих выступлений (которые всё равно состоялись). Размышлял о встраивании в контекст, в систему; о бытовании внутри цензуры — когда что-то уступаешь, идёшь на неизбежный компромисс. О противоположной правде андеграунда, не желающего иметь ничего общего с системой. О двух правдах, оттенках и нюансах. О том, что первая — ближе; вторая — честнее и человечески понятнее.

И сейчас вновь переживаю.

Кстати, очень удачные, уместные метафоры в этих мемуарах — настолько он свободен здесь от своего шестидесятичества, от вычурной тошнотворной рифмы; вообще, талантливее, чем в стихах, и правдивее. Такие глубокие, доступные и нефальшивые психологические наблюдения, на которые откликается сердце. Видно, когда человек не врёт и не привстаёт на цыпочки. Видно, когда автор истинно умён.

21 сентября 2024

Советские мемуары и зона умолчаний

С интересом читаю «Воспоминания о Заболоцком» — книгу, выброшенную у меня в подъезде. («Если бы у меня в подъезде выкидывали такие книги...» — удивился сегодня коллега по телефону.) Издание 1984 года, второе, дополненное (первое вышло в 1977-м).

Книга, написанная на удивление классным и неказённым языком, — по крайней мере, все статьи, прочитанные мной на данный момент. Марина Чуковская, Лев Озеров, Давид Самойлов, Маргарита Алигер, Лидия Либединская, сын поэта Никита Заболоцкий... Лучшее, конечно, — воспоминания Лидии Гинзбург и её анализ поэтики Заболоцкого: изучаю раз в пятый, хотя, кажется, знаю наизусть.

Что удивительно (хотя не должно удивлять): зона умолчаний, связанная с заключением поэта, с его лагерной жизнью, — это понятно, но всё ещё потрясает. Почти все вспоминающие обходятся стыдливymi эвфемизмами, в крайнем случае посетовав на критиков, которые не приняли поэзию Заболоцкого, и т. д. Фактически как в том самом знаменитом «предисловье Дымшица» о Мандельштаме-путешественнике, поехавшем под Владивосток и там скончавшемся, — предисловие и эзоповы умолчания, над которыми в своём «Процессе исключения» зло иронизировала Лидия Чуковская.

Что ещё было довольно неожиданным: нехилая интеграция поэта в литературный процесс 50-х (понятно, какой ценой «лояльности» пришлось за это заплатить). Видимо, это очевидные факты, но, наверное, я по инерции воспринимал его как Зошченко, то есть попавшего в опалу до конца своих дней. Не знал, например, что Заболоцкому предлагали уже под самый конец жизни вести семинар в Литинституте, тот отказался, сославшись на здоровье (по воспоминаниям Льва Озерова — правда, несколько нарциссическим, где тот форсирует свои радения о публикациях поэта, явно старается не скрыть свою роль в его судьбе как советский ситуативный Главначпупс).

Ну и (не потрясение, давно знакомо, но всё же интересно): сквозная линия образа «поэта-бухгалтера», проходящая через мемуары. Некоторое удивление вспоминающих перед образом поэта, не похожего на «поэта», очень неприметного. Речь в быту не ахматовская, не цветаевская, не мандельштамовская; из этой речи сложно что-то выделить и запомнить (видимо, в каком-то смысле всё ушло в стихи), нет метких формул, нет и ярких поведенческих эксцессов. Что-то схожее с Иннокентием Анненским, в судьбе и внешности которого тоже возникает такой контраст. Некоторые мемуаристы пишут о ситуативных жестокости и даже беспощадности Заболоцкого, но и те всё равно в рамках обыденного, человеческого.

Интересно было читать и о полемике с Введенским, о лагерной ещё тяге Заболоцкого к «традиционной» поэтике — что делает не столь однозначным представление о «до» и «после».

28 октября 2024

Лучше так, чем никак

В недавней журнальной публикации (умной, талантливой и глубокой; о Ленине, о параллелях с 1924 годом) — в конце: «Что год грядущий нам готовит?» О грядущем двухсотлети первой публикации фрагментов «Горя от ума» в альманахе «Русская мысль», фразы «Народ безмолвствует» и восстания декабристов. Тонкий намёк, уверенная фи́га в кармане; окружё́нность «юбилейной» публикации эзоповым языком. Для понимающих. Советский приём разговора о настоящем через прошлое — и самого ухода в прошлое, когда нельзя о настоящем.

Господи, до чего стремительно докатились.

И тут же: если можно хоть так и довольно немалой части публики все намёки понятны — значит, не всё потеряно. Вместе с тем, конечно, в голове возникают мысли Александра Гельмана о том, что «у нас, как правило, меньшее из двух зол такое большее, что фактически между ними стирается разница» и «топчемся посередине между „лучше так, чем никак“ и „лучше никак, чем так“».

11 января 2024

Эзопов язык и наше будущее

В актуальнейшей диссертации Льва Лосева «Эзопов язык в русской литературе», недавно вышедшей в «Новом литературном обозрении», много разнообразных примеров использования тайного языка, шифра — преимущественно в советское время. В предисловии Александры Архиповой содержится мысль об излишней порой гиперсемиотизации (нравится мне это слово! означает «вчитывание в текст того, чего в нём нет») в работе Лосева. Пример — анализ песни «Летят перелётные птицы», исполненной в 1975 году Иосифом Кобзоном: её Лосев интерпретирует как призыв к евреям не уезжать во время их массовой эмиграции.

Собственно, мне кажется, что такими примерами гиперсемиотизации изобилует диссертация Лосева, где истории создания текстов обычно не сопровождаются каким-либо указанием на то, что автор подразумевал именно использование шифра. Это

как будто само разумеется. Много и давно думаю об использовании эзопова языка (свои наблюдения высказал недавно в рамках круглого стола «Эмигрантской лиры»*), но ключевым его свойством мне кажется определённая договорённость с читателем, указание на тот или иной политический, другой доступный посвящённому намёк. Когда нет свидетельств такой договорённости — естественно, легко вчитывать всё что угодно.

Тем не менее полистать книгу как минимум необходимо. И самому выработать отношение к приведённым в ней примерам, их убедительности или неубедительности.

А вот пример, приводимый Архиповой в предисловии, — слова, сказанные слушателем после переполненного зала на её лекции в Минске, — «Это ваше прошлое и наше будущее» (эзопов язык) — в подтверждениях не нуждается.

И вообще, предисловие мне было интереснее самой книги.

Грустно, братцы...

15 июля 2024

Туристические эвфемизмы

Интересная судьба постигла заметку о вечере в поддержку Гриши Батрынчи, прошедшем в Библиотеке поэзии. Ольга Василевская, автор заметки, написала о поводе мероприятия эвфемистично, чтобы соответствующий текст мог появиться на страницах российской прессы, — мол, попал в трудную ситуацию, которая требует ещё и денежных сборов; после того, как редакция убрала и это предисловие, заметка приобрела ещё более таинственный характер — «литературный вечер в помощь, в рамках которого также осуществлялся сбор средств» — ага, да-да, мол, денег на бедность решили подсобить**.

Никаких претензий к редакции «НГ Ex Libris» у меня, конеч-

* <https://emlira.com/1-45-2024/aleksandr-karpenko/ezopov-yazyk-v-sovremennoy-russkoyazychnoy-poezii>

** Поэт Григорий Батрынча на момент публикации этой заметки (и подготовки к печати этой книги в январе 2025 года) находился в СИЗО; дальнейшие перспективы неясны — очень надеемся, что, когда книга увидит свет, об этом нахождении уже можно будет говорить в прошедшем времени.

но, нет — каждый пытается сегодня выжить и не подставиться как может. Но вспомнилась история с предисловием советского литературоведа Дымшица, написанным к известному (первому вышедшему в СССР) собранию Мандельштама («и синий с предисловьем Дымшица / выходит томик Мандельштама» — у Гандлевского). В предисловии, чтобы эта книга вообще могла выйти, была обойдена истинная причина гибели Осипа Эмилевича — и получилось примерно так: Мандельштам поехал в Воронеж, после этого во Владивосток — и там, во Владивостоке, умер. Лидия Чуковская в своём «Процессе исключения» сильно гневалась на это предисловие, на цензурные ухищрения. Иронизировала, что Мандельштама из мученика сделали путешественником. Очень зло отзывалась о советском литературоведении, которое идёт на такие проказы.

Сам же Дымшиц на расспросы отвечал, что эти «туристические эвфемизмы» — единственная возможность хоть как-то издать Мандельштама в те годы, провести через цензуру.

Как относиться к этому — каждый решает сам. Я отношусь амбивалентно: не поддерживаю гнев Чуковской, но осознаю справедливость её претензий; хорошо понимаю Дымшица. Вопрос, наверное, в угрызениях совести, которые испытываешь или нет, поднимая критическое/редакторское перо для таких обманных лакун. Вся соль — в их, угрызений, наличии или отсутствии.

Недавно это казалось комичным. А сейчас «предисловья Дымшица» — наша реальность.

15 июля 2024

Рыдать хочется

Читаю публичную соцсетевую переписку издателя N (переместившегося за границу и основавшего там издательство) и оставшегося здесь издателя по поводу войны за известный роман. Реально хочется рыдать. Довольно новый случай столь явного раскола и гражданской войны в литературе. Но ситуация узнаваема: парадоксальным образом она напоминает истории советских оставшихся, того же Шаламова, который наезжал на издателей

своих «Колымских рассказов», вышедших за границы, — из страха за себя и желания сохраниться здесь. И именно это желание сохраниться объединяет истории, при всей их разумеющейся разнице. Желание кушать, действовать, продолжать своё дело в невозможных условиях.

Издатель N — герой, история русской литературы его не забудет. Подавать на него в суд или блокировать его ресурсы — прежде всего этически неправомерно. В своём открытом вызове тому, что творится, человек невольно нарушил чьи-то права — и схлопотал от тех, кто выживает здесь и подчиняется всё более звереющему законодательству в сфере культуры. Тех, кто не имеет ресурсов и свободы на открытый вызов и просто хочет — см. конец первого абзаца. В конкретной истории все по-своему правы, но дело в том, что историю, изначально основанную на хтонических, диких предпосылках, невозможно разбирать совсем адекватно. Тут не может быть правых и виноватых.

А эти истории будут повторяться — и больнее всего как раз то, что ссорятся люди, которые вроде бы объединены в своём понимании творящегося кошмара и неудобств, причиняемых этим кошмаром (но следствия — вызов и выживание — оказываются предельно различными). Эмиграция с её открытым вызовом всё больше будет мешать тем, кто остался здесь — выбрал выживание и, стало быть, возможность невольного двоедушия и компромисса. (Не совсем об этом, но во многом и об этом — статья Самуила Лурье в новом посмертном издании о переписке Корнея и Лидии Чуковских, о столкновении разных поведенческих стратегий.)

А вот удастся ли когда-нибудь зарастить эти раны, сшить всё более расходящиеся берега — бог весть.

20 июля 2024

Красный мох стелется

«Я сначала потеряла интерес к фб, потом потеряла интерес к стихам. Читаю последние два года только на английском. Мне нечего сказать этому миру, даже миру, которым является фейсбук. Меня нет, я ушла. И даже почувствовала облегчение», — написала мне талантливая и умная женщина в ответ на беспокойство, вы-

званное отсутствием постов на её странице. В прошлом — критик, без которого невозможно было представить литпроцесс. Много сделавшая и для литпроцесса, и для моих книг. Пишущая как никто... Активно отзывающаяся на всё достойнейшее... Рассказала и об истинных причинах, в которых чувствуется травмированность двумя войнами («мучаю себя чтением новостей» — характерное).

Во время чтения этих сообщений чувствовал что-то жуткое — словно в доносящемся до меня загробном голосе. Вспомнилась ненецкая сказка про мать, что обиделась и обернулась кукушкой. Фантомно всплыла история с подругой, всё больше уходившей в свой чёрный сон, из которого страшно и слёзно было её вытаскивать — и не получилось вытащить. И это «обнимаю» донеслось до меня как мёртвое, прощальное — и, вероятно, последнее. «Нет, это не временное состояние».

«Дорогой Борис, я перестала заниматься критикой, так как больше не чувствую своей аудитории», — написала мне известная в прошлом (и, увы, так мало известная нынешнему поколению) критик, чьи статьи в «Новом мире» воспринимались как увлекательнейшие детективы, о чём бы она ни писала. «Да и вообще, нынешняя ситуация не очень-то располагает к стандартному подведению итогов года или полугодия». На вопрос об интервью просто не ответила — хотя ещё десять лет назад дала бы интервью (и давала), и так умно и высокомерно обо всём высказалась бы, и раздала бы всем сестрам по серьгам. Как не хватает этих серёг.

В «Знамени» Наталья Иванова вспоминает, как эта критикесса когда-то нежно погладила толстый журнал, словно кошку, увидев его в Переделкино. А теперь способна холодно рассуждать о «смерти толстых журналов».

И всем хочется пожелать здорового пофигизма — действий, адресованных лишь тому, что вы можете изменить. И пожелание это наталкивается на мысль об абсолютизации собственного опыта: нет, невозможно советовать никому. Но и слышать эти доносящиеся фантомные голоса из чёрных снов — жутковато; на их фоне ощущать свою работоспособность и силы — неловко, как ни глупа эта неловкость.

В эти же дни коллега написал противоположное — исце-

ляющее: «Журнал для меня стал единственной возможностью исцеления в 22-м. Когда любимые пространства начали закрываться, остались только страшные новости (для меня они были и остаются гиперстрашными, <...>. И не было никакой альтернативы-спасения от депрессии. Вот тогда в мою голову постучалась идея прямого взаимодействия с авторами, самому создать альтернативу, чтобы не сгореть от социальных потрясений. Отсюда и не-политическая-не-социальная направленность — политика и война — то, от чего хотелось спастись и чему сопротивляться не напрямую».

Спасибо всем, кто действует. И закрывает глаза на происходящее, не закрывая в то же время их и видя всё вокруг, — отсутствие иллюзий здесь не противоречит определённому пофигизму (ну ладно, эскапизму), и всё это становится формой сопротивления ужасу.

«И с тех пор не вьёт себе кукушка гнезда, не растит сама своих детей, а по тундре с той самой поры красный мох стелется». Да, стелется красный мох. И проекты мельчают. И заменить вас особенно некому — альтернативы нет.

И, по Левитанскому, «небо рушится. Земля рушится. И только не видно этого со стороны».

28 июля 2024

Последняя стрекоза

Чтение книги Ирины Сурат о Мандельштаме — удивительно глубокое, внятное и умное литературоведение — вдохновило на строку «Над Петроградом последняя стрекоза» в моём стихотворении. Ср. «Твой брат, Петрополь, умирает» — образ разорённого города после революции 1917-го, который покинули многие и многие: об этих биографических предпосылках в связи со строкой Мандельштама Сурат пишет в своей книге. Этот образ сейчас резонирует с моим ощущением последнего могикинина в лит-процессе: невесело пошутил вчера, что скоро останемся вдвоём с Ольгой Балла на этом необитаемом острове и так же будем терять пустоту, как сейчас.

В то же время «май-май-май» — отсылка к песне Кристины

Орбакайте — звучит в этом стихотворении скорее издевательски, как уход от преследования, с одной стороны. С другой — от слишком явного описания, от схем: на фоне и пронизательного «портретирования», и пребывания в ореоле сплетен. «Лепи из снега» — мол, придумывай что душе заблагорассудится. Тут ещё есть аллюзия на «я его слепила из того, что было».

Стихотворение, таким образом, получилось о разных аспектах внимания, об ощущении себя в ореоле его и сравнительных контекстах его, о «безвыборной» любви, которая становится важнее всякой «объективации» в отношении. О создании человека из иллюзии и неправомерности любой схемы. О высоком и странном равноправии контекстов, кажущихся противоположными.

(Удержался от дальнейшего желания включать в эту книгу автокомментарии к собственным стихам, которых в 2023-м в этом тг-канале было много. Такой опыт самоописания, однако же, считаю полезным и интересным прежде всего для самого автора — пусть и несколько противоречащим «общепринятому». В частности, заветам Лорки и Блока, которые советовали никогда не объяснять своих стихов.)

* * *

Ане Аликевич

облако ты живой
— слышь, — говорю, — живой
яблоко яблоко прочь по воде убитой
свадебный стану телесный а ты женой
снег облакитный сиреневый ножевой
с небом утраты на «ты»
и теперь мы квиты

над петроградом последняя стрекоза
невод заброшенный необретённый лего
встретишь меня фсбшный огонь в глаза
тело на что-то нанизано но не «за»
в руки гребь май-май-май и лепи из снега
весь мандельштамовский в будущее стою

смерти словесной она говорит «не трожь»
вместо большого Нигде — говорящий прочерк

господи я полудетский в её раю
господи я во бреде её хорош

там понимай как хочешь

16.05.2023, Остафьево

20 мая 2023

Мариэтта Чудакова как ролевая модель

Снова читаю сборник воспоминаний о Мариэтте Омаровне Чудаковой как личную Библию; сборник, составленный Умкой (Аней Герасимовой) в 2022-м, почти сразу после ухода великой. Читаю в третий раз, обещав его отдать, и не отдаю: впиваюсь в страницы, действующие на меня иррационально. Какому-то в. п. с. во время телефонного разговора о Надежде Мандельштам пронизательно заметили в январе, что «твоя ролевая модель — сильная женщина, делающая всё сама»; возможно, оно и так, но значение человека-стимула от этого не умаляется.

Есть люди, чьё значение для меня воистину религиозно и чья личность интереснее его трудов; труды читаешь из необходимости и какой-то рациональной заинтересованности, человек же вдохновляет весь, изнутри, самим существованием — и, возможно, продуктивно мной творимым личным мифом. Читать страницы воспоминаний — приближаться к этому личному мифу и видеть точки его сопряжения с действительностью; тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман. При чтении о Мариэтте Омаровне всегда стыдно успокаиваться, терять работоспособность, делать меньше желаемых пределов — и вообще переставать верить во всякие пределы собственных возможностей. Каждая буква действует на меня здесь с гипнотическим вдохновением и физически придаёт жизненных сил и энергии — а значит, заповедь «не сотвори себе кумира» не такая уж заповедь.

Удивительно читать, как Мариэтта Омаровна помогала дома престарелых, тюрьмам, больницам; мы привыкли воспринимать её со стороны литературы. Как в 1981-м году «хитростью, женским обаянием, обходными путями», по воспоминаниям мемуаристов, пробивала Тыняновские чтения. Как во время путешествия спрашивала: а есть ли по пути школы? А может быть, я в одну из них заеду? Всё ещё удивителен не знающий равных духовный инстинкт,двигающий культуру, ощущение литературы и страны как общего дела.

И в уходе именно в декабре 2021-го — накануне всего — тоже чувствуется определённый символизм.

Мой мемуар тоже в сборнике есть (только сейчас заметил, что кое-что составители целомудренно заменили угловыми скобками). Но больше, как всегда, скажут стихи, написанные на её уход.

Памяти Мариэтты Омаровны Чудаковой

I

застольно здесь, и голос об отце
сквозь вилок перезвон торопится и снится:
— я видел только тень в колодезном лице,
я слышал гул земли — а ты была пшеница,

печенье и хлеба, кормящая ладонь;
твой полусын подрос — и вот бормочет спяну:
— я слышал пепел твой — а ты была огонь,
я золинген обтёр — а ты укрыла рану,

укутала в платок, в безжалостную ртуть,
чтоб эта смерть была всем градусникам внове:
я прихожу с водой — и сам себе по грудь,
я с хлебом прихожу — и сам-своё-ручное,

уже подвижник-лёд вослед словам твоим
о том, во что стечём, о тех, кого утешим;
я тряпку принесу, мы кровь не утаим —
всем юным и мучным, сквозь стол перелетевшим

взопрела — как совесть, оглохшая в нас, —
 адам — доходила — горела:
 — ты зощенко будешь, булгаков и хармс,
 ты — свет артобстрела,

весь — рана — в ответе за -ино и -вне,
 наследник неспящего босха;
 летала — рука в перелётном огне,
 полоска-водитель со всем наравне,
 и в сердце — сплошная полоска,

не та — на дневном двадцать первом слоне
 привёзшая бёздники ада, —
 а как тебя звали — вчера и при мне, —
 и помнить не надо*

Мемориальный опрос как насилие

Самое грустное в жизни — это проводить мемориальный опрос. По собственной инициативе, конечно; опрос памяти человека, много сделавшего для литературы. Сразу разочаровываешься в человечестве и конкретно в тех людях, которые стольким обязаны ушедшему и ленятся написать пару строк. Нарастает праведное возмущение. С другой стороны, есть ощущение (им возмущение и гасишь), что насильно усаживаешь всех за поминальный стол, требуешь какой-то вербализации памяти, втискивания её в рамки «жанра». Но при этом невозможно не делать таких вещей, а вот тут уже комментарии совсем излишни.

21 сентября 2023

* Продолжение цикла — здесь: <https://stihi.ru/2022/01/13/604>

В полезной тени Таврова

(Растерянный пост, написанный в день ухода Андрея Михайловича)

Существование Андрея Михайловича Таврова для меня было тем, что освещает не только литпроцесс, но и мир вокруг. Невозможно сейчас найти подходящие слова, да и любых слов будет мало.

Не могу похвастаться пониманием его стихов, поэтому не написал о них ни строки (написал на самом деле, но что-то давнее и невнятное). Когда-то на семинаре Евгении Вежлян услышал о его поэзии как о не поддающейся ей, но истинной, по её мнению, — мол, «когда читаю стихи А. Т., на меня набрасывают плотную сеть из философских отсылок, но это же не значит, что это плохо». И эта мысль мне оказалась, юному, важна: она помогла впервые зафиксировать зазор между отстранённым пониманием подлинности и собственным «нра/не нра». Потом я прочитал его «Письма о поэзии», купленные в литинститутской лавке, и пропал, ничего равного его книгам о поэзии не читал ни тогда, ни кроме.

Его отзывы на «Полёте разборов» были отзывами человека, познавшего истину и авторитарно повествующего о ней, — многих эта видимая авторитарность отталкивала, но на самом деле была скорее убеждёностью, наверное. И я даже готов признать, что истиной. Я помню, как зал на одном обсуждении зашевелился, как дружно внял после других критиков, почувствовав непонятную важность его слов, — это был момент хорошей такой синхронности. Меня эта истина однозначно притягивала, мне близко его понимание поэзии; я не дорастал до уровня анализа, поэтому не рецензировал, но постоянно перечитывал и рассылал всем его книги. Всем и сейчас горячо рекомендую их (критикам поэзии обязательно). Его эссе уникальны тем, что это именно философия — не критика, а философия поэта, глубоко личная и базирующаяся притом на глубоком, серьёзном интеллектуальном бэкграунде; невероятное и редкое сочетание. Подробнее о его идеях, мыслях, сквозных сюжетах не буду — всё это просто потеряет в пересказе.

Он не боялся возвещать то, что однозначно столь многими будет не принято. Когда-то — когда его упрекнули, что опублико-

вался «не в том» месте, — он сказал, что будет писать эту истину везде, хоть на заборе. И эти слова тоже оказались для меня важными.

А ещё я ни разу не послал ему свои стихи — но всегда мечтал об этом; мне кажется, что его отзыв бы сильно простимулировал меня и повернул мысли, а может, и поэтику, в нужном направлении. Стеснялся разочароваться — вдруг столкнусь с непониманием и это окажет неправильное влияние на его восприятие мной? Есть люди, с которыми «тьмы низких истин дороже нас возвышающий обман», т. е. не хочется делать того, что, возможно, разочарует. Так происходит обычно с самыми любимыми людьми. Стеснялся ещё «коррупции» в собственной голове — ну, после регулярных редакторских просьб (участие в опросах, в том же «Полёте», ну как после этого посылать ещё свои стихи. Теперь этот шанс навсегда упущен, гештальт остался незакрытым). Вот и я был в тени — но в полезной тени, редакторской и культуртрегерской, отчего, думаю, вызывал у него иногда чувство некоторой назойливости и даже ситуативного раздражения. Но умножать его присутствие в пространстве и времени считал и считаю необходимым.

Как жаль, что это длится теперь без его физического присутствия. Чувствую обеднёнными идущие за нами поколения поэтов, которые будут лишены разговоров с ним.

26 сентября 2023

В ореоле смерти

Дни какого-то адского пиршества смерти. Вслед за подвижником, издателем Сергеем Слепухиным — Андрей Тавров, Борис Останин, теперь вот Юрий Кувалдин и Даниил Чкония. От 21 сентября и окружающих эту дату дней ничего хорошего и не ожидал, но, ради бога, живите, я уже не могу проводить столько мемориальных опросов. И издания, для которых я провожу, их не вместят.

Кажется, теперь любого человека вижу в ореоле смерти, не вечности, непостоянства земного существования. Пугающее, в чём-то и настраивающее чувство, в чём-то и «подстиланье

соломки», готовность к неизбежному; но лучше бы его не было, лучше плодотворная иллюзия вечности.

27 сентября 2023

Форточка и бесы

Когда умирает светлый человек, держащий мир на своих плечах, немедленно открывается форточка, в которую влезают дьявольские силы. После смерти Людмилы Вязмитиновой Виталий Пуханов писал о том, что она держала собой дверь (заслоняла? формулировку точно не воспроизведу, но смысл таков), за которой прятались бесы; сейчас её нет, дверь открыта, и они полезли во всей своей адской бесстыдности. Что-то похожее ощущаю и после ухода Андрея Таврова. Видимо, это время нужно просто перетерпеть. Метафизически особенное время.

28 сентября 2023

Об Андрее Немзере

Об ушедшем в эти дни Андрее Семёновиче Немзере вспоминаю с теплотой и любовью.

В 2011-м и 2012-м я участвовал в его семинаре на Совещании молодых писателей в ЦДЛ, и это было незабываемо. Эти критические семинары многому меня научили — в смысле композиционной техники статьи и всяких частных моментов, на слова Немзера о которых продолжаю, сознательно или нет, опираться спустя годы.

Знаю, многим он не импонировал резкостью оценок, но я всегда чувствовал в нём глубинную порядочность. В нём как в личности, помимо выдающегося знания историко-литературного контекста, интересен был мгновенный переход от рассудительности к мгновенному закипанию — и их сочетание в процессе речи. И даже в процессе закипания разговор иногда парадоксально выстраивался с позиции вспыльчивого хладнокровия (в его случае такой оксюморон будет оправданным), наблюдать за этим

казалось занимательным. Вообще, Немзер для меня — это случай, когда личность человека и беседы с ним интереснее его статей.

По ощущениям, это был страстный идеалист в критике. У Сергея Чуприна есть посвящённая ему статья «Мечтатель Немзер», очень трогательная. В ней повествуется как раз об идеализме критика, о попытке выстроить в литпроцессе свой мир из любимых писателей, об искренней борьбе за эту иерархию — и о крушении идеалов: на первый план выдвинулись совсем не те авторы, из которых критик годами строил свой Город Солнца. В своей статье Чупринин как-то связывает постепенное разочарование Немзера в современном литпроцессе с его уходом в академические штудии. (Это была вторая ипостась Немзера, и в последние десять лет он занимался только ей, полностью отодвинув от себя современность. В этом мне чувствовалось что-то болезненное, связанное с отчёркнутой для себя раз и навсегда территорией. Ну, примерно как демонстративно не вспоминаешь о предавшем человеке.) Характерно, что интервью о своём уходе из критики он отказался мне давать — с какой-то формулировкой, что, мол, не к лицу ему строить из себя эстрадную певицу на пенсии, поливающую шоу-бизнес отходами разочарования, а лучше уйти с достоинством.

Поэтому именно об истории литературы, а точнее, о Шаламове и Солженицыне (о новейшем — нет-нет-нет), мы и беседовали у него дома в 2018-м для «Учительской газеты». Но и это интервью было интересным. В частности, запомнилось страстное отстаивание Шаламова в известной дискуссии о его нападках на Солженицына. Не то чтобы Шаламов был прав, но, как выразился А. Н., «нас там не стояло»; говоря об этих почти безумных выпадах, стоит принимать во внимание судьбу писателя, пережившего ужасы и доведённого до нищенского и унижительного состояния по сравнению с более удачливым Солженицыным.

20 декабря 2023

Кутенков как домработница Донцовой

...Вообще, в жизни есть немалый цинизм; вчера написал пост (в отсутствие интернета, на безынтенетном ноуте, чтобы потом

опубликовать) про опрос памяти себя, а сегодня, узнав о смерти А. Н., предлагаю «Формаслову» опрос его памяти. Напоминаю себе домработницу из автобиографии Дарьи Донцовой, которая, «узнав» из газет о том, что её хозяйка повесилась, мгновенно приготовила вкусные блинчики, а потом, выяснив, что та жива, наvertела мяса и внутрь закинула («не пропадать же добру»). Вечное это противоречие между деятельностью и этикой, между человеческой трагедией — и материалом, который неизбежно творится из этой трагедии. Между интересами человека и интересами культуры, в конце концов.

20 декабря 2023

Поцеловать Юнну Мориц

Границы между работой и жизнью, понятно, стали весьма неопределёнными. Но выбрался в гости к чудесной А. А. С ней, как всегда, диалог получается насыщенным; попытаюсь по пунктам рассказать о самом важном.

1. Обсуждали и мои стихи, и стихи А. Вновь удивительная предсказательная сила поэзии: в моём стихотворении, посвящённом ей, описан интерьер квартиры, в которой я доселе никогда не был. Удалось и найти символическое обоснование строк про «четыренадцать целых лет» (цитата из песни) и про «несладкий чай». А. — мандельштамовед, поэтому прекрасно видит все ассоциативные оттенки в стихах, которые мне не приходили в голову.

Разбирали и моё прошлогоднее публицистическое стихотворение, которое перестало казаться мне таким прямолинейным. В частности, строки «к нам гастроном плывёт торцом, не ставший подлецом», написанные довольно-таки интуитивно, оказались осмыслены чуть ли не в контексте истории России последних 30 лет. А. вспомнила поэму Цветаевой «Автобус» про человека-«гастронома», видимую мной совсем в другом ключе: зашёл разговор и о позиции Гаспарова, который наблюдал там критику мещанства, и о возможном описании психопата. А сейчас стало интересно, как этот Психопат отразился и в моих строках.

2. А. А. — первый человек, с которым обсудил роман Марининой «Тот, кто знает». Его А., оказывается, читала. Давно мечтал. И даже побудил её взять в библиотеке и перечитать. Анализировали один из главных мотивов Марининой — крах стремления к справедливости, погружающий героев в пустоту. Эта пустота словно и не обусловлена всем сюжетом романа и судьбы — и парадоксально оказывается объяснимой именно в силу маниакально выстроенной версии, замкнутости героев на единственном варианте развития событий. Говорили о том философском «зазоре», который возникает в её прозе как следствие этой «необусловленности» обстоятельствами — и понимаемой нами постфактум их предельной взаимосвязанности.

Обсуждали и биографию Дарьи Донцовой. Здесь не сошлись во мнениях, но строки Полозковой: «У меня к нему, знаешь, детство. / Детство — это неизлечимо» вечны, поэтому на всё, что связано с Донцовой, я смотрю с позиций детской необъективности.

3. Говорили о соотношении между страстью к детективам — и занятиями литкритикой; об исследователе как следователе. Я вспомнил Аллу Латынину, которая стала для меня именно примером критика-следователя — так строит свою статью. Книжки, о которых пишет (увы, писала) Латынина, я обычно не читал, но её статьи читал всегда, ибо они построены как увлекательный детектив. Кто-то назвал её «Мисс Марпл русской критики».

4. Говорили о Юнне Мориц. Вообще, интересно, как «педагогическую» страсть — внутреннюю ответственность за талант незнакомых людей — я «приобрёл» от людей, которые сейчас ну ээээ. Не знаю, есть ли тут взаимосвязь.

Я вспомнил, как Юнна Петровна настойчиво, через мужа, не дозвонившись до меня и не дописавшись по электронной почте, передавала в 12 ночи распечатанный листочек с разбором моих стихов (противоречивым, но адекватным и интересным). Как ей это было важно. И как мужу было важно исполнить её поручение. Как вообще в советских поэтах жила тяга к этой педагогической обеспокоенности, к тому, чтобы откликаться на стихи молодых. (Может быть, и прав Николай Милешкин, говорящий, что во мне

живёт ностальгия по советскому.)

А. вспомнила, как подошла к Юнне Мориц во время выставки, подписала у неё книгу, когда она сидела одинокая (никто не подходил), и поцеловала.

Я бы тоже поцеловал.

4 ноября 2023

Разведка души

Татьяна Александровна Сотникова (признанная сегодня иноагентом, о боги, как же это странно произносить) — одна из лучших людей, которых я в принципе встречал в жизни. И литературно очень значимый для меня человек.

В 2005-м году, одиннадцатиклассником, у неё на творческих студиях в литературном Лицее (так назывались подготовительные курсы, которые она долгое время вела в Литинституте) я впервые в жизни читал стихи вслух. Тогда было ОЧЕНЬ страшно. Юноша из аудитории гневно выкрикнул мне: «Молодой человек, вы Есенина читали? Ваше стихотворение очень похоже на „Ты меня не любишь, не жалеешь“, и это плагиат». А сама Т. А. дала мне совет «обрести истинное лицо в поэзии», и, видит бог, эти простые слова очень многое определили в моей литературной жизни. Ну, в общем, если это агентура — то Татьяна Александровна достойно разведала мою душу.

А ещё это уникальный человек, который хоть как-то смыкает малопересекающиеся территории диалога — меня и мою бабушку (для бабушки беру в библиотеке её книги). Как нас с ней вообще сближает преимущественно массовая культура.

Многие поколения учеников обязаны Татьяне Александровне первыми советами и поддержкой. Но — забавно — также ей обязана Дарья Донцова, по собственным словам ДД. Тогда же, в 2005-м, в её автобиографии «Записки безумной оптимистки» я прочитал очень тёплые слова о Сотниковой. По словам иронической детективщицы, Татьяна Александровна в то время была рецензентом издательства «Эксмо» и вытащила рукопись неизвестной писательницы из самотёка. А поскольку я, одиннадцатиклассник, был в восторге от Донцовой, то наша лицейская преподавательница

вознеслась в моих глазах до размеров Эйфелевой башни. Книгу я притащил своим подругам-лицеисткам с горящими глазами: «Вы представляете, это ОНА! Это ОНА открыла Донцову!!».

(Сама Т. А. этот случай опровергает и говорит, что это миф Донцовой, — но, мне кажется, и он что-то определил в моём дальнейшем желании заниматься культуртрегерством. Хотя никакую Донцову я пока не открыл и не закрыл. А вот Т. А. открыла Кутенкова.)

В дальнейшем мы продолжали дружбу, общение и литературное сотрудничество, я много раз имел повод убедиться в её доброте, душевности и, там где это нужно, в правдорубстве и прямолинейности суждений. И, в общем, горестно очень находить любимых людей в этих списках. Остаётся радоваться, что с ними (некоторыми из них, как в данном случае) всё формально в порядке и они в безопасности. О боги, как горестно.

18 августа 2023

Памяти Бахыта Кенжеева

Бахыт, Бахыт!..

И наше интервью 2012 года на московской кухне где-то близ метро Белорусская («Я даю интервью для журнала «"Сельская молодёжь"», — хвастливо, своему другу, хозяину квартиры... Петру Образцову?). «Я не даю интервью журналистам, которые не пьют со мной водку!»

И настойчивое «Борь, ну как с личной жизнью-то?» (без каких-либо намёков, но так, будто поговорить об этом для него сейчас — вопрос жизни и смерти).

И тирада о романах Леонова, который «не любит своих героев» по сравнению с Толстым (я цитировал эти его слова как раз в прошлые выходные на семинаре прозы).

И о «не очень утешительной концепции жизни и судьбы поэта», и о многом другом*.

Кроме этого: «Мы с Цветковым знаешь как разговариваем

* Интервью см. на портале «Сетевая словесность»:
<https://www.netslova.ru/kutenkov/kenzheev.html>

о стихах? Я ему звоню, говорю: „Лёха, ты чего такую х...ню написал?“ — „Бахыт, да пошёл ты на х...!“». И что-то ещё, не сохранённое памятью, сгинувшее вместе с диктофоном.

Отношения с моими стихами у него никогда не были простыми: критика в нём боролась с присущими ему доброжелательством, мудростью и желанием поддержать молодых. У меня с его стихами — тоже. Мне они не были близки по темпераменту — не хватало дисгармонии или горчинки, которой в избытке у его коллеги и друга Сергея Гандлевского; их осенний мудрый свет никогда не совпадал с моим умонастроением. В них много о спасительной функции искусства и много благодарности бытию — что мне с годами становилось всё менее близким (имхо) и вызывало скорее добрую зависть к мироощущению. Но о них в эти дни скажут много всего другого без меня.

Бахыт дважды участвовал как критик в нашем «Полёте разборов» — и на одном из них, в начале 2022-го, высоко оценил талант Златы Яновской и Евгения Мартынова. Помню, как Злата обрадовалась, узнав, что её стихи прочитает Бахыт Кенжеев, — и я вспомнил свой опыт, и не обманулся. Летом 2023-го, во время следующего участия, он прислал совсем другие рецензии (о подборках, на мой взгляд, такого разгрома не заслуживающих; с тем его отзывом спорит Ольга Балла в недавней знаменской рецензии на книгу Тамары Жуковой) и сам же назвал их в письме «скрипом стариковских костей». Те рецензии вызвали довольно насмешливый резонанс, и о них меня спросили, кажется, все. Я почувствовал тогда: что-то не так. Но о самочувствии оставалось догадываться и предполагать...

27 июня 2024

Феликс Максимов: незабудка на шляпе

Вычитываю новый опрос об итогах года, который провёл для «Формаслова». В нём, к моей чести, приняла участие и Ольга Александровна Седакова — и рассказала только об одном авторе, Феликсе Максимове. О «новой возможности», найденной в его стихах и прозаических текстах. В интернете о нём фактически ничего нет, я даже не знаю, когда он родился и откуда он. Только

стихи и короткие прозаические отрывки. Какой-то самородок.

Критики рассуждают о тенденциях литпроцесса, книгах, хороших и разных; ругаются на историю с премией Андрея Белого; пишут о здесьиздате и тамиздате... А Ольга Александровна со свойственным ей королевским пренебрежением к литпроцессу пишет об одном Феликсе Максимове. И в этом есть правда, несколько демонстративная — но правда.

Стихи Максимова правда удивляют, но сколь многое сейчас эстетически удивляет; на этом фоне не согласен с респондентом, пишущим, что «литература больше никого не интересует» и всё затмила политизация. Самое сложное для культуртрегера, редактора сейчас — не просто найти явление, а преодолеть искушённость. Отыскать какую-то золотую середину между рутинизацией — и бескорыстной погружённостью; между моментами самодисциплины, расставлением реперных точек повседневности — и искренней заинтересованностью; между ощущением поэзии, «снимающей верхушку черепа» (по Эмили Дикинсон), — и тем, чтобы это не было простое соответствие эмоциям, «про меня». Кажется, после стихов Степана Самарина (прочитанных в декабре 2022-го) и Стаса Мокина (прочитанных весной этого года и распознанных далеко не сразу) не соприкасался с ощущением такой «новой возможности», именно счастливым совпадением внутренних задач поэзии — с задачами внутреннего вопрошания. Хотя талантливого и радостного было много. И есть кого публиковать на «Прочтении», очень даже есть кого приглашать на «Полёт».

И это только совпадение (а может, и не только), что два упомянутых автора вместе делают журнал.

А вот Феликс Максимов. Хороший.

«Выйду на ночь глядя, хозяин!

Я — парень рисковый!»

И с пьяною песней

Спустился с крыльца...

В ельник, что как призрак

Лохматый оленьего стада.

Стоял на краю каменистой равнины,

Готовой к восстанью.

Заблудился. Хлебом чёрствым
Грел ладони, сумку бросив,
В снег упал и начал грезить:
Всадник, человек и парус
Выплыли, кивнули, стали
Вьюгой. Одолела тьму
Память. И несло над ним
Святочных сирот игрушки,
Изолгавшихся друзей,
Кисею актёрских платьев,
Розовую с пестротой дешёвой.

Небо сомкнулось с землёю,
Суровой, чем губы.
И смерть, как уборщик брезгливый,
Его волокла.

К детям, тетёркам и зайцам
Являются ангелы тёплые
И унимают метель.
Но ребёнком он не был.

Путника отрыли волки,
Улеглись вокруг и грели,
Крутолобые, покуда
Смертный хрип не стал дыханьем,
Почерневший рот-улыбкой.

Утром, пробудясь, нашёл,
Семь проталин, нетронутый хлеб,
Шерсти вмёрзшие клочья...
А пустошь играла
Ровным солнцем на шляхе
И сухой незабудкой на шляпе его.

24 ноября 2023

Надо написать что-то осмысленное-хорошее о Льве Семёновиче Рубинштейне, мыслями о котором мы живём последние дни. Сделаю, пожалуй, чуть дополненный микс из того, что писал о нём в разные годы. Всего насчитал 5 интервью с ЛР для разных изданий: две — «Учительская газета», две — «Формаслов», одна — Textura, одна — «журнал на коленке».

Последняя наша беседа, в которой принимали участие ещё Алексей Либштейн и Григорий Батрынча, состоялась этим летом на Чистых прудах, мы проговорили где-то четыре часа. На прощание я проводил Льва Семёновича прямо до Марьиной Рощи (это две станции от моей); он тогда казался таким хрупким в силу маленького роста и подслеповатости; я пожелал быть осторожнее; кто бы знал, что эти слова обретут так скоро столь трагический смысл. И теперь эту станцию невозможно проезжать без воспоминания о случившемся, она стала местом немыслимой трагедии, не укладывающейся в голове, не имеющей логических или метафизических объяснений.

Интерес к творчеству Льва Семёновича для меня начался сравнительно недавно, когда в 2018-м вышла его книга эссеистики «Что слышно». В ответ на мои восторженные впечатления о книге — избранном из нескольких эссеистических сборников разных лет — несколько доброжелательных коллег с удивлением закатили глаза: «Тебе нравится Рубинштейн? Никогда бы не подумал!» (имея в виду поэта, а не эссеиста). Подобная реакция ставит вопрос не только о моей, видимо, репутации ретрограда в их глазах — которому никак не могут быть близки рубинштейновские «карточки» — но и о легитимности Рубинштейна в первую очередь в качестве поэта, что позволяет затронуть, в свою очередь, проблему соотношения двух видов письма в его творческой практике.

С тех пор я лучше стал понимать и «карточки», и концептуализм вообще, и в совокупности с его эссеистикой они обрели для меня свойство целостной системы под названием «Лев Рубинштейн».

Что общего между его стихами и эссеистикой? Пожалуй, принципиальная незаконченность: как перформативный жест

оказывается открытой системой, разворачивающейся в восприятии читателя в нескольких направлениях, так и эссе обладает открытым финалом, тем избегает пафоса завершённости и дидактики учительства — несмотря на предельную внятность авторской позиции.

По-зощенковски тонко вкрапляя бытовые эпизоды в эссеистику — и вуалируя при этом элемент автобиографичности (истории эти почти всегда написаны не от первого лица, а происходят со знакомыми, друзьями, родственниками автора), Рубинштейн создает вокруг «семантического облака смыслов» применительно к заявленной теме атмосферу зоркого наблюдателя. И в этом можно увидеть переключку с заветом близкого эстетически и поколенчески Сергея Гандлевского: «Это всё дорогостоящие мелочи мира, в котором мы почему-то очутились на время в первый и в последний раз. Стыдно быть глухим на ухо и подслеповатым». Смеёшься по мере чтения его текстов постоянно, ведь более всего эссеист далёк от интеллектуальной угрюмости — даже при разговоре на серьёзные темы.

Есть что-то и более сущностно важное, чем значимые смех или зоркость, в том настроении, которое дарят его работы. Сам автор в одном из эссе говорит об «энергии сопротивления» цензуре, самоцензуре, общим местам как о «продолжении жизнедеятельности», и в этом видится не просто концептуалистский жест, а настоящий гуманистический выбор. Высказывания такого человека, как Рубинштейн, — который со всей присущей ему энергией сопротивления ратует за осмысленный выбор: и языковой, и — больше — личностный — и не боится провозглашать «немодную» правду о своём времени, — сегодня невольно внушают энергию другого рода. Я бы назвал её энергией спокойствия — именно она передаётся читателю со страниц его книг вопреки тревожным констатациям и прогнозам. Здравый смысл, явный в каждом рубинштейновском предложении, в каждой букве, — тому порука.

Пусть даже этому спокойствию и здравомыслию сегодня противоречит всё вокруг.

12 января 2024

Назад, в небытие

Было горе, будет горе, горю нет конца. Умерла моя дорогая подруга и ближайшая литературная соратница Елена Семёнова, просто не вернулась из того сна, в который последние год-два на глазах её утягивала страшная рука небытия. Пока не пришла эта рука — и в её кратковременных, но счастливых отлучках, — мы с Леной работали плечом к плечу (всего — около десяти лет), сделали с ней и Николаем Милешкиным вместе кучу книг, объездили кучу городов с их презентациями, сделали и объездили бы ещё больше. Масштаб нашего созидания был невероятен и невиден, результаты — огромны и тоже не так видны со стороны (но отражены в разных расходящихся брызгах наших камешков). Возможно, «засвечен» был больше я, но — всё благодаря ей. Первый том антологии «Уйти. Остаться. Жить» она убедила меня доделывать во время моей паузы неохоты, завершить дело, поставленное на «стоп» и, по моему мнению, непонятно кому нужное. То, что оно очень нужно, выяснилось потом.

Все редколлегии нашего мемориального проекта, во время которых мы спорили, готовили книги, смотрели вёрстки, — созидали, одним словом, — проходили у неё дома на Щукинской. В день, когда пришло страшное известие, мы собирались встретиться в очередной раз, там же, затем же; я встал ради этого пораньше, чтобы сделать другие дела, и новость застигла меня за два часа до встречи.

Прерывание всего этого по чьей-то злой воле обозначает, что и начало 2024-го года засвидетельствовало, видимо, конец какой-то эпохи. По крайней мере, для меня, но — может, это и невидимо, — для литературы, поскольку и Лена была её, возможно, не столь заметным, но полезным и деятельным винтиком. В газете «НГ Ex Libris», где Лена трудилась, она публиковала много важного — и умела различать талантливое, и однажды на моих глазах единственная всмотрелась в стихи молодого талантливого поэта, которого, к моей злости, никак не хотели брать все другие издания, — мол, неизвестен, не имя, — и сделала подборку его стихов. И такой случай — не единственный. Некоторое время, пока существовал сайт «Современная литература», писала там статьи для нашей мемориальной рубрики. Придёт ли время для достой-

ной оценки всего этого труда?..

Про всё это — и наши встречи, и деятельность Лены, — можно рассказать подробнее и даже написать целый документальный роман, но пока нет нужных слов. Всё намеревались с Леной и ещё двумя коллегами встретиться у неё и подготовить для газеты полосу шуток — забавных историй и анекдотов из литературной жизни, которые наговорили бы на диктофон. Вместо этого 12 января в «Независимой газете» появилась полоса горя.

Я ещё ругаюсь на неё как на живую: «Ленка, возвращайся, не дури, на кого ты нас оставила». Слышу её голос, такой детский. В последний раз слышал его по телефону в новогоднюю ночь — речь всё из того же страшного сна убывающего времени. Времени, возвращающего назад, в небытие-впадение-в-детство. Время до рождения. «В том, что мы в детстве ближе к смерти, / Чем в наши зрелые года».

15 января 2024

Об идеализме

Смерть друга внезапно открывает до боли отрезвляющий взгляд на отношения — и прижизненные, и посмертные. Они предстают без иллюзий, с печальной дистанции — без ангажированности, связанной общим проектом или теснотой присутственной нежности. Внезапно замечаешь, что смотришь на них устало и слегка цинично.

Грубеет кожа, сбрасываешь с себя ложные обязательства, уже будучи научен горьким опытом и избегая романтизации; горестно отдаёшь приоритет рациональным интересам дела. В то же время скучаешь по себе прежнему, идеалистическому, в прошлом не столь загруженному бытом — и столь воспарённому, что готов был взяться за громадный — и прагматически бессмысленный — жест памяти, не особенно отдавая себе отчёт в его необходимости. Право же слово, было хорошо устроить краудфандинг на книгу, не нужную «литературному сообществу» и пылящуюся сейчас на балконе всеми своими увесистыми томами, — и обжечься, поревновать всех, обвинить мысленно в неблагодарности и равнодушии. Вылезти вон из кожи в этом процессе издания

и трезво оглядеть результаты сделанного. С этой оглядкой — приобрести новую кожу, новый взгляд на человеческие отношения и на то, как работает механизм памяти и забвения, не подогретый делом, культуртрегерским действием, прижизненным настаиванием человека на собственном присутствии; как быстро забывают здесь человека публично, несмотря на все твои танцы, и как короток, редок, индивидуален жест незабвения. Оборвать себя на идеализме, который побуждает второй раз «вляпаться» в тщету публичных усилий.

Отбрасываемый, как кожа, идеализм — печален. Именно замечая его недостаточность в себе, наверное, фиксируешь старение, а не с новой потерей. Хотя отбрасывание его и есть следствие потери — прямое и незаменимое.

И всё же он нужен, ибо без него не делалось бы ни хрена, и с радостью фиксируешь в себе его остатки.

11 июня 2024

Репетиция пространства

Думаю о том, что физическая (и не только) утрата близкого человека непременно означает утрату топографического пространства, с ним связанного, — и закрепляет в вечности множество эпизодов, связанных с этим топосом. Она как бы сливает эти эпизоды в один, что-то вроде светового пятна, которым теперь предстаёт эта цепь встреч — конечно, разных по своей атмосфере и внутреннему устройству. В конечном счёте происходит повышенная семантизация этого топографического отрезка, где утрата становится неотделима от приобретения. Ты приобретаешь пространство, которому ранее не придавал значения или придавал мало; теперь оно твоё, всё, — в неразрывной цепи воспоминаний, невозвратной (даже если туда вернёшься случайно — но тот район, та улица так или иначе невозвратимы всё равно). Навечно.

Таким будет, например, всегда район Юго-Западной, где столько вечеров проводили у покойных ныне Людмилы Вязмитиновой и Андрея Цуканова — столько зумных «Полётов разборов» там случилось — или где, например, в 2021-м брали интервью у Анны Наринской (ныне признанной в РФ иноаген-

том); тогда же — у Веры Павловой, а чуть ранее, страшно сказать, у Родиона Газманова. Сейчас, казавшийся вечным, это какой-то единый световой блик, который лишь усилием можно разделить на отдельные отрезки. Или пространство движения от метро Щукинская до улицы Рогова — длиннющий, в девять лет, отрезок времени и вечности, который кончился с уходом из жизни Елены Семёновой, и этот миллион встреч видится теперь как нечто безумно ценное и целостное.

Частенько хочется воскликнуть: «Хватит! Чрезмерно!» — по мере накапливания этих топосов, которые есть не что иное, как жестокое выбивание тебя из клеток инерции и постоянства. Сбрасывание старой кожи.

Пространство репетирует тобой, взрослит, готова к новым уходам. Напоминая о невечности всего (всего ли?) и делая в каком-то смысле неуязвимым. Проводя с тобой жестокий урок названного богатства, непрерывного приобретения.

18 мая 2024

Грёбанный смертепад

Отправляя традиционный ежемесячный обзор периодики, каждый раз замедляешься — а не умрёт ли кто-то ещё (сейчас вот пришлось добавлять о Кенжееве) — одёргивая себя и ловя на противоречии жизненной логики и цинизма, граничащего с прагматизмом. Смертепад жуток, но тенденция неизменна: умирают лучшие. За последний год или больше эта грёбаная тенденция ещё ни разу не изменила себе. Но, вспоминая Андрея Таврова или Мариэтту Чудакову, ушедших раньше, на високосный или ещё какое-то глупое суеверие списать не получается.

27 июня 2024

Пить коньяк по утрам

Друг (обладающий способностями сверхзнания) спросил о причинах моего «нежелания заглянуть за границу смерти», о том, почему не стремлюсь понять больше. Я в ответ назвал целых три

причины, среди которых — трансформация темы смерти в поэтическое переживание; самое точное, самое уникальное самопознание, то, что выше логических доводов. Человек остался не удовлетворён ответом — «я так и не понял причину нежелания заглянуть»; я ответил, что в последнее время мне всё чаще задают вопрос Карлсона, адресованный Фрекен Бок («Ты перестала пить коньяк по утрам?»), т. е. собеседник заранее перетягивает на свою сторону, в подразумеваемое пространство, которое, может быть, не слишком относится ко мне. Фрекен Бок, как мы помним, от такого вопроса грохнулась в обморок — я же иногда просто раздражаюсь; с другой стороны, частенько делаю так же в интервью, невольно создавая «свою» ситуацию для собеседника, и оказываюсь разочарован ответом. Самодостаточен вопрос с его литературной фантазией, выдуманностью и стройностью всех аргументов — ответ же только разрушает иллюзию и в этом смысле становится неудобным.

В процессе диалога вышли на несколько любопытных вещей:

— О моей любви к ситуации, когда мне задают вопросы, — и о том, что сам задаю их редко и искусственно; о ситуации интервью, которую искусственно создаю вокруг себя как пространство преодоления эгоцентризма; о любви моей к интервью. То есть — к ситуации, когда переламываю эгоцентризм, задавая вопросы (и порой вынужденно задаю тот самый вопрос Карлсона). О внутренней необходимости такого переламывания в рамках интервью.

— О ситуации моментального понимания и знания о другом, которая оказывается выше слов, выше вербального; об этом спросил друг, было ли у меня такое. Я вспомнил недавнюю историю, когда показывали передачу о Рыжем с моим участием; проснувшись, я неосознанно понял, что её смотрел близкий человек, с которым давно в тяжёлой ссоре, что видел меня по телевизору и как-то эмоционально реагировал. Во сне тяжело ругались, очень тяжело. Деталей не помню (редко запоминаю свои сны, и удивительно, что запомнил этот), только крики и ситуацию взаимной перепалки — и как проснулся с ощущением, что меня

наблюдали по телевизору и в этот момент во сне произошла жутковатая коммуникация. Впоследствии узнал, что человек ту передачу действительно смотрел.

Моменты разговора эти, в общем, не имеют какого-то общего вектора, но показалось важным зафиксировать их — чтобы, возможно, впоследствии выйти на что-то большее. Если повезёт.

22 сентября 2024

За чтением Ольги Балла

На полях замечательного «Дикоросля-5», в качестве ситуативной полемики — именно что осознанной как ситуативная, ибо вызвана мучительными обстоятельствами, в которых адресующий её, полемику, оказался. И уж точно не превосходя адресата по мудрости обобщения (и сестрицы её, отстранённости от себя, от своего эго, способности поглядеть шире собственных рамок).

«Не вздумай поэтому докучать Адресату, в Которого ты и не веришь, просьбами: „Дай! Дай!“. Возблагодари Его лучше (ну умеешь же, хоть и не веришь, знаю я тебя) за щедрый, мучительно щедрый, почти невообразимо щедрый дар отсутствия», — пишет Ольга.

Не докучаю. Но и благодарить не могу. Не верю и не умею. Всё отчётливее становлюсь осознанным атеистом, ибо перестаю видеть в действиях Адресата хоть какую-то логику и связность, созидательный потенциал этих перемен (если он и есть как вышибание из инерции, то с ним уже давненько явно переборщили). Превращаюсь отчасти в Иова, отчасти — в героя «Бремени страстей человеческих» (Мозм), хромого Филипа, который усердно, долго, верующе молил о собственном исцелении — и трагически разочаровался в Боге, в самом Его присутствии. Когда-то, ещё в 11 лет, этот прочитанный эпизод поразил меня и не перестаёт занимать.

«Дай! Дай!» не кричу, но «Не отнимай!», «Не отнимай!» — вполне (себе, впрочем, вполне противореча — точнее, предыдущему написанному абзацу). Держась за некую мифическую — и осознаваемую как мифическая — опору, потому что «в хаосе

надо за что-то держаться, / а пальцы устали и могут разжаться» (Л. Миллер).

(Кто-то скажет: какая же это полемика? Просто спор с двух различных мировоззренческих позиций. И, возможно, сие есть недорастание как раз до мудрости адресата-Ольги — в своём неверии, разочарованности и противоборстве Адресату.)

Но всё же формулировку «щедрый дар отсутствия» моя душа сегодня активно не может принять, она вопиёт против неё. Возможно, будучи болящей и измученной и потому не способной на обобщение, хоть как-то отстранённое от себя и от личных тягот. Этим я не хочу сказать, что не измучена душа автора исходной формулировки, — так что возвращаемся к пункту первому, временной неспособности к широте обобщения.

Возможно, такая способность наступит позже...

26 февраля 2024

Праведной неправотой

Ещё читая Ольгу Балла (эссе «О танатологии странствий») — и вновь обращаясь с позиции ситуативной полемики нервной души к высоте мудрого обобщения.

«Особенная сила воздействия других городов — в том, что они не о тебе. Они все — о том, что с тобой никогда не случится и не имеет к тебе никакого отношения. Они все — о том, что мир может без тебя обойтись и прекрасно обходится».

Да я и без городов прекрасно знаю, что прекрасно обходится. Всё доказывает, что «не имеет к тебе никакого отношения», и лишь исключения плодотворны и созидательны.

Мне, пожалуйста, сейчас не отрезвляющей правды и не широту мудрого обобщения (этого с избытком, сполна, по переносицу), а силы иллюзии, которая давала бы работать и вдохновляться вопреки этой правде. Пусть и правдивой правде. Пусть и отрезвляющей правде.

Что вновь не отменяет правоты исходно сказанного — и возможности посмотреть на него сквозь чистые очки. А не запятнанные миром «со всей его правдой неправой и праведной неправотой» (чуть перефразируя Тарковского).

26 февраля 2024

Смерти лучше не зови

Друг заметил, что в последнее время вопреки себе часто пишет о смерти, видя в этом своеобразный опыт борьбы с ней. Но опасается, чувствует в то же время некоторое её притягивание. Я в ответ вспомнил Пастернака, который советовал молодому Евтушенко не описывать собственную смерть в стихах (в дальнейшем Евтушенко сожалел в статье о Рыжем: «Жаль, что у него не было такого Пастернака, который бы посоветовал ему это»). И Тарковского с его «опасайся предсказаний, / смерти лучше не зови» и «на тебя любая строчка / точит нож в стихах твоих». Корифеи знали, что говорили; в то же время прав и возразивший мне на презентации коллега, сказавший, что такой запрет себе писать о чём-либо — самоосаждение, подавление творческой воли, фактически невозможное в процессе сотворения подлинного поэтического текста.

Правы и Кенжеев, когда-то сказавший мне в интервью, что «каждая такая строчка [как у Пушкина] — это уменьшение жизни на год», и — как бы в противоположность всему вышесказанному — Кубрик, посоветовавший юному мне «рисковать в стихах»: «Всё хорошо, кроме того, что вы в стихах не рискуете». Меж тем, ясно, что тексты Евтушенко, которому «посоветовал» Пастернак, как раз вне зоны эстетического риска, в отличие от губительных и подлинных стихов Рыжего, заигрывающих со смертью. Рыжий остался не просто в истории — в Истории, то есть в страшном раю поэзии.

Одновременно с этими моими рассужданами друг пишет из тюрьмы о моём стихотворении, написанном буквально в ночь после его ареста: «Знал бы он, какие вещи он угадал». Загадочные для меня слова; а за несколько дней до случившегося было «и поёт мне в землянке огонь о неслыханном зэке» — совершенно странная для меня строка, как раз в цикле памяти Кубрика. Говорить о каком-то предсказании тут слишком самонадеянно — хотя ранее явно было и такое. Запрещать себе (да и что именно?) — глупо: один шаг до самозапрета на сам факт сочинительства.

Ясно одно: обсуждая это, мы никогда не вступим в зону верифицируемого, всегда останемся в пространстве некоей иллюзии.

И всё же как хочется жить, жить, жить, хоть на литейном за-

воде служить. Вопреки гибельной тяге к стихам, их страшным и смертоносным предсказаниям, угадкам, ускоряющему самопознанию. Да к чёрту их, если рассудить рационально. Воля к жизни сейчас побеждает эстетическое — такое время, которое ставит лицом к лицу с этими вопросами, фактически устраняет эстетику, так как мы слишком близко к смерти реальной, а не той, что находится в пространстве догадок и стихов.

И тем важнее найти баланс между этой волей к жизни и эстетическим, против которого вопиёт всё. Остаться в пространстве риска, в том страшном и райском. Как? — вопрос. Видимо, уходя полностью в «запретное», стихи как преступление, по Таврову.

23 октября 2024

Когда пришли за мной

Как-то впервые осознал — читая замечательную книгу Станислава Айдиняна об Анастасии Цветаевой, Горьком и Пастернаке, — что история с «Доктором Живаго» разворачивалась по следам трагедии Пастернака. С арестом горячо любимой Ольги Ивинской (прообраз Лары), её жестокими пытками, убийством их общего ребёнка. И некоторое безумие в противостоянии соввласти, и «первый советский самиздат» (как пишет Чупринин о «Докторе Живаго»), и вся внешняя нелогичность этой истории с романом, так похожая на вызов Мандельштама тирану, — так далёкие вроде бы от часто конформного и оберегающего себя Пастернака — обретают какую-то диковую связность и логику отчаяния.

«Когда они пришли за мной, молчать уже было некому...» и так далее. Весь конформизм, все уступки в обществе удушающего тоталитаризма возможны до определённой степени. В какой-то момент наступают отчаяние и вызов — сознательные ли, неосознанные, но по-иному уже невозможные. Начинаются дерзость и сознательное движение к гибели, ибо два шага назад — это уже за пределами границ совести. У поэта — часто далёкие от всегда связной и понятной логики конформизма.

И к историям сегодняшнего дня это, увы, тоже относится.

22 декабря 2023

Между Ахматовой и Зощенко

Часто вспоминаю актуальный для наших дней знаменитый эпизод встречи Ахматовой и Зощенко с английскими студентами. (Если вкратце: Ахматова в послеждановской ситуации спокойно и лицемерно ответила, что «абсолютно согласна с постановлением партии», Зощенко начал активно доказывать свою правоту и этим подвёл себя под монастырь.)

Что, собственно, хочется сказать в этом смысле в контексте себя?

Что моей органике соответствует скорее поведение Зощенко — прямолинейное, взрывное, темпераментное, доказующее. Не имеющее в виду прицел на будущее, а «про сейчас». Недальновидное.

Но в наши дни всё чаще приходится отвечать как Ахматова. С хладнокровием, пониманием ситуации, разумной опасливостью — и заделом именно на перспективу.

К этой теме возвращается в своей книге эссе («От Библии до пандемии») Михаил Эпштейн, анализируя её уже на примере солженицынского «Архипелага» и вводя категорию «отсроченного мужества». В начале своего «Архипелага» Солженицын пишет о том, как его вели по Москве арестованного — и как он был обуян тягой крикнуть свою правду нескольким людям, которые бы его услышали. Но — он ждал момента, когда его правду услышат миллионы (и этот час настал для него; для кого-то, естественно, не настал, и мужество так и осталось «отсроченным»). Да, конечно, этого мига можно и не дожидаться — и вечным «отсрочивание» мужества быть не может, и об этом пишет Эпштейн. Однако такая категория сейчас мне близка — при всех нюансах.

Какой-то попытки найти золотую середину между Зощенко и Ахматовой я, наверное, не вижу. Ахматовское поведение больше — про безопасность себя и сына, зощенковское — про отстаивание собственной чести (а солженицынское — о праве на безрассудный риск, ибо там сильнее были ограничены права и свободы, маловероятнее выбор). Помним, как трагически продолжалась судьба Зощенко после этого знаменитого эпизода. И всё же зощенковское прорывается во мне, не может не прорваться — сбивая тарелки с полок. Будучи неконтролируемой реакцией

на агрессию и очернения. Должно прорываться — как противостояние опасливому хладнокровию.

Важная оговорка: когда речь только о твоей личной судьбе, а не о судьбе дела и проекта. В этой позиции — губи, мол, себя на здоровье, а других, кто от тебя зависит, нет, — причудливым образом сочетаются рациональность, своеобразный гуманизм и — жестокая необращённость к человеку, преобладание интересов дела. (А для тех людей, которые мало разделяют эти судьбы, свою личную и дела, всё, пожалуй, сложнее. И тут можно подвести и себя, подобно Зощенко, и — уже вне контекста этой истории — Большие Дела.)

Правда, самое большое счастье — быть легкомысленным цуциком и вовсе не задумываться об этом.

Но не получается.

Да и, наверное, не хотелось бы, чтобы получалось.

24 октября 2023

Шкловский как оправдание

Как же быстро фраза Шкловского «Когда мы уступаем дорогу автобусу, мы делаем это не из вежливости» стала удобным оправданием обычных конформизма, рабства и трусости — как всегда, прикрываемых соображениями безопасности и, конечно, всецело коррелирующих с ней.

23 декабря 2023

Нравственность как удел мёртвых

Читаю с интересом книгу Владимира Гандельсмана «В небе царит звезда», состоящую из статей и предисловий разных лет. Вспоминаю слова его оппонента — Александра Кушнера — о том, что «всё знание о стихах — в руках пяти-шести». К ним, безусловно, относится Гандельсман.

«Блаженное бессмысленное слово», слово, выходящее за рамки смысла, за рамки бытовой логики, — то, о чём так или иначе говорится во многих его статьях и рецензиях. В этом есть, конеч-

но, и апология поэтического метода Гандельсмана, но есть и высшее понимание порядка — который восстаёт из видимого «беспорядка» и мнится им на первый — невнимательный — взгляд.

Вот об Александре Самарцеве: «Напряжённая прерывистость речи, стремительная расстановка слов, какой-то мгновенный их беспорядок, устанавливающий свой порядок и налаживающий связь между словами, которые вроде не собирались этого делать, но смирились, сообразив, что в этом есть смысл. Новый и неожиданный».

Вот — в эссе о Григории Стариковском: «В конце концов, поэт в своём стихотворении есть порождение события реальности, и потому — его единственное доказательство. Это истина в последней инстанции, которая никому не навязывается, всякий волен принять или не принять её на веру».

А вот о взаимоотношениях Адамовича и Цветаевой: «Академически-анемичный Адамович никогда не примет Цветаеву. Идея поэтической дисциплины, которую он проповедует, может возникнуть и из собственной немощи. Нравственность — лёгкий удел мёртвых. (Либо, как известно: „В Петербурге нравственность гарантирована тем, что летние ночи светлы, а зимние холодны“.) Глупо ссылаться даже на современников, вертясь на парте и подглядывая в их тетрадки, тем более — на Пушкина, который свою контрольную давно сдал и вышел. В этом „классе“ нет двух одинаковых вариантов. И если Адамович заглянет в тетрадку Цветаевой и увидит, допустим, формулу энергии — помните? — $E = „эм“ „цэ“$ (квадрат), он всё равно её не поймёт. Потому что $ЭМЦэ$ — это Марина Цветаева».

Мне кажется, в этом абзаце содержится внутренний спор со всеми, кто оценивает поэзию по меркам «нормальности». Со всеми критиками, требующими от поэзии «нравственности», «рациональности», смысловой точности.

...И думаешь: сколько же о поэзии нам не объясняли в юности, взыскуя смысла, смысла и смысла — вопреки сверхсмыслу.

Ну и просто — книга Гандельсмана очень хорошо написана: с таким виртуозным и естественным композиционным мастерством и таким редким в критике юмором. Его здесь много, как и в записных книжках Владимира Аркадьевича, которые тоже

очень люблю, они тоже вышли отдельными сборниками.

Ну и просто — счастье иметь такую «вневременную» книгу в условиях, когда, кажется, время требует рациональности и привязанности к себе. Поэзия же всегда поступает как хочет: хоть игнорирует эти императивы, хоть нет, хоть перемалывает их в угоду собственным представлениям.

15 июля 2024

Георгий Иванов и Цветаева

Читаю критику Георгия Иванова и прихожу к выводу о её поверхностности. Да, если сравнивать двух корифеев парижской ноты — всё-таки нет в ней того взбалмошного тона и перескока с мысли на мысль, что так раздражает меня у Адамовича. Никогда не понимал Костюкова, который превозносил Адамовича как критика, но понимаю, что ему в предшественнике близок приоритет взбалмошного вкуса.

Отдельное внимание обратил на статьи Иванова о Ходасевиче и Цветаевой. В статье о Ходасевиче — какое-то, вряд ли осознанное, желание принизить современника на фоне попытки быть объективным. Это особенно бросается в глаза, когда вспоминаешь работу самого Ходасевича об Иванове: умную и взвешенную, представляющую по полочкам всё о «поэтическом плагиате». В ней, как известно, Ходасевич, говоря об Иванове, приводит примеры заимствований из собственных стихов и пишет, что осуждать его последователя за это не надо бы, что подобная переимчивость — дорога к творческой самобытности. Когда-то, прочитав эту статью, я многое понял о поэтической интертекстуальности. Ходасевича при этом принято считать язвительным критиком, с чем я совершенно не согласен. Его заимствующий современник, как видно, оказался не таким благородным.

Забавно и о Цветаевой — даже учитывая, что современникам лицом к лицу лица не увидеть и, да-да, всё это были «равноправные» фигуры в условиях становления и творческого соперничества, а не безусловные классики, как сейчас для нас. Но всё же в статье о гениальном «Световом ливне» удивляет принижение Цветаевой — и полное непонимание жанра эссе; выстав-

ление пафосных цитат М. И. о Пастернаке как полупародийных. По контрасту с критикой Иванова — совершенно газетной, поверхностной, высокомерной, бледноватой по стилю — эта несопоставимость особенно остро чувствуется. Газетчик — и гений. В его случае — ремесло, в её — шедевр, настоящая критика как искусство. И вот — удостоиться такого отзыва.

Георгий Иванов — конечно, тоже гений, но только в стихах. Может быть, и в «Распаде атома»; «Петербургские зимы» долго не решался перечитывать из нежелания впускать в себя мемуары, заслужившие репутацию врунливых. Но наткнулся тут в интервью Соломона Волкова на слова об Ахматовой, которая, по его словам, «зарубила одним движением репутацию замечательной книги» Г. И. — и тоже перечитываю. Нормальные мемуары, частью смешные, довольно злобные к современникам. Не Одоевцева — нет той кокетливой анекдотической поверхностности, но и — не глубина мысли Берберовой: нет ни её глубочайшего интеллекта, ни уровня общественной мысли.

Что же интересно в его статьях? Контекст эмигрантского лит-процесса, суждения о поэтах — исключительно как срез определённого периода существования литературы. А вовсе не как образец квалифицированного и глубокого суждения.

Возвращаясь к Цветаевой: нередко, читая эмигрантскую критику о ней, думаешь, не это ли стало косвенной причиной её смерти; даже и учитывая все сопутствующие обстоятельства. Но — шаг к неизбежному возвращению на родину, движение в гибель. Но — непонимание современников как повод для этого шага. Да-да, собственная задиристость и неуживчивость, «противу всех». Да-да, Эфрон. Роковая цепь обстоятельств. И всё же, всё же, всё же.

Закончить хочется чем-то не столь банальным, как призыв быть бережнее к гениям при жизни. Но чем-то иным не получается.

22 декабря 2023

Читаю на «Арзамасе» автобиографию прекрасного филолога Ирины Сурат — на мой взгляд, лучшего современного мандельштамоведа и одного из лучших — немногих — толкователей поэзии. Не знал, что она выпустила первую в России книгу о Ходасевиче и вообще много сделала для его известности.

«Когда я начала собирать всё, что Владислав Ходасевич написал о Пушкине, было нелегко, потому что эмигрантская периодика находилась в закрытом хранении, а многие издания вообще нельзя было разыскать в России. Так получилось, что я помогала сотрудникам архива — тогда он назывался ЦГАОР — разбирать газеты и журналы из знаменитого Пражского архива русской эмиграции, вывезенного после войны из Праги и пролежавшего здесь десятки лет. Там много нужного нашлось. Все это переписывалось от руки, потому что газетные статьи нельзя было ни отсканировать, ни сфотографировать. Кое-что мне передали: довольно-таки внушительную часть материалов дал замечательный энтузиаст эмигрантики Игорь Хабаров, кое-что привёз из Парижа Сергей Георгиевич Бочаров. Но большую часть этих текстов я переписала рукой, и так собралось три тома пушкиноведческих работ Ходасевича. Только к одной части первого тома было написано 20 листов комментария и написана вступительная статья на шесть печатных листов. И тут все рухнуло: и эта программа, и издательство „Книга“ перестали финансироваться — издание не состоялось. В 1992 году я издала вступительную статью отдельной книжкой — она называлась „Пушкинист Владислав Ходасевич“, и это была первая в России книжка о Ходасевиче...»

В очередной раз думаю о теневой — сверхважной — роли критика и литературоведа как невидимого ангела, стоящего за плечом Творца. И о безнадёжном бескорыстии этой работы — осознанном мной на примере Людмилы Вязмитиновой, которая написала первые статьи о тех, кто считается сегодня безусловными, — насколько можно вести вообще разговор о безусловности. Труды Вязмитиновой словно бы не присутствуют сегодня в литературном пространстве, на них почти не ссылаются; говорят о поэтах, которым она дала дорогу. Но оттого созидательная роль

этих трудов — вспомним классическое «отсутствие отзыва не означает отсутствия реакции» — не менее огромна.

2 мая 2024

За чтением Сартра

Перечитываю «Что такое литература» Сартра. Замечательная и кровно необходимая работа: я читал её в послестуденческие годы, но сейчас воспринимаю более остро. Рассуждения о сути поэзии здесь, кажется, предвосхитили всякие теории метареализма. Правда, непонятно, откуда берётся миф о преувеличении читателя, о том, что именно он создаёт писателя, что без него произведение не существует. Доходит до слегка пародийной мании величия в том, что и Раскольников без читателя нет; всё существо моё возражает и выступает за надкоммуникативность литературы, за приоритет произведения, которое может быть никому и не показано и спрятано в стол. Конечно, это больше о поэзии, чем о прозе, и всё же. Что-то похожее читал и у Владимира Губайловского, который в своих статьях упорно доказывал эту точку зрения.

Впрочем, не смотрю ли я на литературу слишком изнутри, как бы абсолютизируя свой опыт, отстаивая сложность своей поэзии (мало кем на самом деле понятой, но в моих глазах и в некоем метафизическом плане абсолютно оправданной, до буквы, — какая уж тут коммуникация и какая роль читателя). Весьма своеобразную сложность, которая ведёт к определённой перестановке приоритетов на фоне любой «нормальности», к «абсолютному отсутствию негации, понятия ошибки у Кутенкова» (Алексей Мошков). Чтобы понять всё это, надо быть мной, и тогда всё встанет на свои места. Или очень захотеть поговорить и разобраться — чтобы, возможно, быть удивлённым и — либо ещё более утвердиться в понятии «нормы», либо по-новому оценить «ненормальность». Но ведь если никогда и не понять и не захотеть разобраться — вся метафизическая оправданность и «своеобразная норма» не перестанут быть собой. И тогда, все мифосотворители преувеличенной роли читателя, — курите, пожалуйста, в сторонке.

Всё же очень хочется раздвоиться на «чистую» критику (опыт совершенно овнешнённый, к которому, кажется, стремится Сартр, вряд ли будучи лишён опыта собственной странной индивидуализации и опыта чужого непонимания себя как писатель, но усиленно стараясь быть «объективным») и на понимание замысла изнутри себя. Последнее ведёт как раз к более явному пониманию вращения «собственных» шестерёнок как сути творчества, но неизбежно грозит их абсолютизацией. Кажется, баланс между ними абсолютно невозможен — непременно ударишься либо в одно, либо в другое. Но весь вред и все крайности того и другого подхода, как и вся — слишком уж противоречащая ему, вреду, — полезность налицо.

19 декабря 2023

Маринина и возвышающий экзотизм

Майя Кучерская вывесила у себя на странице анонс встречи Александры Марининой со студентами Creative Writing School. Вчера мне снова попался на глаза этот пост — и, поскольку люблю Маринину, не мог не перечитать комменты. В них, кажется, не было снобистского негатива, которого стоит ожидать от аудитории Кучерской; один только филолог Олег Лекманов отпустил многозначительное «ой». Но в этом «ой» было на самом деле много всего — мол, приглашаете низового писателя; мол, пресмыкаетесь перед массовой культурой; мол, на афише экзот, кажущийся «неприличным» зверем в наших «координатах высокой культуры». Всего этого Лекманов не сказал, но, разумеется, подразумевал.

Меж тем Кучерская в ответ чуть иронично спросила Лекманова: «Филолог исследует всё?» — и эта короткая реплика тоже была многозначительной. В ней мне почудилось своеобразное самооправдание за приглашение; подчёркивание роли Марининой именно как «массового» объекта исследования — мол, «я всё про неё понимаю, но это нужно знать, это наша реальность».

В комментариях отразилась и другая крайность, свойственная интеллектуалам: некоторая гордость за знание «низовой» территории культуры, форсированное отсутствие снобизма

в этом отношении, — в чём есть и возвышающий экзотизм, который чувствуют и автор такого комментария (интеллектуал), и адресат комментария. Бывают территории, на которых принижение себя парадоксальным образом себя же возвышает, когда эти понятия не оксюморонны. Некое чуть взбалмошное игнорирование иерархических границ, желание спуститься на уровень «читателя» и побыть им. Известная переводчица «высокой» прозы со знанием дела посоветовала читательнице (спросившей, что почитать у Марининой) ранние романы — и ошиблась в суждении, так как они у неё не лучшие. Я в ответ порекомендовал той же читательнице горячо любимую мной «не-раннюю» семейную сагу; переводчица несколько раздражённо поспорила со мной, увидев в этом непризнание её, переводчицы, авторитета.

Интересно понять, что руководило нами. В моём случае это как раз было глубокое знание творчества Марининой и любовь к ней, но вместе с тем и некоторое преувеличение, так как есть книги, которые ложатся на твой личный биографический сюжет, их уже не можешь и не хочешь воспринимать объективно. Думаю, что в комментарии переводчицы, которая посоветовала именно ранние романы (самые слабые), отразилось как раз капризное интеллигентское форсирование отсутствия снобизма. (Примерно так же я начинаю иногда рассказывать об аллюзиях на попсу, которые есть в моих стихах.) Не думаю, что она их внимательно читала и тем более духовно проживала. При этом мне романы Марининой действительно многое принесли и перевернули моё сознание. Но личное понимание этого — одно; интонация при разговоре — несколько иное (в ней фактически никогда не можешь скрыть «возвышающего экзотизма»).

В то же время на глазах, конечно, произошло не просто смещение иерархических координат, но их неразличение — мы с переводчицей спорили о массовой культуре вообще вне этого разделения. Я — именно по-читательски, исходя из личного сюжета, внутренне признавая свою необъективность и как бы сознательно не желая её учитывать. Переводчица — вне заданной исходной точки разговора, без чего диалог о литературе теряет смысл; с какой позиции ведётся диалог? С позиции контекста или простого читательского эскапизма? Они слишком различны. Совет, адресованный читательнице, требовал с наших двух сторон

уточнения — по Гумилёву, «предложения с придаточным». Но это смещение координат как будто задано афишей с её заложенным противоречием — приглашение массового писателя на встречу с обучающимися литературному мастерству, преподнесение его в качестве мастера слова. Ироничное самооправдание Кучерской на самом деле характерно и исследовательски объяснимо, но оно не снимает исходного противоречия. Лекманов же своим многозначительным «ой» пытался намекнуть на эту ситуацию противоречия, но получился всего лишь фырк снобизма — в отсутствие полноценной дискуссии и при неизбежной поверхностности соцсетевых комментов.

27 декабря 2023

От Пригова до Марининой

Звонили друзья и захотели немедленно поговорить о Пригове. Разговор затянулся на час — и вернул подзабытое чувство плодотворной и необязательной (здесь эти понятия взаимосвязаны) болтовни обо всей поэзии сразу.

О Пригове ответил, что как следует распознал его после статьи Михаила Эпштейна, в которой он пишет о его «народном любомудрии», о «философствовании, ещё не отделившемся от почёсывания в затылке и урчания в животе», образе интеллигента, едущего с утра на работу и с недосыпа бормочущего себе что-то под нос. Что его многописание — конечно, весёлая пародия на советского графомана, но к ней не сводится. И что для тех, кто не способен сам колебать треножник «традиции», её весёлая деконструкция — кошунство, а Пригов — главный идеологический враг.

И что формулы его вошли в язык и стали частью языка, цитируются не хуже Гандлевского.

...Несколькими днями спустя, провожая дорогого друга Серёжу Воробьёва на вокзал, разговорились — сначала с Серёжей, а потом с продавщицей киоска, — об Александре Марининой. Я захотел подарить Сергею один из своих любимых романов АМ, его там не оказалось, а с работницей киоска развернулась некоторая дискуссия по сему поводу. Продавщица сначала смотрела свысока, когда я сказал ей, что книги АМ о Шекспире неинтерес-

ные, а интересные другие, но потом заметно сдалась, уступив «маринисту».

И вот я ужасно обожаю такие встречи с условным «простонародьем» — без высокомерных коннотаций, конечно. Всё это ввело в состояние веселья, которое чем-то неуловимо сродни приговскому контексту.

21 июня 2024

Газета как фингал реальности

О форматах и массовой аудитории.

Друг задал вопрос, «кто читает все эти интервью, которые ты берёшь», и привёл в пример интервью с Гандлевским, которое было в «Учительской газете» — и которое вряд ли станет читать её условный реципиент.

Ответил: то, что чел читает «Учительскую газету» (которой я на данный момент не занимаюсь) и попадает на интервью с Гандлевским, которое вне формата издания, — это здоровая и симпатичная мне ситуация; я за то, чтобы протаскивать литературу в не свойственные ей форматы, особенно для «условно» широкой аудитории, как бы интегрировать непопулярные штуки в массовый контекст. Кто-то да прочтает и что-то поймёт для себя: если, по Гоголю, где-то лежит книжица, значит, где-то сидит и читатель ея.

А вот на вопрос, кто и сколько читает, я ответить не могу, ибо чаще всего нет статистики, и тут испытываю сожаление. Возможно, она лучше научила бы нас понимать запросы аудитории. Знаю, что в какой-то момент на сайте газеты, в которой я работал, было полмиллиона заходов в месяц, — и примерно в этот же период в пуле самых популярных текстов (когда нас посвящали в это) было интервью Марии Степановой, которое вне формата газеты, гораздо более интеллектуальное, глубокое, чем обычное наполнение этого издания. Без меня этого персонажа (как и Эпштейна, и многих других, с кем выходили тогда интервью) вообще было сложно представить в газете — да и интервью Мария давала неохотно, чувствуя, что это не её площадка. Но само появление и интерес к материалу меня ужасно обрадовали. Так

как думаю, что читали (в том числе) «простые люди»: не знаю, больше на сайте или в бумажном выпуске, но газета поступала по подписке в разные регионы, имела преданных читателей. А значит, это моя победа как культуртрегера, популяризация литературы в непривычном контексте.

С работой в газете я вообще обрёл опыт понимания запросов условно «массовой» аудитории, увидел реального читателя — это помогло избавиться от снобизма, воспитанного толстыми журналами. И, например, после 2019-го я бы не стал писать такую рецензию, какую написал на книгу Галины Юзефович в 2017 году. То есть, возможно, критику её оценил бы так же невесторженно, как тогда, но роль пересказа книги, доступного и лишённого стилистических изысков, представляется мне сегодня иной.

И всё же есть что-то грустное в этой «эволюции». Возможно, такие рассуждения как раз говорят о её противоположности. Ох, как было бы здорово так высоко всегда держать планку читательских запросов, как, к примеру, в своих эссе и интервью держит её Ольга Седакова. И каких это требует мужества и стоицизма, и какой способности витать в облаках. Да, невозможно не понимать, что эти мужество и стоицизм близки к иллюзорному восприятию реальности, идут с ним рука об руку — и упираются в вечный вопрос, насколько верно цепляться всю жизнь за реальность «твою», не позволяя подчинять её «общему» положению дел.

Из главных — и спорных — примеров такого мужества, близких к Седаковой, я вспоминаю Андрея Таврова, который как-то на слова о том, что «мы живём в постмодернистской реальности», сказал, что эти слова относятся лишь к самому говорящему — и что всегда, и в советское время тоже сам выбирал реальность, в которой жить. Он-то уж точно отстаивал иерархичность и кастовость литературы, не снижаясь до «массового».

29 мая 2024

По следам телепрограммы о Рыжем

На новый фильм о Рыжем не пойду: хватило с меня истории 2011-го года со спектаклем о нём в Театре Петра Фоменко, когда, придя домой, сразу же накатал в газету отрицательную рецензию от переизбытка чувств. Дистанция между образом поэта в жизни и его отражением в театре или кино — нормальна для художественного произведения, но вот на меня лично в случае с дорогими мне поэтами действует плохо; а когда вот так вот — то совсем херово... И просмотренный трейлер это подтвердил.

То, что Рыжего представят как уркагана, произойдёт неизбежная вульгаризация образа, — ясно; но что сыграет его чувак под 40 — это уж чересчур.

Всё равно спасибо создателям фильма. Смотался в телик на съёмки передачи о Рыжем, сказал им об этом, хотя и покритиковал в той же мере. Славно, что о БР благодаря фильму узнает дополнительная аудитория, а он этого заслуживает, будучи и поэтом с человеческим лицом, и переработчиком самых разных пластов поэзии мировой культуры (лес часто не виден за деревьями в его случае). Редким поэтом, который способен быть внятным и профессионалам, и любителям. Сравнивал сегодня его «промежуточную» репутацию с репутацией Арсения Тарковского.

P. S. Всё же не могу избавиться от напряжения, каждый раз связанного с появлением в телевизоре (хотя снимался в самых разных передачах и на «Культуре», и на ОТР, и на Пятом канале). Всё-таки стереотипное представление о зомбоящике как высшей степени успеха, некая сакрализация его, внушённая мне моим детством 90-х и старшим поколением, накладывает дополнительную ответственность. Даже при том, что разум вполне понимает смехотворность этой ответственности. Ну и то, что родственники будут смотреть это и критиковать...

Следствием такого напряжения иногда становится форсированная эмоциональность в кадре и чрезмерное вступление в разговор — как сегодня. Но эта крайность всё же лучше, чем, к примеру, в 2016-м в «Тем временем», где я как-то зажался, комплексуя ещё и из-за харизматичности некоторых моих собеседников. И в «Игре в бисер», где явно выпал из пространства, чувствуя не-

соизмеримость своих познаний — в обсуждении темы — с эрудицией тех, кто рядом со мной в кадре... А сегодняшняя тема была всецело моей.

3 сентября 2024

Давид Самойлов и рационализм

Читаю воспоминания Давида Самойлова о его современниках — Заболоцком, Марии Петровых, Алексее Эйснере, Наровчатове и др. Впечатление странное: не хватает непосредственности, воспоминатель кажется застёгнутым на все пуговицы и вещающим словно с трибуны. Но — сквозь каждое эссе просвечивает мысль, и мысль эта достаточно небанальная. Совершенно не согласен с Олегом Юрьевым, который как-то писал, что в воспоминаниях ДС увидел бухгалтера или кого-то вроде.

Например, о Заболоцком: «Он, наверное, и о себе так думал всю жизнь — работать — и всё. И работой называл это вечное отчуждение от себя мыслей, чувств и тревог. Как работой называют рубку деревьев, то есть отчуждение деревьев от леса и превращение его в дома или дрова. И если бы лес умел сам себя уничтожать и ещё думать об этом, то он так же просто назвал бы это работой. Настоящий поэт всегда вырубает больше, чем может вырасти. И он вырубал себя и запросто называл это работой, потому что не умел назвать это „горением“, „творчеством“, „самоотдачей“ или ещё каким-нибудь красивым словом, как это любит делать большинство поэтов, говоря о себе и называя работу таинством — правы они или не правы».

В этой метафоре ёмко, пусть и слегка вычурно («лес умел сам себя уничтожать...»), передана суть трудоголизма. Однако нельзя не заметить и следующее: когда определение «работы» переносится на творчество и идёт отрицание «таинства», тут всё же впору подумать о попытке свести суть творчества только к труду и мастерству, о ремесленничестве и некоем замещении собственной неосознанности. Тут, возможно, происходит осознанная или неосознанная полемика с Бродским, с его словами о поэте как подчинённом языка. Это диалог очень разных мировоззрений: самоейловское — всё же очень советское. В другом фрагмен-

те — о своём учителе Антокольском — Самойлов вновь ударяется в отрицание «словесной стихии», игрушкой которой не был поэт; акцентирует внимание на вопросе «мастерства», «умении».

Весьма неожиданно при этом эссе о Хлебникове, которого Самойлов называет «одним из своих любимых учителей», и о его влиянии на поколение ифлийцев. О чём, кажется, невозможно и подумать.

14 февраля 2024

Ещё о Давиде Самойлове

Всё-таки, уже убедившись в некоторой этической отвратительности Давида Самойлова как поэта, был вынужден чуть-чуть скорректировать своё мнение после одного случая. Этическое суждение о стихах для меня в целом редкость, и всё же три текста заставили меня передёрнуться.

Первый — посвящённый памяти Алика Ривина; второй — о верлибристах, где он переделывает фамилии Куприянова и Бурича («Крутоямов и Вздорич» — ну, по отношению к начинающим поэтам, особенно в ситуации наездов на верлибр со стороны официального советского бонзы, это вообще такое себе). И третий — о диссидентах, посвящённый Льву Копелеву, — сводящийся к тому, что пусть валят, а мы, мол, взираем «на морской резервуар», и дальше что-то совсем гнусное.

Всё это оттолкнуло меня от Самойлова — при общем понимании его среднеталантливости. Самое интересное у него, пожалуй, — это пушкинский палимпсест, пусть и весьма скованный рамками традиции.

Но сейчас пришлось мне слегка одёрнуть себя в суждении об одном из трёх стихотворений — как раз посвящённом Алику Ривину. Дело в том, что Олег Юрьев, цитируя его в своей «Ленинградской хрестоматии», приводит ровно две строфы и называет «жирным самодовольным советским стишком». Я был готов согласиться, но сегодня, обсуждая с коллегой, попытался найти это стихотворение — и увидел, что оно довольно длинное и во многом сочувственное к поэту (а если судить по этим двум строфам, то да, может показаться, что жирное и самодовольное). И даже

говорящее о провидческом даре Ривина. Словом, совсем не то, что интерпретирует Юрьев, выборочно цитируя.

Специально перечитал сейчас этот фрагмент у Юрьева в «Ленинградской хрестоматии» — там есть пропуски цитат; вряд ли это намеренное искажение контекста (даже при всей пристрастности О. Ю. к подцензурной советской традиции), однако полный контекст меняет представление. Что, конечно, не отменяет оценки, высказанной в моём первом абзаце.

29 мая 2024

Рейн на фоне современников

Впервые читаю мемуары Рейна («Мне скучно без Довлатова», 1997) — спасибо Стасу Мокину, который помог их добыть, и Ярославу Минаеву, который навёл на мысль о том, что их нужно добыть. Очень легко воспринимаются, но во многом из-за пустотности их содержания и отсутствия какого-то центрального, связующего сюжета. Много забавного, но единственный сюжет — Рейн на фоне пестроты современников, в их слепящем окружении. Весьма чувствуется контраст с чуткими мемуарами Наймана об Ахматовой (которые так ругает Лев Лосев в своём «Меандре» за нарциссизм, за указание, что, мол, Анатолий переводил Леопарди вместе с ААА и якобы стремится этим подчеркнуть свою значимость). Но настоящий нарциссизм — вот он.

Интонация рейновских мемуаров — это такой разговор с поднятым указательным пальцем в застолье, который позволяет «убедительно» (как о значимом) говорить абсолютно обо всём. Этот громокипящий, подавляющий, размеренный голос застольного тамады хорошо слышен. И слышно «не перебивай», которое сохранила Татьяна Бек в интервью с ним, гениально умевшая воспроизвести при расшифровке интонацию беседы. Прямо слышу это «не перебивай» как отражение их последнего, страшного телефонного разговора — даже если прямо этой реплики в нём не было.

27 июня 2024

Поминки по Маяковскому

Читаю наконец-то книгу Юрия Карабчиевского «Воскресение Маяковского», изданную на волне перестройки, когда охотно выплёвывалось навязшее в зубах. Вспомнились «Поминки по советской литературе» Виктора Ерофеева (думаю, название этой статьи могло быть подзаголовком книги Карабчиевского). Очень субъективное, при этом убедительное исследование; сдержанное, но при этом жестокое к поэту литературоведение. Из подобных книг ещё заслуживает внимания «Прощание с Олешей» Аркадия Белинкова — правда, белинковская патетика куда более громокипящая. Я бы не путал жанр таких исследований с жёлтой «Антиахматовой» — они не пытаются нажиться на репутации и славе гения, а чают твёрдо поставить под сомнение само навязанное, саму «незыблемую» репутацию. Книга, повторюсь, во многом убедительная: все эти «плюну» и «изнасилую» Маяковского, его фальшивая патетика, сделанность его текстов впервые, видимо, предстают в неидеологической интерпретации — и обнаруживают свою уязвимость, а то и мерзость.

И всё же что-то царапает меня в литературоведении Карабчиевского. Вряд ли это сам метод, когда замысел изначально направлен на развенчивание — и в пределах этой шахматной партии сложно совершить непредсказуемые ходы... Вряд ли моя тяга к пониманию — и моя вера в цветаевский завет «доброжелательства» как главный в критике. Скорее, наверное, принцип мышления, при котором подразумевается, что слово поэта равно себе самому.

Наткнулся на отгадку своих сомнений, прочитав на 21-й странице: «Поэт не человек поступка, он человек слова. Слово и есть поступок поэта. И не только слово-глагол, слово-действие, но любое слово, его фактура, его полный внутренний смысл и весь объём связанных с ним ощущений». При этом есть некоторое противоречие с этими же словами, когда в начале книги сам Карабчиевский упрекает Маяковского в газетности, плакатности, в равности слова самому себе и отсутствию у слова метафизического значения — в отличие от Пушкина и Мандельштама... Не думаю, что в случае автора книги речь идёт прямо уж про обывателя, который бьёт гения грязными тапками и вычитывает «пло-

скостные» смыслы. Но какие-то родимые пятна этого несмываемы.

Думаю, что такая книга необходима — и всегда в дефиците подобная критика, направленная на субъективную вдумчивую попытку проверить на прочность репутацию, что-то уж слишком покрывшуюся хрестоматийным глянцем. Из примеров недавней современности — статья Евгения Абдуллаева «Бревно в пустыне» про Алексея Цветкова; в настоящем же этого мало. Почти замолчали Кирилл Анкудинов, Максим Алпатов. Нет жестокого талантливого пера типа Владимира Новикова, написавшего статью о Рубцове «Смердяков русской поэзии» так, что физически больно за справедливость и цитат, и оценок (при всей моей любви к Рубцову, берущей истоки в «неизлечимом» детстве). Что-то обещает Константин Шакарян, на пылком челе которого написаны его задиристо-максималистичные 23 года — со всей лезвобой на рожон, неразличением событий и пустяков и наивностью высказываний, к тому же апологией советских поэтов четвёртого ряда.

В целом же время не располагает к подобным примерам, ибо резонанс от любой книги сегодня ничтожен на фоне событий совсем не книжных. Сам я не раз писал о побочном эффекте «отрицательного пиара», о который обжигаться не намерен: привлечении внимания к герою книги или статьи. В одном хорошем учебнике по журналистике замечательно говорится: целевая функция отрицательной рецензии, мол, напоминает совет не подходить к 108-й полке и не брать с неё 37-ю сверху книгу. Вспоминается детское: «Дедушка, ты вон там не ищи бутылку вина, которую бабушка спрятала, там её точно нет».

И вместе с тем — кто сказал, что стоит бросать пылкое перо, когда этого требует единственное и внелогичное — душевный импульс?..

Сочетаясь, конечно, при этом с интеллектом и знанием.

Как в книге Юрия Карабчиевского.

15 мая 2024

Я у времени привратник...

Изучаю антологию «Русские стихи 1950 – 2000». Удивительно, но первый том её читаю впервые, хотя он вышел ещё в 2010-м. Развеиваю для себя два личных мифа:

1) Что хорошо знаю поэзию XX века. В антологии — огромное количество имён, которые совершенно не на слуху. Некоторые из них — сродни гениям и куда круче лиц «официальной» культуры. Что бы там ни говорила Ирина Бенционовна Роднянская о незыблемости иерархий и о том, что условный Алик Ривин никогда не поколеблет условного же Давида Самойлова. Поколеблет, да ещё как. Пусть не в смысле популярности, но — эстетически.

2) Что «время справедливо к поэтам» — фраза Алексея Алёхина, сказанная им на презентации книги Дениса Новикова в 2018 году, с которой я даже некоторое время был согласен. Всё же эта справедливость — понятие весьма условное и сомнительное; имеет значение сумма обстоятельств: умение «встроиться» в процесс, усилия наследников/друзей и само наличие этих друзей и наследников, готовых побороться за твоё честное имя после смерти. Факт такой любовно сделанной антологии — скорее сумма зияющих несправедливостей. Увы, об этих поэтах нет даже минимального разговора внутри культуры. Да и тут они не сопровождаются хотя бы небольшим критическим анализом.

А вообще антология очень хорошая — и в смысле разумного сочетания лиц официальной советской культуры и поэтов андеграунда, и просто в смысле отбора стихов. Причём даже советские поэты, на которых не возлагал никаких надежд, иногда заставляют переосмыслить себя — именно в силу выборки. Скажем, никак не ожидал от себя, что разгляжу что-то в Евгении Винокурове; но впервые почувствовал в нём пленяющий жутковатый инфернализм, просвечивающий через гладкопись. Очень хорош ранний Глеб Горбовский (перечисляю сейчас только именитых). Классный ранний Кушнер. Поразителен советский лагерник Валентин Соколов («Я у времени привратник / Я одетый в чёрный ватник / Буду длиться длиться длиться / Без конца / За вас мо-

литься / Не имеющих лица»), чем-то напоминающий Геннадия Гора. Впору пересматривать своё отношение ко многим поэтам — и как же оно зыбко, как способно меняться, — ибо даже Окуджава здесь неплох и, о удивление, хорош Вознесенский.

Единственный недостаток антологии — публикация известных песенных текстов, которые как бы проверяются на прочность таким образом, но эффект получается обратный: лишённый музыки и исполнения, песенный текст не выдерживает проверки зрением. «На Тихорецкую состав отправится...» Львовского, «Огней так много золотых...» Доризо и т. д. Исключение, пожалуй, — «Песенка о собаке» Александра Аронова (та самая, из «Иронии судьбы», «Если у вас нету тёти...»). Тут как раз можно увидеть, насколько песенный вариант — бодренький и довольно сильно переделанный по сравнению с исходным текстом — проседает на фоне стихотворения, которое воспринимается совсем по-иному.

14 февраля 2024

Ненависть туда

Ещё Карабчиевский («Воскресение Маяковского»).

«Революция явилась для Маяковского благом, прежде всего, в том оздоровительном смысле, что дала его ненависти направление и тем спасла его от вечной истерики. На какое-то время он успокоился, обрёл равновесие. Он стал ненавидеть только туда».

Как точно — по нашим дням. Ненависть «туда» — тех или иных людей (причём вне зависимости от идеологического лагеря), обретших вектор и направление. Направление пустоты — как у Джона ле Карре в «Убийстве по-американски», в затасканной уже мной цитате про живых мертвецов, которых другие считают сладострастниками, себялюбцами и пр. — а те всего лишь преодолевают жутчайшую пустоту.

15 мая 2024

Маяковский как предначертанность

Продолжая читать «Воскресение Маяковского».

Думаю о конструировании в поэзии альтернативной идентичности (так в недавней новомирской рецензии критик цепко обозначил особенность моей поэтики, выхватив самое болезненное и неприятное), которая сближает меня с героем книги. Более того, моё отождествление себя с образом Маяковского идёт как бы «через голову»: видя его образ в этой книге, отчётливо понимаю некоторых повлиявших на меня учителей, являющих собой прямейшую реинкарнацию «агитатора, горлана, главаря». А через эту реинкарнацию чувствую себя, которому никогда не был близок Маяковский, вплоть до отторжения; видимо, и недаром — как всегда не близко отторгаемое своё. Моя взаимосвязь с теми учителями, которых отторгаю в себе, предстаёт каким-то сочетанием фаталистических совпадений и таинственной логики — эти люди проявились в моей жизни, чтобы зёрна взошли на какой-то уже предназначенной для этого почве. И в этом видится странный предначертанный путь.

Книга Карабчиевского провоцирует на мысли о страшном раздвоении, вытаскивает их из подсознания. В итоге эта книга, та психология поэтической маски, которую рисует её автор, заставляет разочароваться в себе — и в понятии лирики вообще, которого я придерживаюсь (а в подсознании, возможно, что-то кардинально другое — и как раз отторгаемое). Эта психология выстраивает чёткую цепь причин и следствий, которую очень хорошо осознаёшь через поведенческие особенности Маяковского, его отношение к миру и к технике письма, особенности его лирики, — но с присутствием которой в себе (и значит, с обрушением всей выстроенной для себя системы) никогда не можешь смириться. Ибо смирение означало бы, видимо, трезвейший реализм Гамлета в интерпретации Фрейда — безумие как полное освобождение от иллюзий, присущих нормальному человеку.

Поэтому вопрос о жуткой правде, которую кто-то или что-то вытаскивает из подсознания, всегда будет в той или иной мере неразрешим. В случае окончательной разрешимости, боюсь, — варианты от безумия до самоубийства.

17 мая 2024

Так себе субординация

В недавно вышедшей книге эссе Марины Кудимовой весьма определённо ставится вопрос о конгениальности критика порицаемым им авторитетам. Например, выпады в адрес любимого ей Евтушенко пылко обрываются аргументами из серии «сам-то ты кто такой?», обращёнными к не принимающим его «милым мальчикам и девочкам». Однако в такой интерпретации любой современный критик заранее проигрывает — критерий успеха, как я уже писал, дуболомен и тоталитарен. А соответствовать выдуманной не нами субординационной шкале — так себе обязанность. Поэтому — спорим с Карабчиевским, пусть даже с его квадратно-инженерным (во многом) подходом: только желательно без аргументов типа «кто есть господин N, а кто — Маяковский?». В идеале бы — на 286 страниц, написанные им, а если не получается, то хотя бы, как говорила моя учительница физики, «с подлежащим и сказуемым» (а Гумилёв говорил «с придаточным»).

Если вы, дорогие, за конгениальность «авторитету» — то я скорее за конгениальность критической полемики: уровень ответного слова в ответ на (подробную, аргументированную) отрицательную статью/развенчивающую книгу; недопустимость спуска оппонента в унитаз — оно унизительно прежде всего для самого спускающего, а так-то, конечно, все там будем.

15 мая 2024

Читая Дмитрия Кузьмина

Дмитрий Кузьмин написал рецензию на мою книгу «память so true», вышедшую в конце 2021 года. Увидеть это было большой неожиданностью — я-то думал, что его невероятно раздражаю.

Рецензия кисловатая и вдумчиво-подробная.

Отвешивает мне в начале комплименты как куратору, а не подзатыльники, и пишет про «методологические возражения», которые вызывает моя деятельность. Вполне стереотипные, впрочем, возражения — такие предъявляют каждому литературтрегеру, и Кузьмину тоже предъявляли в начале его карьеры. Мол,

публикую слишком разное: и сладкое, и зелёное.

Считает, что упоминаемые в стихах поэты — литературные авторитеты, которым присягает Кутенков. Нет, это не так и далеко не всегда так: каждое упоминание контекстуально обусловлено и нужно стихотворению для чего-то конкретного. Вообще удивительно, откуда взялась подобная мысль.

Возводит истоки моей поэтики к раннему Воденникову (пожалуй, нет) и позднему Алексею Цветкову (пожалуй, да) и отмечает, что у Цветкова буйство языка, в отличие от меня, «взнуздано железной дисциплиной логики и композиции». Вот чего бы мне не хотелось — чтобы чем-то мои стихи были взнузданы, да ещё железным, да и в целом умствующий рационализм позднего Алексея Петровича скорее отталкивает, притом что я, безусловно, когда-то много и пристрастно его читал.

Пишет об особых душевных состояниях, которые передаёт «языковая расхристанность», и упоминает два неочевидных биографических момента. Теперь ясно, что их биографичность прёт из стихов — до такой степени, что можно настолько, ничтоже сумняшеся, отождествить лирического субъекта с реальным мной. Хотя, конечно, это лобовое отождествление и проекции на семейную ситуацию слегка царапают...

Всё же, несмотря на эти частные несогласия, рецензия воодушевляет. И правда: если о тебе пишет человек, против которого тебя настраивали в юношестве, который казался каким-то демоном, а потом с ним складывается адекватный диалог — то невозможное возможно, дорога долгая близка.

15 июля 2024

Охренеть, как Булатовский

И всё-таки лучший поэт, пишущий сегодня на русском языке, — это Игорь Булатовский. После книги «Аврам-трава» (НЛО, 2024) в этом не остаётся никаких сомнений.

Этот поэт проделывает с силлабо-тоникой такие штуки, которым остаётся только завидовать. И, если говорить предельно субъективно, он как будто воплощает мои будущие возможности. Мандельштамовское влияние, упорная попытка создать свиде-

тельство о времени через логику языковой стихии — всё «моё», но несравненно круче. Даже грубость и словарь очень «мои». При чтении несколько раз казалось, что могу приблизиться к этому через время — стоит ещё более охренеть в языковом смысле, а возможно (и даже наверняка), лишиться очередных иллюзий.

Не то чтобы я впервые встретился с Булатовским — в 2011-м начинал с полного (и даже чуть агрессивного) непонимания его стихов, в 2019-м довольно активно погружался в них, но всё же полное чувство энергетического кайфа было вчера при прочтении. Свидетельство читательской эволюции, однако-с.

Кайфанув, одновременно подумал, сколько ему приходится выслушивать упрёков в «необязательности» собственных стихов от тех, кто требует логики, а не погружения в стихию языка... Какому количеству людей всё это кажется обычным бла-бла-бла, и насколько такая поэзия не может себя «защитить». Но она и выше всякой защиты. Одновременно с этой книгой в «Фаланстере» раскрыл новый номер «Вопросов литературы»... Впрочем, я думаю, всё это говорит только в пользу поэта*.

20 июля 2024

Делаланд и книга за пять рублей

Итак, последний очный «Полёт разборов» в этом году пройдёт 29 октября в «Книжном в „Клубе“» — с особыми авторами: Надя Делаланд и Андрей Нитченко.

Андрей Нитченко — поэт для меня в своём роде легендарный. И в подборке его, присланной на обсуждение, есть как минимум одно стихотворение, которое я читал ещё в студенческие годы и жадно впитывал (так жадно, как сегодня, наверное, уже не могу воспринимать поэзию, а жаль). Напоминание о позапрошлой жизни моей, конца 2000-х, — и другой жизни литературы, в которой ещё и меня не было, начала «нулевых». Но там был Андрей Нитченко как лауреат премии «Дебют», обласканный литературным сообществом автор; затем разошедшийся с этим

* Рецензию Б. Кутенкова на книгу И. Булатовского см. в «Дружбе народов»: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2024/10/net-spaseniya-zhizn-kipit.html>

сообществом, снова вернувшийся, но уже в каком-то ином качестве, — в общем, поэт со сложной судьбой и «негладкой» биографией, что мне в принципе очень близко в поэте. Оставшийся верным собственной поэтике. А я взирал на всё это как на богов.

Книгу же Нади Делаланд я купил в 2009 году в Музее Цветаевой за 5 (так!) рублей, ещё не зная автора, — примерно в том же году прочитал и стихи Нитченко. Помню, как ехал в маршрутке, читал её, стихи мне нравились, но автор казался жутко стервозным, была чёткая ассоциация со стихами Елены Фанайловой — сам удивляюсь сейчас, как такое могло быть. А потом познакомился с Надей в 2011-м, и она оказалась совсем другой, чем в моём представлении о тех стихах.

Знакомство с Надей пришлось на переломный период моей жизни: помню, как мне, студенту-пятикурснику, находившемуся в состоянии тяжелейшей депрессии и жизненной путаницы, она позвонила и предложила отправить мои стихи в «Белый ворон» — и тогда же написала филологически вдумчивый отзыв о моей второй неуклюжей книжке. Меня это очень вдохновило среди всеобщего снобизма и череды жизненных ошибок. Я тогда оценил тактичность Нади — книжка была говно, и невозможно было этого не понимать, но рецензия была в виде разбора одного стихотворения, которое не говно, и именно его Надя разобрала всерьёз. В этом эллипсисе — или вежливом эвфемизме — написать рецензию на юношескую книгу в виде разбора одного понравившегося стихотворения — были деликатный жест и красноречивое умолчание.

Второй такой человек, ознаменовавший жизненный перелом, — новых читателей, движение к новой поэтике, разрыв (внутренний) с литинститутскими связями и шаблонами, — Екатерина Перченкова, уже в 2012-м. Дальше всё было вообще по-другому.

И представления Нади о поэзии, и её филологический подход, и её стихи, и их декламация очень сильно на меня повлияли — в совокупности со всей личностью. И об этом можно было бы говорить долго.

6 октября 2023

Набоков как творец художественности

Читаю мудрейшего Михаила Эпштейна (его совместные с Сергеем Юрьененом «Кульминации», книга эссе, НЛЮ, 2024). В эссе о Набокове нашёл близкую мне мысль о нём как о творце чистой художественности: «Испокон веков художники мечтали о сотворении гармонии из хаоса — но если это кому-то (редчайшему) удавалось, его сразу же начинали клеймить за недостаток внимания к растерзанной жизни, за несочувствие к бедному человеку, за уход от подлого времени. И в себе художник часто стыдится полного совершенства, предпочитая ему какой-нибудь грязный мазок, выдающий причастность к болям века. Вот это и есть декаданс, упадничество в самом точном значении этого слова: мастер стыдится своего ремесла, жрец берётся за метлу. Набоков, безусловно, один из самых душевно здоровых людей XX века — он твердо верил в смысл своего дела и потому никогда не занимался саморазрушением или самооправданием (что примерно одно и то же)». Дальше — о традиции Набокова как об «аристократическом пути культуры» и даже о том, что тот «в эпоху вульгаризации политики вынужден не пускать её на свой порог»... Это написано в 1977 году, спустя два месяца после смерти Набокова (сразу после известия о ней, с опозданием дошедшего до СССР).

Подумал, сколь самоочевидна и недоступна мысль Эпштейна, на собственном примере — скорее отрицательном. Сколь часто сам стесняюсь этой художественности сиречь совершенства — вкрапляя в стихи современные реалии, будучи удовлетворённым своим созданием именно как «грязным мазком» времени. Иногда эпатурую — то есть намеренно и двоедушно отторгая от себя мысль о «художественности»; для последней не существует ровно никакой социальной подпитки, и всё вокруг говорит, что смысл есть всё, только не она, — всё, кроме результата, создания самой вещи, в которую веришь. И мои «грязные мазки» о «болях века», иногда политизированные, иногда отчётливо автобиографичные, как будто заранее подстилают некую соломку самооправдания. Создают удобную подкладку для собственного появления, которой вообще-то лишено незаконное и странное искусство.

Но пока что рано говорить, будто чувствую в себе независимость в этом смысле. Возможность игнорирования полити-

ки ощущается двусмысленно — с одной стороны, как возможность ухода от эпохи, от «пользы» стихов, человеческого «блага». А к этому полностью ещё не готов. С другой, как плодотворная попытка уйти от всего, к чему склоняют время и логика, — в пользу чего-то непреднамеренного и внелогичного.

12 мая 2024

В потенциальной бесконечности

Очень хочу выпустить книгу эссе из этого тг-канала, но не понимаю, кому она нахрен нужна, плюс её отодвигает всё — мемориальная работа, работа за деньги, работа над «Полётом разборов» и «Этапом роста», издание чужих-нечужих сборников... Сейчас ещё ощутил себя в роли Фриды Вигдоровой, абсолютно не готовясь к тому, но оказавшись в этой функции. И ни одно из занятий не является неважным или второстепенным настолько, чтобы можно было отодвинуть его ради непонятной книги. Понятно, что мы никогда не знаем, кому наш труд в итоге понадобится; есть прелесть мандельштамовской бутылки, пущенной с письмом в океан и адресованной тому, кто найдёт её, и всё же...

Но есть метафизическая правота и в словах Владимира Новикова, который в эпиграфе к своей (выложенной на его сайте) книге «День рождения мысли» написал, что суть её в потенциальной бесконечности — и закончится книга только с последним днём жизни её автора, а значит, не будет издана при жизни. И, конечно, никуда не уйти от мысли о некоей нереализованной идее, которые сладки именно как стремление, но неизбежно разобьются о воплощение. Так всю жизнь у меня складывается с написанием полноценных песен: возникают лишь у меня в голове и легко уходят в никуда — критерий самой абсолютной подлинности, неадресованной настоящести создаваемого.

Потому не записываю, не показываю. Умирают, родившись...

29 мая 2024

Интервью как лёгкое дыхание

Отправил для публикации своё большое интервью (беседу с Анной Аликевич) о «Полёте разборов», явлении литучёбы, вообще литкритике. Интервью было живым: бродили в одно из воскресений в Кусково под дождём, который падал на диктофон, а я то и дело убирал этот диктофон в пакетик. В общей сложности получилось 40 страниц, а изначально после двух часов нашего разговора — было 69. Аня Аликевич подправила ляпы (в моём лиде: «очередь желающих на „Полёт разборов“ не перестаёт уменьшаться» — и это после семи, наверное, перечитываний:))), а Ирина Шлионская замечательно расшифровала; доверил именно ей, так как она гениально сохраняет интонацию устности со всеми разговорными «вот» и «ну как бы». Второй раз после её расшифровки в голос смеюсь, чуть не падая со стула, видя, что наговорил, — полезно наблюдать себя в таком беспристрастном зеркале.

Многokrатно переделывал, стремясь оставить эту разговорность, и всё же с усилием сегодня расстался с материалом, так как можно улучшать свой портрет до бесконечности, но в какой-то момент есть опасность «убить» главное — непричёсанность. Беседа наша хороша тем, что совершенно не знаешь, куда она выведет; подобная была с Алией Ленивец на «Формаслове», где в одном абзаце могли поговорить о практике журналистского репортажа, в следующем — о любви к фисташкам, далее о поэзии Екатерины Симоновой, а потом о ночных танцах моей юности. И всё это оказалось органичным, и про эту беседу Евгений Абдуллаев сказал, что она «лёгкая, как дыхание».

Кажется, в таких интервью выговариваюсь за всё молчание в соцсетях, понимая, что короткие записи — не вполне мой жанр: я либо молчалив как рыба об лёд, либо многословен, середины в этом нет. В таких беседах ценю беспардонную откровенность и некоторое нарушение приличий, «регламента» интервью. Возникает вопрос, где, собственно, грань между этой откровенностью и самолюбованием? Всегда вижу эти беспардонно большие беседы глазами одного-двух конкретных людей (Набоков о Тургеневе: «Он похож на человека, который, закинув ногу на ногу, украдкой любит цвет собственных носков»), и это вдохновляет. Всё это возвращает к вопросу о «для себя» и «для читателя»,

об их сложной неразделимости, отсутствии границы.

Ну и ещё — это очистка собственной совести для дальнейшего молчания. А эту фразу не буду пояснять, как хотите, так и понимайте.

21 сентября 2023

Telegram-канал как история свободы

Впервые в новогоднюю ночь увидел свой телеграм-канал со стороны, в чужом смартфоне; всегда веду его только с компьютера, где — на мониторе — возникает ощущение некоторой всё же умеренной компактности сказанного. Тут же посты располагались длинной «колбасой», отчего сразу показались чрезмерно многословными. Это, конечно, был плодотворный вывод из инерции восприятия — возможность стороннего взгляда, самоотстраняюще-критического, редакторского. (В одном интервью среди редакторских лайфхаков Сергей Костырко предлагал обновление взгляда через вордовский «режим чтения»; и правда, такое обновление сильно помогает мне — особенно в случае замысленности взгляда. Как и повторное чтение текста в уже распечатанном виде. Всегда, когда пишу или редактирую важный текст, пользуюсь первым; использование второго — уже наивысшая степень важности.)

Но писать короче не умею и не буду — только в том случае, когда это соответствует задачам конкретного текста. Подобное — не свойственное, конечно, формату телеграма, — потребовало бы от меня подстраивания под неорганичный для меня стиль. А этот канал — как раз та история о внутренней свободе, которой часто не хватает в жизни.

И этот пост получился умеренно кратким не специально. Хотя всё же не «твит», но и не смартфонная «колбаса»...

А может, в ваших телефонах всё же неумеренная колбаса, а, дорогие подписчики?

9 января 2024

Об авторе

Борис Кутенков (род. 5 июня 1989) — русский поэт, литературный критик, культуртрегер, обозреватель. Редактор отдела критики и публицистики журнала «Формаслов», соредактор портала «Полутона».

Родился и живёт в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (2011), учился в аспирантуре (тема диссертации — «Творчество поэтов Бориса Рыжего и Дениса Новикова в контексте русской лирики XX века»).

Соредактор антологии «Уйти. Остаться. Жить», посвящённой безвременно ушедшим поэтам XX и начала XXI века (первые два тома — 2016 и 2019, издательство «ЛитГОСТ»; третий том — 2023, издательство «Выргород»). Стоял у истоков электронного журнала Литerrатура, в котором работал редактором отделов критики и публицистики с июня 2014 по январь 2018 года.

Организатор литературно-критического проекта «Полёт разборов», посвящённого современной поэзии и ежемесячно проходящего на московских площадках и в Zoom.

Автор пяти книг стихотворений, среди которых «Неразрешённые вещи» (издательство Eudokia, 2014), «решето. тишина. решено» (издательство «ЛитГОСТ», 2018) и «память so true» (издательство «Формаслов», 2021), а также книги эссеистики «25 писем о русской поэзии» (издательство «Синяя гора», 2024).

Указатель имён

А

Абдуллаев, Евгений 63, 192, 202
Агеев, Александр 5
Адамович, Георгий 177–178
Азаренков, Антон 32
Айги, Геннадий 21
Айдинян, Станислав 174
Алёхин, Алексей 193
Алигер, Маргарита 141
Аликевич, Анна 149, 202
Алпатов, Максим 192
Амелин, Максим 60
Андерсен, Ханс Кристиан 112
Анкудинов, Кирилл 192
Анненский, Иннокентий 142
Аннинский, Лев 55
Антокольский, Павел 189
Аронов, Александр 194
Арсенев, Константин 17
Артёменко, Даниил 93
Архипова, Александра 143–144
Астахова, Ирина (Ах Астахова) 18
Ахматова, Анна 55, 64–65, 95, 99, 116–118, 140, 175, 179, 190

Б

Бавильский, Дмитрий 75
Бак, Дмитрий 46
Балла, Ольга 16, 48, 64, 75, 148, 161, 171–172
Баратынский, Евгений 79
Барскова, Полина 134
Басинский, Павел 130–131
Батрынча, Григорий 134, 144, 164
Батурин, Макс 113
Бахтин, Михаил 129
Бек, Татьяна 5, 16, 31, 66, 72, 131–132, 190
Белинков, Аркадий 191

Белозерская, Любовь 140
Белый, Андрей (Бугаев, Борис) 50
Беляков, Сергей 29
Беньямин, Вальтер 39
Берберова, Нина 133, 179
Берггольц, Ольга 82
Бердяев, Николай 123
Блок, Александр 11, 19, 22, 103, 113, 149
Бобылёва, Мария 62
Бородин, Василий 21, 65, 67
Бочаров, Сергей 180
Брик, Лиля 140
Бродский, Иосиф 31, 43, 69, 96, 117, 188
Булатовский, Игорь 197–198
Булгаков, Михаил 78, 140
Буренин, Игорь (Гоша Буренин) 104
Бурич, Владимир 189

В

Вагинов, Константин 52
Василевская, Ольга 144
Васильев, Николай 82
Введенский, Александр 142
Вежлян, Евгения 153
Вересова, Алиса 66
Вигдорова, Фрида 201
Винокуров, Евгений 193
Воденников, Дмитрий 197
Вознесенский, Андрей 109, 194
Волгин, Игорь 44
Волков, Соломон 117, 179
Воробьёв, Сергей 184
Высоцкий, Владимир 36
Вязмитинова, Людмила 11, 108, 116, 132–134, 155, 168, 180

Г

Газманов, Родион 169
Галич, Александр 133
Гандельсман, Владимир 58, 176–178

Гандлевский, Сергей 21, 46, 60, 112, 145, 161, 165, 184–185
Гарсиа Лорка, Федерико 149
Гаспаров, Михаил 60, 157
Гельман, Александр 143
Герасимова, Анна (Умка) 150
Герштейн, Эмма 134
Гинзбург, Лидия 37, 39, 55, 118–119, 123, 141
Глазырин, Вячеслав 56
Гоголь, Николай 185
Гончаров, Иван 88
Гор, Геннадий 194
Горбовский, Глеб 193
Горький, Максим 174
Горюнов, Валерий 56, 59
Градива, Саша 120
Гронский, Николай 117
Губайловский, Владимир 21, 76, 181
Гумилёв, Николай 184, 196
Гусев, Владимир 25, 27

Д

Данилов, Дмитрий 16
Дарь Сирина (Василенко, Дарья) 66
Дашевский, Григорий 123
Декарт, Рене 70
Делаланд, Надя (Черных, Надежда) 198–199
Деревцова Елена (Лена Деревцова) 43
Дикинсон, Эмили 162
Добычин, Леонид 52
Дозморов, Олег 77, 90, 92
Донцова, Дарья 112, 156–160
Доризо, Николай 194
Достоевский, Фёдор 127
Драгунский, Денис 93
Дымшиц, Александр 142, 145

Е

Евтушенко, Евгений 141, 173, 196
Ембулаева, Александра (Саша Ембулаева) 42

Ермакова, Ирина 69
Ермолаева, Ольга 29, 79
Ерофеев, Виктор 191
Есенин, Сергей 159

Ж

Жукова, Тамара 161

З

Заболоцкий, Никита 141
Заболоцкий, Николай 141–142, 188
Златовратский, Николай 37
Зощенко, Михаил 78, 142, 175–176

И

Иванов, Всеволод 140
Иванов, Георгий 178–179
Иванов, Данила 60
Иванова, Наталья 25, 147
Иванова, Тамара 140
Ивинская, Ольга 174
Изварина, Евгения 90
Ильичёв, Алексей 103
Искренко, Нина 13

К

Калугина, Екатерина 43
Карабчиевский, Юрий 191–192, 194–196
Кенжеев, Бахыт 10, 41, 160–161, 169, 173
Кешфидинов, Шевкет 49
Киркоров, Филипп 19
Кобзон, Иосиф 143
Козлов, Владимир 59, 75–76, 82
Козырев, Андрей 43
Копелев, Лев 189

Коркунов, Владимир 56
Королёв, Сергей 137
Костырко, Сергей 77–78, 91, 203
Костюков, Леонид 60, 76, 178
Кошелев, Владимир 58
Кубрик, Алексей 173
Кувалдин, Юрий 154
Кудимова, Марина 51, 71, 124, 196
Кузнецова, Анна 76
Кузнецова, Инга 56
Кузьмин, Дмитрий 5, 35, 38, 134, 196–197
Кукина, Елена 75
Куприянов, Вячеслав 189
Курская, Дана 16–17, 112
Кучерская, Майя 182, 184
Кушнер, Александр 176, 193

Л

Лаврин, Александр 94–95
Латынина, Алла 158
Латыпова, Камила 58–59
Ле Карре, Джон 194
Левитанский, Юрий 148
Лекманов, Олег 182, 184
Ленивец, Алия 202
Леонов, Леонид 41, 160
Леопарди, Джакомо 190
Либединская, Лидия 141
Либштейн, Алексей 164
Ливергант, Александр 127–128
Лосев, Лев 143, 190
Лурье, Самуил 146
Львовский, Михаил 194

М

Максимов, Феликс 161–162
Мандельштам, Надежда 139–140, 150
Мандельштам, Осип 118, 140, 142, 145, 148, 174, 191
Маринина, Александра 14, 52, 128, 158, 182–184

Мартынов, Евгений 161
Матросов, Константин 96
Маяковский, Владимир 140, 191, 194–196
Межиров, Александр 31
Милешкин, Николай 158, 166
Миллер, Лариса 172
Минаев, Ярослав 190
Мокин, Станислав (Стас Мокин) 13, 21–22, 56, 66, 162, 190
Мориц, Юнна 95, 157–159
Мошков, Алексей 181
Мозм, Уильям Сомерсет 5, 20, 127–129, 171
Мустапаев, Исмаил 64

Н

Набоков, Владимир 52, 200, 202
Найман, Анатолий 117, 123, 190
Наринская, Анна 168
Наровчатов, Сергей 188
Невзглядова, Елена 77
Недеогло, Варвара 13
Некрасова, Ксения 13, 22, 67
Немзер, Андрей 35, 155–156
Нитченко, Андрей 198
Ницше, Фридрих 40
Новиков, Владимир 192, 201
Новиков, Денис 9, 46, 193

О

Оборин, Лев 75
Образцов, Пётр 160
Овсиенко, Татьяна 17
Огрызко, Вячеслав 25
Одоевцева, Ирина 133, 179
Озеров, Лев 141–142
Окуджава, Булат 194
Олейников, Николай 118
Орбакайте, Кристина 149
Останин, Борис 154

П

Павлова, Вера 169
Пастернак, Борис 60, 117–118, 173–174, 179
Пермяков, Андрей 38
Перченкова, Екатерина 61, 120, 199
Петровых, Мария 188
Платонов, Андрей 5
Плескачёв, Денис 43
Погорелая, Елена 76–77
Подлубнова, Юлия 11
Полетаев, Владимир 31
Полозкова, Вера 158
Полонский, Яков 88
Пригов, Дмитрий 22, 184
Проффер, Карл 139–140
Пунин, Николай 95
Пустовая, Валерия 16
Пуханов, Виталий 21, 155
Пушкин, Александр 11, 59, 65, 70, 79, 173, 177, 180, 191
Пяткин, Даниил 42

Р

Радковский, Александр 95
Рейн, Евгений 190
Ривин, Алик 189–190, 193
Розанов, Василий 123
Роднянская, Ирина 14–15, 44, 193
Рубинштейн, Лев 164–165
Рубцов, Николай 97, 192
Русс, Анна 6, 106
Рыжий, Борис 31, 39, 46, 77, 123, 170, 173, 187

С

Самарин, Степан 20–22, 56, 66, 162
Самарцев, Александр 177
Самойлов, Давид (Кауфман, Давид) 77, 141, 188–189, 193
Сарнов, Бенедикт 55, 93
Сартр, Жан-Поль 181–182

Седакова, Ольга 161–162, 186
Семёнова, Елена 166–167, 169
Сетон-Томпсон, Эрнест 112
Симонова, Екатерина 202
Слепухин, Сергей 105, 154
Слуцкий, Борис 54, 98
Соколов, Валентин 193
Солженицын, Александр 156, 175
Сотникова, Татьяна 159–160
Стариков, Артемий 11
Стариковский, Григорий 177
Степанова, Мария 135, 185
Сурат, Ирина 148, 180

Т

Табидзе, Тициан 89
Тавров, Андрей (Суздальцев, Андрей) 5, 58, 61, 69, 153–155, 169, 174, 186
Тарковский, Арсений 94–95, 117, 172–173, 187
Терницкий, Николай 112
Ткаченко, Семён (Сёма Ткаченко) 80
Толстая, Софья 130–131
Толстой, Лев 5, 41, 52, 127, 130–131, 160
Турбин, Михаил 40
Тургенев, Иван 88, 202
Тынянов, Юрий 118

У

Умка (Герасимова, Анна) 150

Ф

Фаликов, Илья 9
Фанайлова, Елена 199
Фехнер, Валентина 64–65
Филиппов, Василий 13, 22, 67
Фрейд, Зигмунд 52, 195

Х

- Хабаров, Игорь 180
Хан, Александр 83
Херсонский, Борис 69
Хлебников, Велимир 67, 189
Ходасевич, Владислав 65, 90, 127, 178, 180
Холмогорова, Елена 51

Ц

- Цветаева, Анастасия 174
Цветаева, Марина 44, 90, 115–117, 157, 177–179
Цветков, Алексей 160, 192, 197
Цуканов, Андрей 168

Ч

- Чанцев, Александр 57, 75
Черникова, Елена 112
Черных, Надежда (Делаланд, Надя) 198–199
Черных, Наталия 133–134, 140
Чехов, Антон 37, 52, 127
Чипига, Алексей 21, 66
Чкония, Даниил 154
Чудакова, Мариэтта 69, 78, 150–151, 169
Чуднова, Ирина 43
Чуковская, Лидия 11, 55, 78, 117, 123, 139–140, 142, 145–146
Чуковская, Марина 141
Чуковский, Корней 103, 146
Чупринин, Сергей 93, 156, 174

Ш

- Шайтанов, Игорь 38
Шакарян, Константин 192
Шаламов, Варлам 145, 156
Шевченко, Леонид 105
Шекспир, Уильям 37, 184
Шкловский, Виктор 28, 100, 176

Шлионская, Ирина 202
Шубинский, Валерий 11, 67–68, 70, 101
Шульман, Екатерина 46

Э

Эдельштейн, Михаил 52
Эйснер, Алексей 188
Эйхенбаум, Борис 10
Эпштейн, Михаил 58, 80, 96, 175, 184–185, 200
Эфрон, Сергей 179

Ю

Юзефович, Галина 186
Юрьев, Олег 39, 140, 188–190
Юрьенен, Сергей 200
Юсупова, Лидия (Лида Юсупова) 91

Я

Яновская, Злата 161
Ярцев, Ростислав 22, 68, 90

Содержание

От автора 5

57 писем молодому автору

А почему меня не обсуждают?	9
Молодой сейсмограф	10
Меня не полюбит рабочий	12
Между иерархией и любовью	13
У нас в квартире другие пластинки	15
Красотой наделю пристрасно	15
Теперь несвободно сердечко	16
Выключить профессионала	18
Зрячьсть слезы: о Степане Самарине	20
Стас Мокин как непоэт	21
О новом поэтическом поколении	22
О молодом «самиздате»	23
Идите на... и печатайтесь	25
Между человеком и зверем	27
Старческий задор и молодые авторы	28
В объятиях Прокруста	29
Контекстуализация и лоховство	30
Смехом смерть победим	31
Большой Критик и личный Карфаген	32
О промежуточном статусе в литпроцессе	34
«Полёт разборов» и современный контекст	35
Об иерархии в современной литературе	37
В плену дискурса	38
По следам семинара прозы	40
По следам «Этапа роста»	42
Творчество на рулоне	43
Юродивый проповедник	44
А не весь этот расколбас	46
Молитва	47
Молитва номер два	47
Восемь заповедей	47
И снова о семинарах прозы	49
Три «не» плохой прозы	51
Как я не стал глянцевым обозревателем и разбор этого по Фрейду	52
Литпроцесс под обломками	54
Песчаное время потерь	56

В поисках гения	56
Читая новых авторов	57
Искусство с поджатыми губками	59
Упорна колымская ночь	60
Ангел гендергэпа	62
Любовь, а не концепция	62
Осилился вчерашний человек	64
На краю канона	66
Разбор как пространство свободы	67
Дорогу беспринципности	68
Даже на заборе	69
Культуртрегер и кукурузные палочки	70
Борьба за навыки созидателя	71
Я завишу вдрызг от чужого слова	72
По следам презентации одной книги	74
Словно в опустевшем помещении	75
По следам премии «Неистовый Виссарион»	77
А черти подольют мастица	79
Пост нарциссизма неумеренного	80
Лицо за маской	82
Тайная фанатка	83

«Джедай с лопатой света» и другие эссе

Мольба о непокое	87
Синопис катастрофы	88
Об искусстве и гражданственности	89
О границах работы с политической реальностью сегодня	90
Куда сосед запропастился?	92
Сигнализация как равнодушие	93
Энциклопедия жизни	94
Голубь как биение поэзии	95
Разговор с иной сущностью	96
Репетиция небытия	98
С мёртвыми-то легче, Борис?	99
Светлые странности	102
Невротическая гигиена	102
Навязчивость к бытию	103
Литпроцесс без полумер	105
Работая над мемориальной книгой	105
Джедай с лопатой света	106
Литпроекты как зарубки постоянства	108

Стихи напишут за меня	109
Коронавирус как эвфемизм	110
Урок русского по Донцовой	112
Марь Иванна как метафизика данности	113
Странная история	114
О пересмотре границ графомании	115
Антиахматовец	116
В попытках определения гениальности	118
О двух видах прозрачности	119
В ереванском полусне	120
Тайный чтец	121
Вопреки Дашевскому	123

О классиках и современниках

Сомерсет Моэм как певец демонического	127
Искусство — это ты, или Ещё немного о Моэме	129
Софья Андреевна — это я	130
Неходовое золото: о Татьяне Бек	131
О мемуарах Наталии Черных	133
О легитимности мемуаров	135
Умру — любите	136
Мемуар как белый воронёнок	138
Карл Проффер как отражение современности	139
За чтением Евтушенко	141
Советские мемуары и зона умолчаний	141
Лучше так, чем никак	143
Эзопов язык и наше будущее	143
Туристические эвфемизмы	144
Рыдать хочется	145
Красный мох стелется	146
Последняя стрекоза	148
Мариэтта Чудакова как ролевая модель	150
Мемориальный опрос как насилие	152
В полезной тени Таврова	153
В ореоле смерти	154
Форточка и бесы	155
Об Андрее Немзере	155
Кутенков как домработница Донцовой	156
Поцеловать Юнну Мориц	157
Разведка души	159
Памяти Бахыта Кенжеева	160

Феликс Максимов: незабудка на шляпе	161
Лев Рубинштейн и энергия спокойствия	164
Назад, в небытие	166
Об идеализме	167
Репетиция пространства	168
Грёбанный смертепад	169
Пить коньяк по утрам	169
За чтением Ольги Балла	171
Праведной неправотой	172
Смерти лучше не зови	173
Когда пришли за мной	174
Между Ахматовой и Зощенко	175
Шкловский как оправдание	176
Нравственность как удел мёртвых	176
Георгий Иванов и Цветаева	178
Критик за плечом творца	180
За чтением Сартра	181
Маринина и возвышающий экзотизм	182
От Пригова до Марининой	184
Газета как фингал реальности	185
По следам телепрограммы о Рыжем	187
Давид Самойлов и рационализм	188
Ещё о Давиде Самойлове	189
Рейн на фоне современников	190
Поминки по Маяковскому	191
Я у времени привратник...	193
Ненависть туда	194
Маяковский как предначертанность	195
Так себе субординация	196
Читая Дмитрия Кузьмина	196
Охренеть, как Булатовский	197
Делаланд и книга за пять рублей	198
Набоков как творец художественности	200
В потенциальной бесконечности	201
Интервью как лёгкое дыхание	202
Телеграм-канал как история свободы	203
Об авторе	204
Указатель имён	205

В книге упоминаются Александра Архипова, Олег Лекманов, Анна Наринская, Татьяна Сотникова, Екатерина Шульман, признанные Минюстом РФ иностранными агентами; социальная сеть Facebook, принадлежащая компании Meta, деятельность которой признана в РФ экстремистской, а также Вера Полозкова, внесённая в список террористов и экстремистов.

Книги издательства «Синяя гора» можно приобрести

в России в магазинах:

Фаланстер

по адресу: г. Москва, ул. Тверская, д. 17
(вход с Малого Гнезниковского переулка,
ст. м. «Пушкинская», «Тверская», «Чеховская»)

Циолковский

по адресу: г. Москва, Пятницкий пер., д. 8
(в арку, подъезд справа, последний этаж,
ст. м. «Новокузнецкая»)

за границей в интернет-магазине:

NatashaKozmenko

по адресу: <https://www.nkbooksellers.com/>

Кутенков Борис Олегович
**КРИТИК ЗА ПРАВЫМ
ПЛЕЧОМ**
ИЗБРАННЫЕ ЗАМЕТКИ
О КЛАССИКАХ,
СОВРЕМЕННОКАХ,
ЛИТЕРАТУРНОМ БЫТЕ

Издатели: Андрей Фамицкий,
Клементина Ширшова
Корректоры: Анна Аликевич, Егор Жерябкин,
Ирина Кадочникова
Дизайнер: Екатерина Мурашова

Подписано в печать 03.06.2025.
Формат 140 x 210 мм.
Гарнитуры PT Serif, PT Sans.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
220 с. Заказ № 2918-25

Издательство «Синяя гора»
Тел.: +7 (915) 184-44-28
+7 (919) 997-07-22
www.goraizdat.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в типографии «Амирит»
410004, Россия, г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литер У
www.amirit.ru

ISBN 978-5-00207-858-5

9 785002 078585 >

Борис Кутенков

Думаю, вообще моё раздражение сложными выкрутасами гениальности — один из главных личных итогов уходящего года. От меня ушло некое самоощущение художника, которому «позволено» (в большей степени в связи с причудами других, чем со своими); я слишком столкнулся с ними — и они для меня уже не романтические красоты, а разрушающая реальность, от которой хочется отодвинуться. От пушкинского «врёт; мал и мерзок не так, как вы, — иначе» окончательно не отказываюсь, но существенно дистанцируюсь. В каком-то смысле я сейчас по мироощущению Софья Андреевна — смиренная переписчица рукописей, отдающая себя во имя литературы, убирающая в тень, — а не взбалмошный граф. Хотелось бы прийти к какому-то балансу между этим смирением, не приводящим к уходу в тень моей поэтической идентичности, — и мироощущением художника, не ведущим к тяжёлым причудам, — но это фактически недостижимо...

Борис Кутенков

Насыщенный кураторский день. Работаю в четыре руки, каждая по локоть в мыле. Составляю подборку талантливого автора, жду публикацию другого, пишу рекомендацию третьему, обсуждаю старый литературный конфликт с четвёртым. Ощуцаю себя прямо по Слуцкому: «Словно именно я был такая-то мать, всех тогда посылали ко мне» (моё любимое состояние, и пусть оно возникает чаще).

<...>

Если это иллюзия и если она помогает конкретному человеку, если к правде святой мир дорогу найти не сумеет, — пусть она будет спасительной, как всякий сон золотой.

Но если весь мир рухнет, я, безусловно, буду работать под обломками.

